

когда тюремщикъ пришелъ ей сказать, что Гвидо убитъ, что отецъ приказалъ ей взглянуть на его голову, а сердце завтра рано пошлется въ Савильяно. Корона рѣшилась отомстить своему отцу за смерть Гвидо, рѣшилась сама предаться Савильяну и сдѣлала это. Салуццо узналъ это и вѣ себя отъ страха, что и его дочь будетъ умерщвлена графомъ, какъ онъ умертвилъ сына его, поскакалъ въ Савильяно. Онъ прискакалъ туда, когда графъ уже далъ приказаніе умертвить Корону. «Умерщвляй меня, но не дочь мою; бери мое имѣніе, заключи дочь въ монастырь, но оставь ей жизнь!»—Корона съ радостью готова была умерѣть, отицая отцу за смерть Гвидо; теперь... она радовалась вдвое смерти, какъ преступница противъ любви отцовской. Графъ хотѣлъ бы ихъ оставить живыми: но передъ нимъ чаша съ сердцемъ сына. «умрете оба!» Вдругъ является — Гвидо; убитъ онъ не былъ, тюремщикъ никого не убивалъ, какъ приказывалъ ему маркизъ, а сажалъ въ погребъ и освобождалъ, когда обстоятельства позволяли; съ Гвидо сдѣлалъ то-же. Гвидо явился; старики не примирились, но дѣтямъ своимъ дали благословеніе.—Таково содержаніе драмы Раупаха, которую сегодня давали на Гоф-бургъ-театрѣ. Маркиза старика игралъ де-ля-Рошъ превосходно; Корону—Реттигова также очень хорошо, не дуренъ былъ и Лѣве въ роли Гвидо. Случалось съ большимъ удовольствіемъ.—Театръ невеликъ, но миленькій, освѣщенъ прекрасно. Публика хлопала мало, но со вкусомъ; многіе утирали слезы, скрывали ихъ другъ отъ друга, и въ антрактахъ заѣдали мороженымъ.

27-е. Вечеръ.

Landstrasse, Untere Reissner Strasse, № дома 481, на 4-мъ этажѣ, въ отдѣленіи 11-мъ. у...—не знаю самъ у кого, въ свѣтлой, чистой комнатѣ: вотъ гдѣ я теперь съ намѣреніемъ останусь на мѣсяцъ. Былъ у Вука Стефановича Караджича; онъ согласился мнѣ помогать въ изученіи Сербскаго языка, сверхъ того сыскалъ помощника себѣ, который будетъ ежедневно ходить ко мнѣ и знаетъ сверхъ Сербскаго и Хорватское нарѣчіе: нельзя не остаться въ Вѣнѣ. Былъ два раза и у Кошитаря: съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло. Лучше не подходить, а то смотри и укусить. Довольно мнѣ и Вука: этотъ Волчокъ мнѣ нравится: вотъ почему я переселился въ сосѣдство къ нему, чуть не дворъ обо дворъ.—Сегодня уже обѣдалъ съ Сербами и Хорватами, и начинаю ломать свой языкъ по ихнему. Еще неидетъ: черезъ недѣлю пойдетъ.

Есть и другія знакомства у меня. Сижу однажды въ театрѣ, оглядываю публику, гляжу: идетъ... лице знакомое. «Заикинъ, здравствуйте!»—Ахъ здравствуйте! А я недѣлю ждалъ васъ въ Прагѣ.—Заикины, помните, жили

у слѣпой старухи—рядомъ съ нами на Сѣнной улицѣ ¹⁾. Одинъ изъ нихъ путешествуетъ, узналъ обо мнѣ въ Прагѣ, когда я былъ въ Селезиі или Лужицахъ, думалъ, что я скоро ворочусь и ждалъ меня. Съ нимъ пришелъ въ театръ другой молодой Русской — Анненковъ, служившій въ канцеляріи Министровъ ²⁾. Познакомился и съ нимъ. Оба—милые люди; немножко только богаты для меня: ѣдятъ за обѣдомъ на 2, на 3 рубля, а я не позволяю себѣ выходить изъ предѣловъ трехъ гривенниковъ.—Другое знакомство было не менѣе пріятно. Пришелъ и къ Вуку; онъ и говоритъ мнѣ, что Княжевичъ ³⁾ и Надеждинъ тутъ. А они легки на поминѣ, какъ тутъ. Надеждинъ—землякъ ⁴⁾, еще дитятейю зналъ объ Иванѣ Евсѣевичѣ ⁵⁾, и Осипѣ Евсѣевичѣ ⁶⁾; Княжевичъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ Княжевичъ. Отъ Вука пошли вмѣстѣ, къ нимъ, тамъ я и завтракалъ, и обѣдалъ, и до вечера. Княжевичъ тутъ съ сѣмействомъ. Жена его Чешка, но забыла по Чешски, а съ сестрою ея мы рѣзались. Княжевичъ—прекрасный человѣкъ. Онъ искалъ мнѣ квартиру по сосѣдству съ своей; но не нашлось. Да мнѣ и лучше поближе къ Вуку. Плачу 10 гульденовъ: безъ дровъ, но съ полною прислугой.

Въ театрѣ былъ два раза—на оперѣ. Разъ давали Роберта,—отличалась Люцерава: какой мягкій, нѣжный голосокъ! Другой разъ давали Вильгельма Теля Россини,—и отличалась Бартъ или Гассельтъ Бартъ: славной голосъ, только нижняя октава дишканта немного слишкомъ жиловская, въ носѣ. Хоры прекрасны. Балеты мягки, но безъ чувства. Пріятныхъ личикъ также мало, какъ гадкихъ много.

Здрава будте мѣ мила майка. Кушующъ васъ обьвѣмъ и остаѣмъ вашъ.

Срз.

XLVI.

№ 35.

Вѣна, 26 февр. 1841.

Сегодня въ 7 часовъ вечера мы выѣхали изъ Вѣны; и тутъ, какъ и всюду, я нашелъ для себя провожатыхъ. Заикинъ и Анненковъ напоили меня чаемъ, и проводили на почту. Вошедши на почтовый дворъ, вижу запряжен-

¹⁾ Въ письмахъ изъ Петербурга о нихъ не упоминается; о Заикинѣ см. въ путевыхъ письмахъ П. В. Анненкова и въ письмахъ М. Н. Каткова къ Анненкову (П. В. Анненковъ и его друзья. С.-Пб. 1892).

²⁾ П. В. Анненковъ; въ своихъ путевыхъ письмахъ онъ вспоминаетъ про знакомство съ И. И. (см. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, 138).

³⁾ Дм. Макс. Княжевичъ—попечитель Одесскаго учебнаго округа.

⁴⁾ И. И. Срезневскій называетъ Н. И. Надеждина землякомъ, такъ какъ они оба были родомъ изъ Рязанской губерніи.

⁵⁾ И. Е. Срезневскій—отецъ Изм. Пв. Срезневскаго.

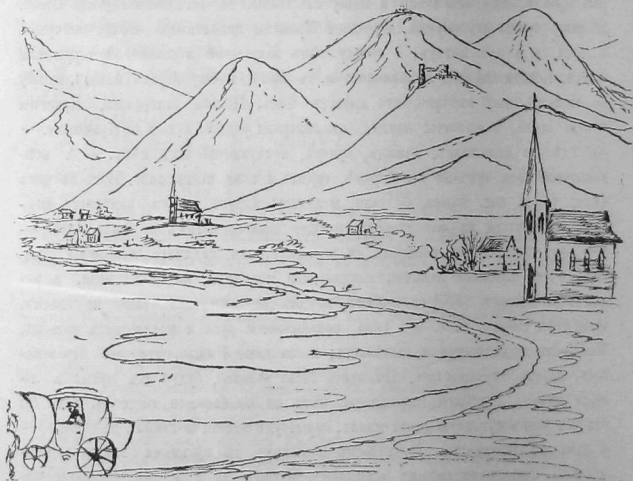
⁶⁾ Осипъ Евс. Срезневскій—дядя И. И. Срезневскаго, профессоръ Казанскаго университета.

ную маленькую карету, спрашиваю: эта ѣдетъ въ Градецъ? «Эта». Я одинъ? «Нѣтъ, еще есть дама». Очень хорошо, и мы начали высматривать даму, которая поѣдетъ со мною. Смотримъ—вонъ и дама бѣжитъ. Вглядываюсь... Боже мой! да это—Харьковская, это—мадамъ Гельмъ. Она останавливается: точно. Тутъ оказались и два Росланевскіе. Они остаются въ Вѣнѣ; она ѣдетъ въ Голландію, пріѣзжала въ Вѣну покупать фортопьяна и экипажи. Слѣдовательно она не моя спутница. А вонъ и моя: садится въ карету. Почтальонъ трубить. Обнялись, цоцѣловались. «Adieu, прощайте, добра шиелива путь, adieu». Я съѣлъ, пріутюжился въ свою шубу. Еще разъ «прощайте»,—и началъ разговоръ съ спутницей обычнымъ «pardonnez si je vous gène». Она отвѣчаетъ, но языкомъ, который какъ то не совсѣмъ разумѣется. Оказывается, что по Итальянски, Тирольскимъ выговоромъ. Она Тиролька, жила и живетъ въ Триестѣ, и теперь вѣрнется туда изъ Вѣны, куда ѣздила къ сыну». «А вы Французъ»? Нѣтъ, я Русской. «Шинёро Рушшо! Брафо. Я люблю Русскихъ: они добры, они храбры, какъ Тирольцы. Они дали себя звать Наполию. Брафо». Словомъ еще мы не вышли изъ воротъ Вѣнскаго «штадта», а шинёро Рушшо и шинёра Тиролеша были друзьями. Разговоръ прерывался не чаще какъ черезъ 5 минутъ, когда она творила молитву.— Да нѣтъ, что ты болтаешь, Измайлуша! Ты ѣдешь изъ Вѣны!—Совершенная правда, ѣду изъ Вѣны и пишу изъ Вѣны, но выѣхавши еще изъ Вѣны. Я сижу теперь въ корчмѣ. Фурманы Краинцы наполняютъ столъ, потчуютъ и меня, и я ихъ потчую, а между тѣмъ записываю и пѣсню, которую они поютъ. Кстати арфистъ и скрипачъ: я къ нимъ, прошу играть польку, прошу по Чешски, зная навѣрно, что арфистъ Чехъ. Полька заигралась, Краинцы изъ-за стола, и плясать: поняли, что заиграли родное, хоть и не Краинское.— Да гдѣ же дилижансы, лошади, кучеръ, кондукторъ? Ихъ нѣтъ. — А компаньонка? Она тутъ-же въ корчмѣ, сидитъ и тоже пьетъ вино. Вотъ въ чемъ дѣло: ѣхали мы, ѣхали, болтали, молились; вдругъ карета начинаетъ медленно склоняться на мою сторону, прежде немного, потомъ все болѣе, болѣе,—и я, не двигаясь, не пошевеливъ ни пальцемъ, изъ сидячаго положенія принялъ очень покойное лежачее; компаньонка моя тоже, но не на меня, а рядомъ. И лежимъ. Зачѣмъ лежимъ, зачѣмъ не двигаемся—сами не знаемъ. Наконецъ сверху, т. е. изъ окна, показывается рука и предлагаетъ помощь. Моя дама поднимается и вылѣзаетъ; я за нею. Вышло, что ось переломилась, карета опрокинулась. Выходить было неловко, будто изъ юрты; а лежать ничего. Вылѣзши, спрашиваю, нѣтъ ли по близости гастгофа, куда бы отвести мою испуганную даму: отвелъ, сбрызнулъ водою, положилъ на скамью,—и самъ къ Краинцамъ. Почтальонъ поскакалъ съ письмами впередъ; кондукторъ пошелъ за новымъ экипажемъ. Ждемъ, да и ждемъ. Краинцы уже

выбрались спать; а я за портфель, — и вотъ записаль знаменитый выѣздъ изъ Вѣны. «Не даромъ я говорила, что сегодня пятница», замѣтила моя шинѣра. А я такъ все въ пятницу выѣзжаю: и изъ Праги въ пятницу, и изъ Брюна въ пятницу, и изъ Вѣны въ пятницу.

Штирія. Градецъ Нѣмецкій (Grätz) 28 февраля.

Вчера въ половинѣ 10-го вечеромъ пріѣхали мы сюда, надобно было бы пріѣхать къ 7, но третьегодншнее паденіе помѣшало. Прошлую ночь я проспалъ; мы поднимались на горы, спускались съ горъ, — ничего не знаю. На утро гляжу: горы на лѣво, горы на право, горы у дороги, изъ за нихъ другія вдали, горы высокія, пирамидальныя. Теперь онѣ покрыты снѣгомъ, и подъ лучами солнца рисуются живописно. Утромъ дорога шла по берегу Мурицы, послѣ обѣда по берегу Муры: текутъ быстро, гремя по камнямъ, и зелены (водою), и уже текутъ. Сельскіе домики деревянные съ маленькими окошечками. Городки очень часто. Народъ малорослой. Горластыхъ, у которыхъ горло вдвое больше головы, много; не мало и кретиновъ. На головахъ женщинъ бархатныя шапки въ родѣ мужскихъ, такія. По горамъ видны развалины замковъ. Изъ выходовъ всего чаще такіе:

Еще вчера я заказал лондинеру, что-бы онъ узналъ, гдѣ живетъ Славян. профессоръ Квасъ: онъ спрашивалъ и не узналъ. Пошелъ я самъ справиться въ Университетѣ. Что-же! два часа искалъ Университетъ,—не нашелъ: одного спрашиваю, гдѣ—не знаетъ; другого—проводилъ въ полицію, третьяго—завелъ въ театръ, четвертаго—указалъ на губернаторскій домъ; а Университета все нѣтъ. Къ счастію я самъ замѣтилъ какую-то латинскую надпись и на ней *inventus* или что-то такое. Пошелъ туда и нашелъ универ. библіотеку. Она была отперта, и библіотекарь былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ все. Теперь я воротился изъ Иоаннеума, прекраснаго заведенія въ пользу просвѣщающихся; иду въ театръ, что-бы только познакомиться съ публикою.

Вотъ я и воротился. Играли Раупахова Мельника. Мельникъ—старикъ, богачъ, скряга; у мельника дочь, влюбленная въ бѣдняка. Отецъ при смерти; но готовъ скорѣе провѣсть дочь, нежели позволить ей выйти за бѣдняка. Тутъ начало, тутъ и конецъ: мельникъ умираетъ, дочь его—тоже. Для прикрасы вставлено преданіе, что въ Сильвестровъ вечеръ, въ полночь можно видѣть всѣхъ, кто умретъ въ будущій годъ. Пьеса безъ идеи, безъ значенія, безъ связи. Играли только что порядочно. Между актрисами есть одна по имени Варгафская: это было бы по русски Справедливерова. Театръ—прекрасное зданіе, хоть для Вѣны. Кулисы—гадость. —

Самъ Градецъ—40.000 жит.; 4 предмѣстія. Кругомъ горы. Въ самомъ городѣ гора вышиною выше Хорошевекой ¹⁾, и круче. Изъ мостовъ черезъ Муру—одинъ цѣпной прекрасной. Улицы узкія, домовъ большихъ много, много и маленькихъ, даже отдѣльно стоящихъ. Лѣтомъ тутъ рай: окрестности безподобны, живописны, веселы, разнообразны: А теперь все подъ снѣгомъ, только что начинается таять.

О руководствахъ для А. Л. М. ²⁾ я право ничего не могу сказать, новаго хорошаго ничего нѣтъ.

Марбургъ. 9 мар.

«Гдѣ это?»—Въ той же Штиріи. Вы сыщите его на картѣ, на рѣкѣ Дравѣ, ниже Градца. Я пріѣхалъ сюда третьяго дни вечеромъ. Ъхалъ медленно—9 миль цѣлой день,—но очень полезно и пріятно провелъ я этотъ день. До того мѣста, гдѣ Мура поворачивается на востокъ, ѣхалъ я по Нѣмціи, но уже встрѣчалъ многихъ Славянъ. Переѣхавши черезъ Муру, я увидѣлъ передъ собою такъ наз. Виндскіе Бугры (*Windische Büheln*), холмы, покрытые виноградными садами. Тутъ живутъ Горчане. Одежда мужчинъ и женщинъ, какъ въ Чехіи; но языкъ совершенно другой: я говорилъ съ ними по Русски, ломая удареніе,—и они понимали меня лучше, нежели я ихъ.

¹⁾ Около Хавькова.

²⁾ Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій.

Марбургъ маленькой, но лучшій городокъ послѣ Грецъ въ Штиріи. Положеніе прекрасное. Драва съ высокими гористыми берегами, горы кругомъ. Въ самомъ городкѣ есть хорошенкіе домики, но улицы теперь нечисты. Трактиры, судя по лучшему, въ которомъ я остановился, подъ вывѣскою Золотого Оленя, плохи: моя комната и прямо съ надворья, и мала, и даетъ банной теплоты на два часа, а потомъ похолодѣтъ. Время я провожу, впрочемъ, хорошо. Тутъ я нашелъ д-ра Пуфа, Нѣмца, до безумія влюбленнаго въ Славянъ, и познакомился съ нимъ сѣмейно. Вчера вмѣстѣ съ нимъ ѣздили мы въ селеніе Лембахъ, къ пастору Цвѣтку; а сегодня я у него провелъ почти цѣлый день: записывалъ отъ служанки его Штирійскія пѣсни, учился танцовать по Штирійски и т. д. Она премилая дѣвушка и хохочетъ отъ радости, что понимаетъ человѣка, пріѣхавшаго сюда изъ за 300 миль. Жена Пуфа плохо понимаетъ по Виндски, но поетъ пѣсни наизусть, и записала мнѣ два мотива.—Какая досада, что еще не весна: нельзя пѣшкомъ ходить; а стоило бы.

Свѣтлое Воскресенье. 12-е.

(Gross Sontag, Velika nedelja)

Тутъ я у пастора Дайнка, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей Штирскихъ: онъ тутъ священникъ благочинный (Деканъ). Принять я по Славянски, и собираю что можно въ свой портфель. Изъ Марбурга поѣхалъ въ Птую (Pettau), тоже на Дравѣ, и потомъ сюда. Отсюда загляну на Венгер. границы, и потомъ въ Кроацію. Природа уже развивается: дуга зелены, виноградъ обрѣзываютъ, солнце свѣтитъ жарко.

Странно мнѣ было въ первый разъ взглянуть на здѣшняго Штирца. Бордку бы ему да штаны въ сапоги, такъ и былъ бы Русскій мужичокъ; а рубаха по нашему спущена и перепоясана тонкимъ пояскомъ. Головы женщинъ, какъ и въ Малороссіи: замужнія въ очепкахъ, дѣвушки въ лентахъ. Курныхъ избъ довольно, какъ и между Нѣмцами въ сѣверн. Штиріи; впрочемъ разрисованы какъ въ Великороссіи и выбѣлены какъ въ Малороссіи. Мѣста чудесныя. Мы ходили съ Дайнкомъ на одну виноградную гору любоваться, и точно есть, чѣмъ любоваться. У ногъ широко разстилается Птуйское поле, вдали блещетъ Драва, а за Дравой бѣлѣютъ подъ снѣгомъ горы, далѣе и далѣе однѣ изъ за другихъ, и въ самой дали блещутъ снѣжные Каринтійскіе Альпы.

Вино ни почему: 10 коп. бутылка, и прекрасное. Меня поятъ; я впрочемъ остерегаюсь. Красной носъ: это чего нибудь стоитъ.

Я ничего не сказалъ о Птуѣ: маленький, порядочной городъ. Много Римскихъ древностей. Гостепріимство тамошнихъ духовныхъ, съ которыми я

познакомился, перешло за границы: я пилъ кофе, я обѣдалъ, я пилъ вино, я курилъ цигары, я ужиналъ—все въ кофейняхъ,—и они не позволили мнѣ заплатить ни копейки.

Кроація. Загребъ (Agram). 17-е.

Сюда я пріѣхалъ изъ Вараздина, куда пріѣхалъ изъ Фридау. До Вараздина довезъ меня Дайнко; а тутъ я нанялъ гелегенгейтъ, т. е. извозчика, за 8 двугривенныхъ. Не дорого: отъ Вараздина до Загреба 10 миль, 70 верстъ. Ъхали цѣлый день до полночи, сначала по величественной Дравской долинѣ, потомъ по горамъ. Останавливались 3 раза кормить лошадей,—и я издержалъ еще двугривенный на вино: мужички его пили на мое здоровье, и пѣли мнѣ пѣсни, рассказывали разныя разности, и пр.—На другое утро, я отправился къ Гаю ¹⁾: стоило мнѣ сказать, что я Русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай, и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарикъ писалъ имъ, что я буду въ Загребъ изъ Далмаціи. Весь день провели вмѣстѣ. Гай предводитель здѣшняго Славянства, и въ 6 лѣтъ успѣлъ сдѣлать, что все и гражданство и дворянство стало говорить по Славянски. На другой день разболѣлись у меня зубы,—и я вотъ второй день не выхожу изъ дому. Не остаюсь однако одинъ: до сихъ поръ перебывало у меня новыхъ знакомыхъ челоѣкъ до 15. Гай былъ прошлымъ лѣтомъ въ Петербургъ, Москвѣ и Варшавѣ, восхитился Россіей ²⁾ и теперь восхищается другихъ. Вотъ почему такое вниманіе и ко мнѣ. Хотятъ даже дать для меня еще разъ оперу Гризельду, которую играли прошлый четвергъ и сыграли неожиданно хорошо. Я говорю тутъ по Русски, и меня понимаютъ очень хорошо. Ну, ученымъ людямъ, куда бы ни шло; а то вотъ что меня разсмѣшило: третьяго дни ходили мы за городъ. Идемъ, идетъ Хорватъ. Я къ нему—и по Русски: все понимаетъ. Сопутники мои хохочутъ, что мы такъ легко разговариваемъ другъ съ другомъ, и спрашиваютъ Хорвата, откуда бы могъ я быть?—Хорватъ.—Да развѣ я говорю по Хорватки?—Да, по Хорватски.—Можетъ быть по Краински (изъ корол. Иллиріи)?—Нѣтъ, не по Краински: Краинца самъ бѣсъ не разберетъ, какъ станетъ говорить; а этого господина я разумѣю.—И я же говорилъ, не ломая языка, а просто по Русски, по Московски.

Только, что я дописалъ это, какъ приходитъ Вразъ, и приноситъ ваше письмо отъ 10 февр. То-то была радость! Я вчера посылалъ на почту узнать, нѣтъ ли мнѣ письма: нѣтъ. Я не зналъ, что и думать. Зубы болятъ, а къ тому

¹⁾ Знаменитый д-ръ Людевитъ Гай (1809—1872).

²⁾ Объ этомъ путешествіи Гаю см. у Н. П. Барсукова: Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 444 и слѣд.

же грустно: я цѣлую ночь то и дѣло потушу свѣчу, да опять зажгу. Ну, слава Богу: вы здоровы, и братъ у васъ. Но скажите, душенька Маменька, ужели къ вамъ не доходили мои письма? Я, правда, сталъ рѣже писать, но все же каждый мѣсяцъ пишу, и если рѣже пишу, то вовсе не отъ лѣни. Куда мнѣ адресовать слѣд. письма? Въ Харьковъ или въ Кіевъ? Я такъ думаю сдѣлать: слѣдующее напишу кому нибудь изъ моихъ Харьковскихъ пріятелей; а когда получу отъ васъ вѣсть, то буду писать, куда назначите. Вы адресуйте Гаю: онъ будетъ мнѣ пересылать.

Какъ жизнь дешева въ Загребѣ: въ гостиницахъ обѣдаютъ за общимъ столомъ, подается 6—7 прекрасныхъ блюдъ, и платится 30 коп. сереб.

Темиѣтъ. Прилягу. Сегодня мнѣ лучше: но еще слабъ. Какъ я счастливъ, что пріѣхалъ лечиться сюда—къ роднымъ. А пріѣхалъ я случайно: я хотѣлъ прежде изъ Марбурга ѣхать въ Люблины (Лайбахъ). Все къ лучшему.

Прощайте, душенька Маменька.

Скажите Амвросію Лукіановичу, что-бы онъ на меня не сердился. Я люблю его, какъ любилъ, и не стою перемѣны *ты* на *вы*: скажи прямо, а не выкай ¹⁾).

XLVII.

№ 37.

20-е марта. Омилѣ.

Помѣщичій домикъ на полугорѣ, за нимъ и кругомъ горы, подъ нимъ долина; всюду вокругъ виноградники, и тамъ и здѣсь разбѣяны сельскіе домики. Домикъ небольшой, но мило уютной; въ нижнемъ ярусѣ столовая, кабинетъ хозяина, кухня, чуланы; въ верхнемъ—небольшая гостинная, двѣ большихъ спальни по бокамъ и дѣвичья; въ сторонѣ отъ домика хозяйственныя пристройки. Прислуга большею частію мужеская. Небольшое сѣмейство хозяина увеличилось гостями: мы съ Вразомъ на одну ночь, другіе останутся на долѣе; между ними есть и одна дама, соседняя помѣщица, захворавшая и живущая, какъ у себя дома. Мы съ Вразомъ ѣдемъ въ Загорье, и уже у горъ. Тотчасъ послѣ обѣда и въ путь.

Быстрица. 20—22.

Верхомъ на лошадяхъ или, лучше сказать, клячахъ тащилась мы по горамъ въ Быстрицу. Дорога вьется, поднимается и опускается, то скроется въ лѣсу, то раскроетъ передъ нами широкій прекрасной видъ на горы и отдаленности, дорожка, а не дорога, то каменистая, то грязная. Мы тащимся; два Хорвата, въ широкополыхъ шляпахъ и кабаницахъ (свитахъ), изъ-за ко-

¹⁾ Приниска на полѣ (говорится объ А. Л. Метлинскомъ).

торыхъ видна рубаха, спущенная по Великорусски сверхъ широкихъ шароваръ, идуть пѣшкомъ. Тащились мы, тащились, къ вечеру мелькнула намъ изъ за деревьевъ, съ горъ въ долину Быстрица; часу въ 8-мъ мы были тутъ.

Въ Быстрицѣ есть чудотворная статуя Божіей Матери и при церкви аббатство. Мы пошли къ аббату, прямо къ нему, остановились у него почевать, быть у него въ гостяхъ все время, пока останемся въ Быстрицѣ. Добрый, почтенной старикъ принялъ насъ радушно, радовался, что принимаетъ Русскаго, подарилъ мнѣ разныхъ книжекъ, между прочимъ и вамъ, милая маменька, велѣлъ передать одинъ образокъ Божіей Матери Быстрицкой, отпущенный на атласѣ. Быстрица знаменита тѣмъ, что сюда стекаются молещички со всѣхъ Австрійско-Славянскихъ земель, и Римской, и Греческой вѣры, и аббатъ, хоть и самъ католикъ, но еще болѣе христіанинъ, и глядитъ на различіе между католицизмомъ и православіемъ, какъ на мелочь, желая отъ души соединенія ихъ вольнаго, безъ всякихъ папъ.

Крапина. 23-е.

Мнѣ снилась сегодня одна старушка, о которой я забылъ вамъ написать: это домоуправительница въ аббатствѣ. Предобрая старушка. Смотритъ на меня и смѣется: ей все кажется страннымъ, удивительнымъ, непонятнымъ, что я странникъ изъ за 250 миль, говоря съ нею на своемъ родномъ языкѣ, могу быть ей понятенъ. Еще не успѣвъ окончить своего вопроса мнѣ и уже смѣется, а потомъ промолвить про себя: «чудно! чудно!»—Такъ она мнѣ и снилась: стоитъ, сложа руки, передо мною, смотритъ на меня да смѣется.—Еще я забылъ сказать вамъ, что я въ Крапинѣ танцевалъ. «Съ кѣмъ?» Все своя братія: Вразъ, одинъ помѣщикъ, провожавшій меня до Быстрицы, мужъ больной дамы, да еще сыскался въ аббатствѣ нѣкій отставной майоръ, живущій то тутъ, то тамъ насчетъ правъ гостепріимства. И славно танцевали.

Плотно позавтракавши, мы сѣли на форшпангъ и далѣе въ Крапину. По дорогѣ заѣзжали къ одному помѣщику, застали не его, а его молодую жену, которая насъ угостила обѣдомъ, улыбками, выкрутасами въ родѣ «ничего-съ, помилуйте», впрочемъ, очень милыми.

А вотъ теперь мы въ Крапинѣ. Съ одной стороны гора и на ней развалины стараго замка Крапины, гдѣ когда-то жила, какъ говорятъ преданіе, Чехъ, Лехъ и Мехъ; съ другой стороны гора и на ней слѣды развалинъ другаго стараго замка Псари; между ними по узкой долинкѣ улица съ домиками и двѣ церкви на пригоркахъ; въ одну сторону долина расширяется и выказываетъ горы за горами, въ другую сужается и пропадаетъ въ горахъ: вотъ это городокъ Крапина со своими окрестностями. Уединенное,

завидное мѣсто. Мы таскались по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни, и пр.

25-е. Корчма у Яковля.

Тутъ мы ночуемъ. Ждали, ждали форшпанга, и не дождалсь. Форшпангомъ называется во всей Венгріи нѣчто въ родѣ почты: телѣга, пугъ лошадей; на одной изъ нихъ сидитъ кучеръ, на козлахъ, сложивши руки, помощникъ его; каждую станцію телѣга и все перемѣняется; за станцію отъ лошади платится отъ 15 до 20 крейцеровъ серебра. Мужики поютъ, дѣвки кричатъ; дымъ изъ кухни за неимѣніемъ трубы валитъ въ сѣни и изъ сѣней въ поле; наша комната впрочемъ чиста.

27-е. Загребъ.

Сажусь сегодня за столъ обѣдать, снимаю салфетку съ прибора, — глядь — пакетъ, и на немъ женскою рукою «Izmaelju Ivanovicu Sreznjevskomu». Что это такое? — Вы не угадаете. — Это подарокъ сестры больной дамы, миленькой Загорки; это — каламанахъ Иллирскій, шапка въ родѣ калпака, красная суконная, серебромъ вышитая съ Иллирскимъ гербомъ (молодой мѣсяцъ и денница). Она (Драгоила Степановна) общала мнѣ и исполнила общаніе. —

Загребъ. Субота

Сегодня я былъ въ Саборѣ, т. е. въ торжественномъ засѣданіи Читальницы Загребской. Къ пяти часамъ зала наполнилась: тутъ былъ между прочимъ графъ Янко Драшковичъ — Президентъ, Загреб. Жушанъ Зденчай, Вицебанъ, графъ Оршичъ и пр. и пр. Дѣло шло о покупкѣ дома для народ. Иллирскаго театра, гдѣ могла бы помѣщаться и библіотека Читальницы, зала для Ученаго Общества и т. д. Проектъ прочтенъ, и всѣми одобренъ. Стали выбирать членовъ для непосредств. веденія этого дѣла. И тутъ обошлось безъ споровъ: Драшковичъ произносилъ имя, и все начинало кричать «Богъ да живи» (Да здравствуетъ). Изумительно, какъ Гай могъ и умѣлъ сосредоточить частныхъ, себялюбивыхъ воли въ одну общую «домородную» (патріотическую волю): проектъ писалъ Гай, и все, что онъ предложитъ, считается святостію. Подумаешь, Гай старикъ; а онъ молодой, прекрасный собою человекъ.

Изъ Сабора — въ театр: давали двѣ пьесы по Нѣмецки и одну по Иллирски. Зрителей было мало. Большіе актеры играли плохо; но за то дѣтя 6—7 лѣтъ Пенни Венсъ — превосходно.

Цѣлой день до вечера книги въ руки не бралъ. Въ 10-мъ часу пришло Бабукинъ ¹⁾), — и мы пошли съ нимъ къ Зденчаю. Почтенный старикъ, домородецъ, любить Русскихъ всею душою, читалъ и имѣетъ Карамзина, Пушкина и пр. Онъ пригласилъ меня обѣдать на сегодня. — Отъ него — къ Драшковичу. Опять почтенный старикъ, домородецъ, Славяннъ въ полномъ смыслѣ слова. Заговоривши со мною объ отношеніяхъ между Русскими и Поляками, онъ заплакалъ; «Боже мой! когда же наступитъ время, что все мы — братья, Славяне, — подадимъ братскія руки другъ другу». — Вообще здѣсь все домородцы бредать о соединеніи Славянъ, — и любимая пѣсня ихъ —

Боже, сложи все Славене,
Да имъ слава не повене.

Отъ Драшковича — въ Уніатскую церковь: богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, какъ у насъ. Изъ Уніатской — въ Православную. Тутъ служба какъ у насъ, пѣсни какъ у старообрядцевъ нашихъ. Къ хору дьячковъ присоединяются и многіе мужчины. Женщины стоятъ сзади. Кругомъ церкви мѣста для стоянья, какъ въ монастыряхъ. Церковь маленькая, но чистенькая. При церкви училище въ родѣ Семинаріи. Далѣе пошли къ цензору. Потомъ — обѣдать въ Иллирскую народную кофейню, какъ обыкновенно. Сюда въ 2 часа пришло одинъ молодой священникъ и просилъ, что-бы я «удостоилъ» посѣтить Семинарію, гдѣ меня ждутъ съ нетерпѣніемъ семинаристы. Я пошелъ. Толпа молодыхъ людей меня окружила, глядя на меня во все глаза. Одинъ сказалъ что-то въ родѣ поздравительной рѣчи, — и потомъ начали мнѣ хвалиться, что они учатся разнымъ Слав. языкамъ, одни — Чешскому, другіе — Русскому. По Русски учатся больше всего и съ удивительной ревностію. О домородствѣ ихъ нѣчего и говорить. И, хоть католики, настолько же уважаютъ православіе, какъ вообще все домородцы здѣшніе. Оттуда — въ Соборъ: прекрасное зданіе (внутри), чистое, безъ излишнихъ католич. украшеній. Оттуда — на конецъ города къ церкви, не знаю какой по имени. Она окружена лугомъ и садомъ. Сюда имѣютъ обычай собираться гулять по воскресеньямъ въ продолженіе Великаго Поста. Передъ церковью лавки съ пряниками. Подалѣе нищія. Народу всехъ сословій множество. Дамы Загребскія не отличаются вкусомъ: пестро, вычурно, дико. Оттуда — къ Гаю; онъ былъ эти дни боленъ; теперь ему лучше. Читали отрывки изъ описанія Босніи, составленнаго однимъ Босн. монахомъ. Превосходное описаніе. — Не успѣлъ прійти домой, какъ явились ко

¹⁾ Одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія.

мнѣ студенты Академіи, которымъ я на дняхъ показывалъ правила Русскаго чтенія. Ревность въ изученіи Русскаго языка страшная. Нашего царя любятъ, какъ Бога, Русскихъ—не меньше. Если такъ пойдетъ дальше, то я не знаю, что будетъ черезъ 20 лѣтъ. Не только тутъ, но во всей Кроаціи, Славоніи, отчасти въ Далмаціи и далѣе все молодое поколѣніе за Русскихъ. Мадыары напротивъ боятся и ненавидятъ насъ. Меня многіе увѣряютъ, что я составлю теперь въ Загребѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора: одни за меня, другіе противу меня. Никто только не воображалъ, что я такой маленькой ростомъ: всѣ тутъ воображаютъ Русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ. Вечеръ мой обыкновенно оканчивается въ Иллирской кофейнѣ, гдѣ собираются литераторы.—

Вторникъ.

Воротился изъ Иллирскаго театра: давали Анджело Викторъ Гюго. Играли хорошо; страненъ только выборъ пьесы. Сначала я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а потомъ въ ложѣ знакомаго доктора, съ его молоденькими сестрицами: сами назвали. Премиленькія и предобренькія Хорватки. Завтра въ путь.— Прощайте!

И. Срез.

XLVIII.

№ 38.

Юрово на Краинской Границѣ. 2-е Апрѣля.

Я согласился съ Вразомъ путешествовать вмѣстѣ по Краинѣ и Каринтіи, и путешествіе наше началось. 31-го Марта мы выѣхали изъ Загреба въ Карловецъ (по Нѣм. Карлштадтъ—вы найдете его на югъ отъ Загреба). Въ Карловцѣ уже насъ ожидали,—и вечеромъ пито было шампанское за здоровье всѣхъ и каждого, пѣты пѣсни патріотическія, народныя и т. п.; на другой день намъ показали бібліотеку тамошней «Читальницы» (какъ тутъ называютъ кабинетъ для чтенія), и пр. И въ Карловцѣ, какъ въ Загребѣ, домородство цвѣтетъ и уважается: вотъ почему и мы были принимаемы такъ «уважительно». На другой день послѣ обѣда (то есть вчера) мы поѣхали въ Юрово. Это—имѣніе одного изъ Карловецкихъ домородцевъ, Враницара, имѣніе богатое, прекрасное, гдѣ управителю приказано было принять насъ, какъ слѣдуетъ. Безъ шампанскаго не обошлось и тутъ. Сегодня утромъ забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощію «свѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара, успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки.

Народъ тутъ бѣденъ, живетъ не такъ чисто, какъ въ Украинѣ, но добръ, простодушенъ, и только потому боится одѣтыхъ по Нѣмцки, что считаетъ всѣхъ такихъ за Нѣмцевъ.—Послѣ обѣда мы ѣздили черезъ границу Краинскую въ городокъ Метлику (Metling). На горѣ, разбитой пополамъ оврагомъ, нанизаны домики каменные и деревянные, болѣею частью нечистые, между ними церкви, а подлѣ нея приходской домъ: вотъ и весь городокъ. Тутъ ходили мы къ Дебану (благочинному), а развѣдавши отъ него все, что было можно объ окрестныхъ жителяхъ, пошли въ кофейню, и тутъ набрали всего съ три короба. Кафеджіа самъ любитель пѣсенъ, самъ Краинецъ, имѣетъ 70 лѣтнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвалъ одѣтыхъ по праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стариковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣла было, что записывать да рисовать¹⁾. Нарѣчіе тутъ еще не чистое Краинское; какъ бы то ни было, я преспокойно говорю по Русски, т. е. по Великорусски, и меня понимаютъ. Личикъ хорошенькихъ много: карія глазенки, улыбка на лицѣ, что-то хитренькое въ минѣ,—все это идетъ къ бѣленькому лицу, остренькому носу, узенькому подбородку и губамъ à la Алѣна Романовна²⁾. И вотъ какъ такое дѣвичье личико украшаетъ себя: коса вся подобрана сзади подъ мѣдную иглу въ родѣ дощечки и вложена клубкомъ въ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ, къ которому на затылкѣ привязанъ цѣлый пучъ широкихъ разноцвѣтныхъ лентъ длиною четверти въ полторы; вѣнокъ очень малъ, такъ что покрываетъ голову только сзади, а съ переди по лбу и вокругъ всей головы идетъ парта красная суконная, въ полтора пальца узенькая, искусно вышитая бисеромъ и выложенная разноцвѣтными камнями. Все это очень мило.

Новое мѣсто (Neustadt) 3-го Апрѣля.

Сегодня опять счастливый день, счастливый, потому что многое успѣлось записать въ путевую книжку. Пріѣхавши опять въ Метлику мы пересѣли на другую тележку и поѣхали въ горы. Эти пограничныя Краинскія горы между Самоборомъ и Метликой называются Ускоцкими, по имени Ускоковъ, въ нихъ живущихъ. Горы высокія, дикія, каменистыя, на вершинахъ заросшія непроходимымъ лѣсомъ, по отлогостямъ кое-гдѣ покрытыя травой, кое-гдѣ совершенно голыя; между ними увалы и долины; на нихъ кое-гдѣ нивы, еще рѣже виноградники; кое-гдѣ стоитъ церковка; тамъ и сямъ то разбросанно, то

¹⁾ Въ путевыхъ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось значительное количество рисунковъ, главнымъ образомъ относящихся до этнографіи славянскихъ земель.

²⁾ Е. Р. Шидловская—Харьковская повѣщица.

стѣснившись стоять хижины; и тутъ и тамъ пасутся овцы, и пастушокъ, сидя гдѣ-нибудь высоко на камнѣ, уныло поетъ «юнацкую» пѣсню, вспоминая въ ней о Маркѣ Крадевичѣ, Матвѣѣ Корвинѣ или Іоаннѣ Гуніадѣ. А вонъ у ручья, спадающаго съ горъ, стоитъ съ ведрицею дѣвушка, красная шапочка (капа) на головѣ; двѣ переднія косы и большая коса сплетены сзади въ одну и падаютъ по спинѣ широкой лентой, къ которой съ конца привязаны ушлетакъ изъ костей и стекларуса; кошуля съ широкими рукавами вышита на груди красными и синими нитками; широкій красный поясъ обхватываетъ талью, и спереди внизъ отъ нея виситъ красная прегача въ родѣ передника, снизу отороченная широкою бахромою; изъ-за нея видны красные чулки, а сверху «постолы» на высокихъ узенькихъ клобучкахъ. Глаза и волосы черны какъ смоль, лицо смугло какъ у Итальянки; выраженіе лица добро, но гордо. Къ ней подошелъ «юнакъ» въ бѣлыхъ узкихъ лачахъ, въ мѣстахъ (полусапожкахъ), въ голубомъ плащѣ, изъ-за котораго видѣется бѣлый долманъ, и въ широкополой шляпѣ. Она улыбнулась, взяла ведрицу на голову, и пошла къ своей кучѣ¹⁾. Въ этой кучѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, большія сѣны съ печью, изъ которой дымъ идетъ черезъ потолокъ и кровлю; на одну сторону ихъ чуланъ, на другую изба, маленькая, съ туловищемъ печи, около котораго какъ мухи, сидятъ однѣ надъ другими дѣти, съ лавками вокругъ, со столомъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ тремя маленькими оконцами и т. д. Въ этой кучѣ вы увидите много женщинъ, много дѣтей, нѣсколько стариковъ, и рѣдко, рѣдко свѣжаго человѣка, потому что все не состарѣвшееся отправляетъ военную службу, потому что всѣ Ускоки принадлежатъ къ военнымъ поселеніямъ. Не мудрено, что они бѣдны: обрабатывать полей, и вообще промыслать нѣкому, а военный поселенецъ Австрійской кромѣ того, что лишаетъ свою сѣмью работника, да сверхъ того еще долженъ самъ себя кормить, и за то не получаетъ отъ царя ничего. Къ этимъ то Ускокамъ мы поѣхали сегодня. Доѣхавши до деревни Храстъ, мы пошли пѣшкомъ къ священнику въ другую деревню, не застали его дома и вошли въ ближнюю хату. Обдѣливши дѣтей леденцомъ, мы освободились отъ застѣнчивости этихъ добрыхъ людей. Они не знали, какъ насъ посадить, какъ насъ угостить. Тотчасъ явились яйца въ смятку, вино; по всего дороже намъ было ихъ радушіе. Они—Грекороссіяне, или, какъ ихъ называютъ Краинцы, Влахи, и старухи чуть не плакали, когда ушлышали отъ меня «Отче нашъ» слово въ слово и буква въ букву, какъ сами его читаютъ. Пошли рассказы, пѣсни.—Священникъ между тѣмъ воротился домой, искалъ насъ, насилу нашелъ, позвалъ къ себѣ, угостилъ, опять рассказывалъ кое-что. Часу въ 3-мъ мы отправились назадъ въ

¹⁾ Серб. кућа—домъ.

Храсть, и поѣхали далѣе по Ускоцкимъ горамъ, по дорогѣ къ Новому мѣсту. Дорога—сначала все вверхъ и раскрыла предъ нами дивный видъ на отдаленности; потомъ—все внизъ, извиваясь какъ змѣя между холмовъ и удолий.

Теперь мы сидимъ за однимъ столомъ въ гостинницѣ у Солнца и пишемъ. Уже поздно: 10-й въ исходѣ. Мы утомились, собираемся спать. —Добрую ночь и вамъ, милая маменька и милой братъ. Начинается страшная недѣля. Вы можете быть говѣете: поговѣйте и за меня.

Любляны (Laibach). 5-е Апрѣля.

Вотъ я и тутъ. До 3-хъ часовъ, пока раскроется почтовая канцелярія я напишу нѣсколько словъ о нашемъ переѣздѣ сюда; а потомъ пойду на почту, спросить, нѣтъ ли мнѣ письма отъ милой маменьки.—Дорога превосходная, очаровательная: горы да горы, виды да виды; по горамъ и въ долинахъ старые и новые замки, церкви, деревни; народъ одѣтъ чисто, опрятно, Мицки (Машеньки=дѣвушки) такія хорошенькія, и все, все такъ мило, что десять разъ можно проѣхать по этой дорогѣ съ одинакимъ удовольствіемъ. Одна досада: когда я читаю Краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое нибудь слово заставить задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу. Удареніе дивное, большая половина гласныхъ проглочены, другія измѣнены. Досада, да и только. А языкъ, особенно когда говорить имъ хорошенькая Мицка, очень пріятенъ для слуха. Такъ пойду же на почту.

Почешъ и получилъ: только 5 дней лежало тутъ на почтѣ ваше письмо. Я читалъ его, и плакалъ, право плакалъ. Я чувствовалъ себя и счастливымъ, радуясь вашимъ счастіемъ,—и несчастнымъ, что не могу быть вмѣстѣ съ вами. Я вижу, братъ сдѣлался хозяйкою; мы бы не поссорились, дѣлясь съ нимъ этими трудами. Можетъ быть поспорили бы съ нимъ о Славянахъ; да ужъ потомъ бы навѣрно помирились. И ты, душа моя братъ, полюбилъ бы ихъ, какъ они того стоятъ; и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна. А говорить, рассказывать—это и по нашей части, милая маменька: мнѣ теперь кажется, что нашимъ взаимнымъ вопросамъ и отвѣтамъ и конца бы не было. Впрочемъ меня теперь занимаетъ и уже издавна—знаете ли что?—Надобно намъ всѣмъ тремъ прокатиться напримѣръ такъ: изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой. Будемъ объ этомъ думать, собираться, соберемся—и въ путь. На это не надобно много

денегъ: 1500 довольно на 3 мѣсяца, если ничего не покупать, для всѣхъ трехъ. Богъ дастъ года черезъ два-три мы успѣемъ это привести въ исполненіе. А какъ бы это хорошо было! Я бы повторялъ впечатлѣнія и былъ бы вашимъ проводникомъ.

Что же касается до теперешняго окончанія моего путешествія, то я еще ничего не знаю. Во всякомъ случаѣ, милая маменька, я приѣду къ вамъ въ Кіевъ, и, если поѣду черезъ Петербургъ, то буду просить о переводѣ въ Кіев. Университетъ. Это было бы для меня лучше во многихъ отношеніяхъ. Что же до совѣтовъ съ моей стороны, то, душенька маменька и душенька братъ, вы были, кажется, всегда увѣрены, что я всегда душевно радовался всему, что вы найдете хорошимъ. Полученіе пенсіи только не откладывайте на долгое время: для нея существуетъ какая то давность: лучше брать хоть по немногу. Но ваши глаза, милая маменька! Меня это мучить. Пожалуйста, не читайте вечеромъ; братъ же такой доброй: онъ будетъ вамъ читать.

Гуситская пѣсня написана Листомъ. Я было купилъ, чтобы послать вамъ, но варіаціи такъ трудны, что я считалъ это напраснымъ (и Томашекъ не могъ ихъ играть) и подарилъ одной дѣвушкѣ въ Прагѣ, вмѣсто подарка на новый годъ. Вы не будете за это на меня сердиться!

Настя и Зиновья, какъ липешъ ты, чудо дѣвки. Только я имѣю право завидовать: тебѣ она вывезла 14 паръ; а мнѣ вѣрно ни одной.—А что если бы ихъ учить читать? Хоть по праздникамъ вмѣсто конфетъ!

Александръ Петровичу ¹⁾ скажи, братъ, что я теперь въ странѣ, гдѣ о Бернульи ²⁾ не имѣютъ никакого понятія ни книгопродавцы, ни ученые. Очень жалѣю, что не купилъ его книги въ Дрезденѣ; теперь бы могъ послать ему. По части Амвросія Лукіановича ³⁾ ничего нѣтъ важнаго. Прощайте. Цѣлую васъ.

Вашъ И. Ср.

XLIX.

№ 39.

Любляна. 1841 г., Апр. 9.

Пятой день уже я живу въ Люблянахъ,—и могу вамъ сказать слова два объ этомъ городѣ. Между рѣкой Савой и рѣкой Люблиницей, гдѣ она впадаетъ въ Саву, разостлалась прекрасная долина. Недалеко отъ устья Люблиницы возвышается въ долинѣ будто невзначай гора, вышиною въ Хорошевскую ⁴⁾ или немного ниже, у ея подошвы течетъ рѣчка Рагашница, по другую

¹⁾ Рославскій-Петровскій.

²⁾ Вѣроятно Christophe Bernoulli—швейцарскій экономистъ и натуралистъ (1751—1834).

³⁾ Метлинскій.

⁴⁾ Около Харькова.

сторону рѣчки начинаются холмы, поднимаются все выше и грядами идутъ къ горамъ. На вышеупомянутой горѣ есть развалины стараго замка и нѣсколько новыхъ тюремныхъ домовъ. Подъ горою вокругъ нея городъ Любляна, по обѣ стороны рѣчки; главная часть города—между горой и рѣчкой, и такъ узка, что мѣсто, незанятое домами, едва достаточно для одной кривой улицы. Въ одномъ концѣ этой улицы соборъ, и потомъ начинается предместье; въ другомъ концѣ другая церковь, и за нею другое; за рѣчку, черезъ которую проложено 5 довольно плохихъ мостковъ, большое предместье, съ 4-мя или 5-ю церквями, прекрасными площадями, и пр. Все это не занимаетъ, впрочемъ, много мѣста, потому что въ Люблянѣ жителей около 13,000.—Городъ впрочемъ довольно оживленный: съ одной стороны много прїѣзжихъ, потому что онъ лежитъ на дорогѣ между Вѣной и Триестомъ и сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю цѣлой Краины; съ другой онъ привлекаетъ къ себѣ и простой Краинскій народъ съ разныхъ сторонъ. Особенно онъ оживленъ теперь въ послѣдніе дни великаго поста. (Народъ тутъ не только благочестивъ, но даже, кажется, ханжить; а духовенство старается это поддерживать). Сегодня базаръ. Главная улица уложились рядами торговцевъ, продающихъ сыръ, масло, картофли, писанки, «колачи и потѣцы» (раз. рода пасхи) и т. п., не считая тѣхъ, кои постоянно продаютъ тутъ апельсины, яблоки, винныя ягоды, булки, сушеные плоды, губку, ленточки и всякую всячину. Шумъ, говоръ, какъ и у насъ. Мы съ Вразомъ нѣсколько разъ прошли по базару, любуясь хорошенькими Мицками: право, удивительно, какъ ихъ тутъ много, этихъ Мицковъ, хорошенькихъ, миленькихъ.—Въ Люблянѣ есть прекрасное казино: каждый членъ платитъ 15—20 гульденовъ въ годъ и цѣлый годъ можетъ посѣщать кабинетъ для чтенія, балы и пр.—Есть и театръ; но онъ теперь, само собою разумѣется, запертъ. Полиція здѣшняя очень строга: и самыхъ малыхъ вечеринокъ, гдѣ танцуютъ подъ фортепьяно, нельзя дать безъ ея позволенія.—Окрестности Любляны прекрасны, и сѣвныя Каринтійскія альпы видны отсюда.—Время провожу тутъ вотъ какимъ порядкомъ: одѣвшись, отправляемся пить кофе въ кофейню къ императору Австрійскому; отсюда въ библіотеку; потомъ домой обѣдать; послѣ обѣда я иду къ профессору Метелку ¹⁾ и занимаюсь съ нимъ Краин. нарѣчіемъ,—и потомъ опять въ библіотеку; а вечеръ,—вы не повѣрите, милая маменька,—каждой вечеръ проходитъ въ томъ или другомъ кабацѣ, гдѣ собираются наши знакомые пить вино (я пью впрочемъ только по половинѣ зеглиба т. е. по стакану и то съ водой). Знакомые

¹⁾ Метелко—профессоръ словѣнскаго языка и литературы въ Люблянскомъ лицѣѣ; авторъ словѣнской грамматики; род. 1789, ум. 1861.

наши: д-ръ Прешернъ ¹⁾ (онъ лучший изъ живыхъ поэтовъ Краинскихъ), д-ръ Хорватъ—адвокатъ, бібліотекаръ, нѣсколько профессоровъ. Всѣ они пьютъ вино, какъ воду.

Крань (Krainburg). 11-е Апр.

Цѣлую васъ, маменька и братъ, и поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ; оно и для васъ то-же

12-е Апр.

было вчера. А я его праздную довольно чудно. На дняхъ д-ръ Хорватъ сказалъ намъ: «въ субботу ѣду я въ Крань; поѣдемъ вмѣстѣ; увидимъ, какъ народъ нашъ празднуетъ этотъ праздникъ».—Почему итъ! Пообѣдавши у Хорвата, мы сѣли и поѣхали, и черезъ 3 часа были въ Крани. Мы съ Вразомъ остановились въ гостинницѣ, а Хорватъ у декана. Вчера въ 8 часу пришелъ къ намъ Хорватъ, и повелъ въ церковь. Тутъ слышалъ я въ первый разъ Краинскую проповѣдь, и, благодаря Бога, хоть не все, но понялъ. Изъ церкви—гулять, потомъ обѣдать; послѣ обѣда—опять гулять изъ города вонъ подалѣе, зашли въ кабакъ, стали селянъ угощать виномъ, сѣдали ихъ разговорчивыми, заставили ихъ разсказывать о ихъ житѣи бытѣи, сказки, пѣть пѣсни, и провели тамъ день до вечера. Это была для меня добрая школа: ведущиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь. Краинскій языкъ очень пріятенъ: но большая часть гласныхъ выговаривается въ немъ вполонину, вскозь,—и притомъ удареніе престранное. Между женскими голосами есть превосходные; а между аріями, есть нѣкоторыя живо напоминающія о Тирольскихъ, хоть Тирольцы не могли имѣть никакого вліянія на Краинцевъ. На пасху пекутъ здѣсь колачи и потицы. Колачъ—большой хлѣбъ съ изюмомъ и съ дырою въ серединѣ, а потицы (= повитицы) — булки, сдѣланныя изъ катаннаго тѣста такъ, что на каждой накатъ накладывается медъ съ макомъ. Съ писанками (пирхи) та-же исторія, что и у насъ. Все это освящается.

Крань—маленькій городокъ при впаденіи Кокры въ Саву. Въ средніе вѣка онъ былъ укрѣпленъ, и развалины стѣнъ и башенъ остаются. Исполинскія Каринтійскія альпы кажутся въ двухъ шагахъ, когда смотришь на ихъ вершины, облитыя сметаною снѣга; а посмотришь ниже,—и видишь тамъ церкви, стоящія по отлогостямъ, какъ свѣтлыя точки. Картина безподобная. Утромъ и вечеромъ горы видны до половины только: верхи обвилися облаками. Вчера былъ прекрасный день, и мы видели вершину Триглава (Трглау), высшей изъ горъ: какъ серебрянное копье блестящее онъ изъ за другихъ горъ.

¹⁾ Франц Прешернъ (1800—1849); сборникъ его стихотвореній изданъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ: *Poezije doktora Franceta Prešerna*.

12-е Апр.

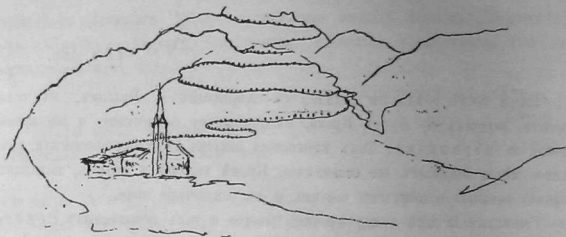
Вчера послѣ обѣда мы ходили, съ Хорватомъ и Вразомъ, въ село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Крани, къ тамошнему священнику, и все время провели за жегнаномъ. Такъ называется закуска Свѣтловооскресенская, гдѣ главное мѣсто занимаетъ все освященное. Кромѣ калачей и потиць, подавали окорокъ, телячью голову, еще кое-что, и въ заключеніе кофе.

Разсказывали мнѣ между прочимъ многое о такъ называемыхъ Роковчарахъ. Это разбойники, живущіе въ Каринтійскихъ Альпахъ съ женами и дѣтьми. Они являются большею частью въ видѣ нищихъ, но не просятъ, а требуютъ милостыни, и такъ страшны, что никогда не получаютъ отказа, доходя до самой Любляны. Правительству доносили о нихъ, но оно будто и знать не хочетъ, что они существуютъ. Они такъ смѣлы, что на зиму переселяются изъ своихъ хижинъ въ дома поселянъ и живутъ на ихъ счетъ. Самая почта не безопасна, такъ что за нѣсколько лѣтъ дилижансы были провожаемы конвоемъ.

17 Апр. Целовець (Klagenfurt).

Сегодня я провелъ день неожиданно пріятно: я ѣхалъ сегодня изъ Любляны въ Целовець. Такой переѣздъ можно считать наслажденіемъ. За Кранью къ Торжцу дорога идетъ по долинь, и бѣлоголовые горы поднимаются все выше надъ головою. Торжець—прекрасное мѣстечко, очень оживленное, но такъ сжатое между горами, что онъ какъ привидѣнія высматриваютъ изъ-за домовъ. За Торжемъ начинается горный переѣздъ. Дорога идетъ по долинь св. Анны, вдоль потока; и долина такъ узка, что остается на днѣ ея мѣста ровно только для потока, а дорогу вырубili въ камнѣ. Надъ головами громады скалъ, чуть не отвѣсныхъ, кое гдѣ покрытыхъ елями и буковьемъ, а болѣе голыхъ и до половины облитыхъ снѣгомъ. Еще недавно были такія страшныя лавины, что проѣзду не было; и теперь еще остаются слѣды ихъ. Долина расширяется при концѣ своемъ у подошвы Ибеля (Loibl). Тамъ стоятъ церковь и постоялый дворъ. Проѣхавши мимо ихъ, начинаетъ круто подниматься, какъ на нашу Холодную гору ¹⁾, и, не смотря на крутой взѣздъ, дорога поднимается террасами сама надъ собою такъ:

¹⁾ Въ Харьковѣ.

Полземъ, полземъ, и всползаемъ на высоту 5000 футовъ, то есть 700 сажень отъ поверхности моря. Дорога сдѣлана превосходно: всюду, гдѣ нужно, мосты прочные, въ другихъ мѣстахъ плотины, что-бы потоки неразрушали дороги, и т. д. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ болѣе чувствуешь высоту окрестныхъ громадъ, и вдали все болѣе развѣртывается видъ на Краину къ Краини, Люблины и далѣе; видъ впрочемъ самой ландшафтный; только кусокъ картины въ рамахъ, такъ: взвѣхавши на высоту, поворачиваешь на право мимо постоялаго двора, прощаешься съ Краиной—и видишь передъ собою пограничные столбы. До сего мѣста, карета изъ Торжца ѣхала на 5 лошадяхъ; тутъ 2-хъ отпирagli. и мы начали спускаться внизъ между горами. Горы, горы и горы, лѣсъ, снѣгъ, потоки, глушь; такъ насъ встрѣтила Карингiя. Послѣ переезда черезъ малый Ибель мы увидѣли изъ-за лѣса очаровательную Дравскую долину, длинную, довольно широкую, обставленную горами какъ стѣнами, усеянную деревнями, замками, церквями, и спустились въ нее. Последняя станція къ Целовцу черезъ горы, но уже умѣренные,—и вотъ сама долина, на которой букетомъ улегся красивый Целовець. Изъ Люблинъ выѣхали въ 6, сюда прѣехали вечеромъ въ 8.

Л.

№ 40.

Горница (Görz). 1841. Мая 2.

Какъ давно я не писалъ вамъ, милая маменька. Но не сердитесь: право, нѣкогда было. То переходы и переѣзды, то распросы и записыванье,—и время проходило, самъ не знаю, куда дѣвалось. Я успѣвалъ только на ключкахъ бумажки карандашомъ замѣчать, о чемъ писать вамъ. Нѣкоторые изъ этихъ клочковъ потерялись; приходится писать съ памяти. Въ это время я постра-

ствовалъ довольно, какъ увидите, и видѣлъ и узналъ много любопытнаго. Былъ и въ Италиі. Вы удивляетесь, какъ это такъ; глядя на карту видите, что Целовець на сѣверѣ отъ Горицы; но я всетаки былъ въ Италиі, сегодня изъ нея. Вотъ какъ все это было:

Вразъ въ Люблинѣ заболѣлъ, и я поѣхалъ въ Целовець одинъ. Въ Целовцѣ я нашелъ ех-профессора Жупана ¹⁾. Толстой, какъ Авдотья Ѳедоровна, веселой, болтунъ ученой, любящій поѣсть и полакомиться сладкимъ, какъ нашъ Микола ²⁾, и, повторяю, очень ученой. Въ Мошбургѣ, въ 3 часахъ отъ Целовца живетъ другой ученой Словенець, Ярникъ ³⁾, тоже очень ученой и очень милой старикъ. 17-го я пріѣхалъ въ Целовець; 18-го пошелъ въ Мошбургъ, 19-е пробылъ у Ярника, 20-го воротился въ Целовець, заходя къ Герцогскому стулу, любопытному Славян. памятнику IX вѣка; 21-е провелъ съ Жупаномъ въ Целовцѣ; 22-го поѣхалъ въ штельвагенъ по дорогѣ въ Вѣлякъ (Willach) до Вербы (Velden), и оттуда пѣшкомъ къ Фарѣ св. Михаила въ Рожнѣ (Rosenthal). Дорога до Вербы лежитъ по берегу прекраснаго Клагенфуртскаго озера, своей шириной и берегами напоминавшаго мнѣ Оку и Днѣпръ. Въ Рожнѣ мнѣ надобно было быть, потому что жители сохранили тамъ болѣе народности, нежели въ другихъ мѣстахъ Хорутаніи (Каринтіи). Въ Фарѣ я познакомился съ капелланомъ Майеромъ, любителемъ и знатокомъ народности Хорутанской, и провелъ съ нимъ въ разговорахъ и прогулкахъ по очаровательному Рожню 23-е. По Рожню протекаетъ Драва, пологости береговъ покрыты зеленью луговъ, нивъ, лѣсовъ, вверху еще блеститъ ярко снѣгъ; всюду разсыяны деревеньки. 24-го пошелъ я въ Зильскую долину, и шелъ цѣлый день. Проводникъ несетъ мою котомку и зонтикъ въ коляскаѣ, что заставляетъ всѣхъ считать его за геометрической инструментъ, а меня за инженера; мы болтаемъ и идемъ. Какъ полезно такое странствіе съ проводникомъ! Въ день узнаешь болѣе, нежели въ иную цѣлую недѣлю. Поздно вечеромъ пришелъ я въ Быстрицу (Feistritz), одно изъ главныхъ селъ въ Зильской долинѣ. Не знаю, найдете ли вы ее на картѣ. Зильская долина получила свое названіе отъ рѣки Зили (Итал. Gilia, Нѣм. Geil, слѣд. на Рус. картѣ Гайль или Геиль). Окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, жители сохранили свою оригинальность, и знамениты ею во всей Иллиріи.

¹⁾ Т. е. экстраординарнаго профессора. Въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія И. И. Срезневскій говоритъ: Въ Цѣловцѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ экстр. профессоромъ Жупаномъ, отличнымъ знатокомъ Иллирскихъ нарѣчій и вообще ученымъ чело-вѣкомъ (стр. 18).

²⁾ Николай Ивановичъ Срезневскій.

³⁾ Пагерь Урбанъ Ярникъ (1784—1744)—поэтъ, знатокъ Хорутанскихъ нарѣчій (И. И. Срезневскій: Донесеніе министру народнаго просвѣщенія отъ 2 авг. 1841 г.).

25-го долженъ былъ быть въ деревнѣ св. Георга приходской праздникъ, и, переночевавши въ Быстрицѣ, ранымъ рано я отправился туда. Когда нибудь я подробно опишу вамъ этотъ праздникъ; а теперь только нѣсколько словъ объ одеждѣ Зилинокъ. Дѣвушки—настоящія барышни, и все одѣты всегда, какъ будто къ танцу: платица коротенькія, почти до колѣнъ, чулки бѣлыя, башмаки съ каблучками; на лифѣ платокъ, такъ что два угла пристегнуты у горла булавкой, а другіе два обхватываютъ талію и завязаны бантомъ сзади; на головѣ бѣлой платокъ, повязанной такъ, что 2 заднихъ угла подвернуты подъ косу, два другихъ легко повязаны сбоку, и одинъ долженъ быть непременно на груди, а другой на спинѣ, а по лбу пришито къ платку 15 локтей кружева въ сборкахъ; наконецъ, рукава у рубашки (очень, очень коротенькой) не широкіе и съ кружевами, а на спинѣ отъ рубахи виситъ треугольная манишка, собранная густо и съ кружевами. Еще я забылъ сказать, что по талии сверхъ платка идетъ черной кожаной поясъ, вышитой корѣшками павлиньихъ перьевъ, и на одномъ изъ концовъ, висящемъ до колѣнъ, пристегнуть складной ножъ. Представьте себѣ такую чудачку, и непременно одну руку подъ бокъ, а другую опустивши по офицерски, и вы вѣрно улыбнетесь. Изъ этихъ чудачекъ многія очень милы. Танцуютъ прекрасно: мужчина скачетъ, а дѣвушка, въ вышеомянутомъ положеніи, опустивши голову, идетъ кругомъ, оставаясь всегда спиною къ центру. Танцуютъ и поютъ; когда поютъ, то мужчина съ дѣвушкой идутъ *à la polonaise*, а потомъ начинаетъ играть музыка и начинается танцъ. Музыканты сидятъ подъ липой, и танцуютъ около липы. Весь этотъ праздникъ полонъ обрядовъ, и Богъ участвуетъ даже въ танцахъ: первой «высокой рай» (важной танецъ) начинается пѣснью:

Бугъ, дай нанъ (намъ) добэръ чееъ тэ (этотъ) первы рай зачэти;

Тэ кай (какъ) да смэ зачели, ше (еще) такъ га (его) не бмэ нели.

Я адресовался въ св. Георгѣ къ священнику, онъ познакомилъ меня съ семействомъ бароновъ Эйхельбурговъ, и баронесса была такъ мила, что старалась меня познакомить со всеми особенностями Зилианъ. Тутъ же было нѣсколько чиновниковъ изъ Блейберга, гдѣ находятся знаменитые свинцовые рудники. Главный изъ нихъ уговорилъ меня потерять одинъ день на осмотрѣніе шахтъ, и изъ св. Георга я поѣхалъ съ нимъ ночевать въ Блейбергъ. 26-е провелъ я весь день въ шахтахъ. Удивительныя пещеры продѣлалъ тамъ человекъ: глубиной въ 150 сажень, длиною по прямому направленію болѣе 1½ версты. Какъ какіе нибудь духи работаютъ тамъ одни надъ другими рудокопы, вдали одни отъ другихъ, и 12 часовъ не видя свѣта. Въ тотъ же вечеръ я воротился въ Быстрицу въ сопровожденіи одного Зилиака, и на другой день пошелъ далѣе въ Тарфисъ съ другимъ Зиликомъ. Въ Тарфисѣ—Нѣмцы. Но мнѣ

нужно было пройти через него чтобы пробраться къ Резіанамъ. Эти Резіане — жители Резіанской долины (Vale della Resia) въ Венеціанской Италіи на границахъ Краинскихъ. Два слова о нихъ были сообщены Добровскому когда-то, и съ тѣхъ поръ никто не говорилъ ни слова, такъ что даже и тутъ хорошо не знаю[тъ], гдѣ собственно лежитъ эта долина. Отыскавши на картѣ селеніе Резіуту, я не могъ предположить, что эта долина недалеко отъ Резіуты, и отправился въ Тарфисъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пробраться въ Резіуту и далѣе, какъ Богъ дастъ. Я хотѣлъ 27-го же идти или ѣхать въ Резіуту, но въ этотъ день должна была пріѣхать въ Тарфисъ императрица, и потому я не сыскалъ телегенгейта. По неволѣ остался ночевать, видѣлъ императрицу, видѣлъ равнодушіе народа къ ней и на другой день поѣхалъ въ Резіуту. Дорога лежитъ по дикой долині: горы голы съ обѣихъ сторонъ, потокъ занимаетъ десятую долю своего каменистаго ложа; кустарники кое-гдѣ, пыль страшная, жаръ ужасной. Въ Понтеббѣ, переѣхавши черезъ мостъ, я былъ въ Италіи, — и увидѣлъ все иное: домики, самые бѣдные, изъ камня, яруса въ два и три, крыши плоскія, около домиковъ деревья и виноградныя грядины, глаза черные, волосы черные и рыжіе, по Нѣмецки никто ни слова, по Славянски тоже, а всѣ по Фурлански (языкъ средній между Итальянскимъ и Французскимъ, прекрасной, но тѣмъ не менѣе досадно непонятной). Въ Дуньѣ я остановился обѣдать, все еще не зная, куда ѣду, и какъ найду Резію. Къ счастью хозяинъ зналъ два слова по Нѣмецки. Я спрашиваю его о Резіи, а онъ въ отвѣтъ указываетъ на молодого человѣка въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, говоря, что онъ капелланъ изъ Резіи. О счастье! Недаромъ, подумалъ я, видѣлъ я молодой мѣсяцъ съ правой стороны. Къ нему — и по Нѣмецки. «No capisco» (не понимаю), отвѣчаетъ онъ мнѣ по Фурлански. Вотъ тѣ и счастье! Что тутъ дѣлать! Надобно было рѣшиться въ первой разъ въ жизни начать говорить по Итальянски. Можете представить, какъ шло: однако шло. Къ тому же, капелланъ, хоть родомъ и Фурланъ, говорить однако по Резіански; такимъ образомъ, чего я не могъ ему объяснить по Итальянски, то добавлялъ по Краински, и на оборотъ, — и сошелся. Капелланъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что долженъ ѣхать сей же часъ по дѣламъ, но что въ Резіутѣ увидится со мною, и оттуда пойдемъ вмѣстѣ въ долину. Такимъ образомъ 28-го еще былъ я въ Резіи. Долина какъ котель, со всѣхъ сторонъ обнесенная дикими стремнинами, и только съ одной стороны дающая въ себя узкій проходъ. Отъ Резіуты 1½ часа. Священникъ, старикъ 73 лѣтъ, но живой, веселой, и гордящійся тѣмъ, что Резія и Россія одно и тоже, облакалъ меня какъ могъ и въ тотъ же вечеръ еще сообщилъ мнѣ много любопытныхъ извѣстій о жителяхъ. Русскіе были однако тутъ: нѣсколько солдатъ проходомъ изъ Италіи, да графъ Потоцкій (не бывшій у насъ попечителемъ,

а брать его), случайно услышавши въ Резіутѣ нѣсколько Славянскихъ словъ. 29-е я провелъ весь день въ долинь, обходя деревни, распрашивая объ обычаяхъ, языкѣ и такъ далѣе. Капелланъ всюду со мною. Тутъ узналъ я и о другихъ Славянахъ Итальянскихъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Резіи, взялъ одного Резіана проводникомъ, и съ нимъ ходилъ 3 дня, дошедши до сюда. 30-го прошли черезъ Резіуту, Венцоне, Джемону въ Торченто. Городокъ Джемона лежитъ въ дивномъ мѣстоположеніи: кругомъ безконечные сады, въ серединѣ гора съ замкомъ, кругомъ кругомъ горы. Въ Торченто надобно было ночевать. Спрашиваемъ, гдѣ можно достать комнату съ постелью. Тамъ-то. Идемъ. Оштерія какъ обыкновенно въ Италіи, вотъ такая:

А. Большая темная комната. а) столы съ лавками, с) большая дверь сводомъ въ маленькую комнату, кругомъ которой лавки, а въ серединѣ б) каменное наполье, на немъ разложено огонь, надъ огнемъ котелъ, сверху труба. Пока мы съ Тони Бобаомъ пили вино, мнѣ приготовили комнату;

потомъ я пошелъ въ нее... и ужась! Огромная постелище, кирпичной полъ, двери съ галлерей со щелями, стекла въ окнахъ разбиты, стѣны испачканы, стулъ на трехъ ногахъ, столъ на двухъ и держится объ стѣну, бѣлье на постели солдатское. Страшно да и только! Однако выпался хорошо, а вечеромъ, когда ѣлъ яичницу, пришли два Славина, или, какъ тутъ ихъ называютъ, Стъява, и я ихъ спрашивалъ о ихъ горахъ, жилищахъ, и пр. 1-го Мая пошелъ въ горы. Дивная тропинка! Горы вотъ такъ \ /; въ глубинѣ потокъ безъ береговъ; тропинка съ камня на камень по серединѣ горы, и ни травки. Такъ я дошелъ до Ложэваро, гдѣ, какъ вчера узналъ, капелланомъ—урожд. Стъявъ. Предобрый старикъ. Съ нимъ я провелъ часа четыре, спрашивая его и обходя домики. Домики хоть и каменные, но страшно бѣдные; а народъ чрезвычайно красивъ. Далѣе пошелъ я въ Нимисъ по подоб. тропинкамъ. У Тьельминиса открылся очаровательный и огромный видъ на долину, гдѣ Удине, Чивидаль, и такъ далѣе. Священникъ въ Нимисѣ тоже Стъявъ, и сообщилъ мнѣ тоже кое-что о Стъявахъ. Нимисъ уже въ долинь. Спускъ съ горъ страшной: два часа по камнямъ, и круто. Въ долинь начинаются сады: деревья оплетены виноградомъ, а между рядами деревьевъ полосы нивъ. Ночевать пришли въ городъ Чивидаль. Спрашиваемъ гостиницу—указываютъ. Спрашиваемъ комнату—показываютъ. Избалованный Нѣмецкими комнатами, я покапризился, пошелъ искать другой гостиницы, и не нашель. Таскались, таскались, и рады были постелѣ въ одной комнатѣ съ постелью сапожника, нечистой, гадкой. Ночью просыпаюсь,—и не могу дышать! сапожникъ напился вина, спать и рыгаетъ, и

комната наполнилась искуснымъ запахомъ, произительнымъ, удушливымъ. Прекрасное наказаніе за капризы. И тутъ-то я вспомнилъ Германію! Многое въ ней дурно, но гостинницы, комнаты въ нихъ, постели, и вообще всё удобства для путешественника, не то что въ Италіи. Сегодня шли изъ Чивидалья въ Горицу и пришли въ 3-мъ часу. Сегодня воскресенье: Фурланы прекрасно одѣты, играютъ, поютъ, всё въ цвѣтахъ. Подходя къ Горицѣ, увидѣлъ Изонцо: бирюзового цвѣта она катится, какъ струистая лента. Въ Горицѣ жители Краинцы и Нѣмцы, но господствующій языкъ Фурлано-Итальянскій. Изъ окна моего я видѣлъ всю здѣшнюю публику; дамы одѣты прекрасно, со вкусомъ и богато.

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю васъ съ ангеломъ-Дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Цѣлую и тебя, милый братъ.

II.

№ 41.

Горица, 1841. Мая 3-е.

Что за веселой народъ эти Горичане! Крикъ, шумъ, ходня, пѣсни-музыка, безпрестанно; сегодня вовсе не праздникъ, простой рабочій понедѣль, никъ. Я стою al Cervo = у Оленя; съ одного боку главная площадь, съ другаго—одна изъ главныхъ улицъ, и покою нѣтъ, или, лучше сказать, заниматься не хочется: все бы смотрѣлъ въ окно, да слушалъ. То Неаполитанцы на скрипкѣ и на кларнетѣ играютъ прекрасное *barcarollo*; то Чехи съ арфами повторяютъ давно мнѣ знакомую польку; то соберется куча дѣтей, женщинъ и солдатъ около бродячаго органиста; а подъ ногами въ остеріи Фурланы собрались пить вино и поютъ. Горица, можно сказать, Фурлано-Итальянскій городъ. Господствующій языкъ народа Фурланскій, только приходящіе на базаръ Краинцы говорятъ по своему, а образованные говорятъ по Итальянски съ фурланизмами; на лавкахъ и на углахъ улицъ надписи Итальянскія, газеты въ кофейняхъ Итальянскія. Горица — порядочный городокъ. Лежитъ между Замковою горою и рѣкою Изонцо, ближе къ горѣ. Архитектура домовъ Итальянская.—Доброй вечеръ вамъ, маменька и братъ, кушайте на здоровье чай, а я буду пить воду съ виномъ и разбирать буквы.

III.

№ 40 ¹⁾.

11 Мая.

Нѣтъ, въ Венеціи пробыть 4 дня много! говорилъ одинъ Ивановичъ другому, а самъ легъ на софину, между тѣмъ какъ другой сталъ (писать)

¹⁾ Вѣроятно описка вм. 42.

письмо къ роднымъ. Вотъ какъ все обстоитъ въ комнатѣ, гдѣ это важное происшествіе происходило: главную часть комнаты занимаетъ огромная трехспальная постель, выдающаяся своимъ корпусомъ на самую середину комнаты, и такъ высокая, что безъ помощи стула или даже стола и стула нѣтъ возможности встать на оную; у головъ по обѣ стороны постели по ночному столику; у стѣнъ три стула и софийка для 1½ человекъ въ сидячемъ положеніи; далѣе съ одной стороны дверь, съ другой—окно; на четвертой стѣнѣ зеркало, рисующее человека въ разныхъ искривленныхъ положеніяхъ, и подѣ нимъ комодъ; въ одномъ углу между комодомъ и окномъ треножникъ съ умывальней, въ которой мѣсто кувшина свинцовый чайникъ; въ другомъ углу между комодомъ и дверью кресло на случай болѣзни; остальное мѣсто середины комнаты занимаетъ круглой столъ, покрытой ковромъ; по стѣнамъ виды Венеціи. Это № 2-й della locanda alla Luna, находящійся въ 5 шагахъ отъ канальца-заливца, соединеннаго съ проливомъ della Guidecca, въ 15 шагахъ отъ галлерей или портика, окружающаго пiazцу di san Marco. Войдемъ подѣ этотъ портикъ и сквозъ арки его видимъ передъ собою соборъ св. Марка, великолѣпной Греческой архитектуры, далѣе съ боку башню Марковскую, изъ за нея кусочекъ del Palazzo dei Doggi и по обѣимъ сторонамъ во всю длину площади огромное зданіе въ три яруса надѣ портикомъ. Площадь, какъ и вся Венеція, выложена правильно и красиво огромными квадратами камня, и на ней у портиковъ столы съ апельсинами, лимонами, яблоками, пряниками; а подѣ портиками лавки, кофейни, канцеляріи адвокатовъ и т. п.,—и таскотня, шумъ по площади и подѣ портиками безъ конца отъ ранняго рана до полуночи. На право отъ piazza за башней идетъ piazzetta; съ одной стороны ея дожевъ palazzo, съ другой—продолженіе зданія съ портикомъ—королевскій дворецъ, съ третьей—canale della Guidecca, т. е. море и гавань съ кораблями, и по берегу лавочки, а у берега гондолы. Далѣе на лѣво мимо дожева palazzo идетъ Славянское побережье—Riva dei Schiavoni, широкое, шумное, съ лавками и лавочками разнаго рода, съ кофейнями для простаго народа, съ балаганами дикихъ звѣрей и т. д. На сѣверъ площади св. Марка глубъ города Венеціи и въ серединѣ Ponte Rialto, обстроенный лавочками, чудо-прочной, но и ничѣмъ болѣе не замѣчательной самъ по себѣ. Онъ перекинутъ смѣлой дугою черезъ Canale Grande, перерѣзывающій весь городъ неправильною буквою s. Отъ этого канала идутъ въ городъ по всѣмъ направленіямъ канальцы, узкіе какъ Нѣмецкія улочки. Улочки и сухопутныя есть, и по нимъ можно выходить всю Венецію но въ трое медленнѣе; а кругомъ всей Венеціи всетаки вода. Однако, что же я! Рассказываю вамъ о Венеціи, какъ будто житель Венеціи, а вы еще не знаете, кто эти Ивановичи, которые на 4-й день послѣ пріѣзда въ этотъ городъ уже скучаютъ, не зная что дѣлать. Эти два

Ивановича—Петръ Ивановичъ Прейсъ и Измаилъ Ивановичъ—вашъ покорный слуга: не путешествовали вмѣстѣ по Славянскимъ землямъ, такъ поѣхали вмѣстѣ въ Венецію. Какъ случилось это, рассказать и трудно и легко. Трудно, потому что это соединено съ путешествіемъ Княжевича и Надеждина по Италіи и съ предположеніемъ ихъ и нашимъ путешествовать по Далмаціи; а легко, потому что—слушайте только: въ пятницу вечеромъ 8 мая приѣзжаю я въ Триестъ, останавливаюсь въ *Locanda grande*, спрашиваю книгу приѣзжихъ, пишу именъ Прейса, Княжевича, Надеждина, нахожу Прейса подъ бокомъ, дверь обо дверь, лечу къ нему, болтаемъ за полночь, на другой день начинаемъ шляться по Триесту, шаяемся и наконецъ я подѣзжаю къ Прейсу съ вопросикомъ: не прокатиться ли намъ въ Венецію? Онъ было туда-сюда; но побѣда осталась на моей сторонѣ; мы взяли мѣста на пароходѣ, въ половинѣ 10-го вечеромъ взошли на палубу, въ десять отчалили отъ берега, а въ 7 утра увидѣли передъ собою Венецію. Вотъ мы и въ Венеціи. Искали тутъ Княжевича и Надеждина, но не нашли, хоть они и приѣхали за день прежде насъ, и выѣхали только въ понедѣльникъ. До вечера понедѣльника мы не успѣли распорядиться осмотрѣть Венецію, пароходъ ходитъ между Венеціей и Триестомъ черезъ день, и мы остались въ Венеціи до сегодня, т. е. до среды. Письмо я началъ утромъ, и тогда мы сказали другъ другу: «четырехъ дней для Венеціи много». Теперь уже скоро пять, и я опять пишу, а Прейсъ, возлегши на нашу постелище, скукою лечится отъ скуки. «Изъ кожи лѣзу!» говоритъ, и вздыхаетъ. Двухъ дней для Венеціи довольно,—именно воскресенья и понедѣльника. Въ воскресенье прямо съ парохода въ церковь Марка, и, осмотрѣвши ее, взять гондолу и поѣхать по церквамъ изъ церкви въ церковь цѣлый день; на другой день въ дожевъ палаццо, академію художествъ, арсеналъ, нѣсколько частныхъ палаццовъ, королев. дворецъ, и вечеромъ останется еще время для прогулки по *Riva dei Schiavoni* и въ садъ.

Пароходъ Софія.

Вотъ мы и на пароходѣ, и уже утро. Солнце играетъ, вѣтеръ дуетъ, море волнуется, пароходъ колышется, какъ дѣтская колыбель. Если такъ колышется и корабль въ морѣ, если даже вдвое болѣе, то я способенъ къ переѣздамъ морскимъ, но крайней мѣрѣ короткимъ. Я улегся въ свой ящикъ и выпался прекрасно.

Триестъ. 15 Мая.

Мы думали, желали найти Княжевича и Надеждина въ Венеціи, и они были въ ней въ одно время съ нами, но мы узнали объ этомъ уже тогда, когда они уѣхали,—приѣхавши сюда, прямо къ нимъ. У насъ было намѣ-

реніе ѣхать по Далмаціи вмѣстѣ всѣмъ; но оно оказалось невозможнымъ: они спѣшать, а намъ лучше и не быть, нежели спѣшать. Они ждали насъ, и мы проводили ихъ. Въ Триестѣ я получилъ деньги, но Прейсъ еще нѣтъ, а дѣла довольно у обоихъ,—и мы рѣшились остаться тутъ на недѣльку. Въ слѣдствіе этого пріискали себѣ квартиру, и живемъ братски, не отступая ни на шагъ отъ условій однообразной жизни: пьемъ и ѣдимъ одно и то же, выходимъ и приходимъ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ, и постоянно веселы. Я предоброй человѣкъ, онъ тоже, безъ претензій оба, и даже еще не спорили. Прилежаніе наше немножко лѣниво по причинѣ желанія поболтать другъ съ другомъ; но это же болтаніе и возбуждаетъ прилежаніе. Квартира у насъ—2 прекрасныя комнаты на Contrada del Canale grande, съ видомъ на множество мачтъ, изъ-за которыхъ видно море; платимъ въ день 1 флоринъ, т. е. 66²/₃ коп. сереб.

Надобно же досказать о Венеціи. Площадь св. Марка съ тѣмъ, что на ней,—одно, а городъ—совершенно другое. Площадь сама чудесна; кругомъ—превосходныя зданія, и особенно церковь и дожевъ палаццо, въ виду—море; все одушевлено, кипитъ жизнью. Въ 20 шагахъ отъ площади тѣсныя улочки, такъ тѣсныя, что изъ окна въ окно черезъ улицу можно пожимать другъ другу руку и что угодно, грязные канальцы, нечистые или запустѣлые дома. Глядя съ башни, видимъ подъ ногами площадь, и далѣе громаду крышъ—ничего болѣе,—плоскихъ, бѣло-красноватыхъ черепичныхъ, большею частію старыхъ, худо сложенныхъ съ огромными трубами въ родѣ вазъ. На площади Марка весело, а сойдешь съ нея—становится очень грустно. И такъ—на площадь. Въ церковь: она вся и снаружи и внутри выложена гранитомъ, мраморомъ и т. д.; на полу мраморъ узоромъ, на сводахъ превосходная мозаика, а гдѣ нѣтъ мрамора и мозаики, тамъ или золото или живопись лучшихъ художниковъ. Церковь велика, высока и величественна, еще болѣе оригинальна, особенно для того, кто не знаетъ или давно не видалъ нашихъ православныхъ церквей. Дожевъ палаццо стоитъ рядомъ съ нею ближе къ морю. Дивная архитектура: два яруса портика одинъ надъ другимъ и потомъ пять оконъ по фасаду съ одной и пять съ другой стороны, можете представить какихъ огромныхъ оконъ; портики темнаго цвѣта, верхній ярусъ желтовато розоваго, и камни расположены узоромъ. Что внутри—надобно своими глазами видѣть. Особенно изумительна большая зала—sala del maggior Consiglio, огромная и вся кругомъ въ картинахъ лучшихъ художниковъ, полъ—мозаика. Теперь въ ней библіотека. Всѣ другія залы также богаты, только меньше. Въ этомъ дворцѣ никогда никто не жилъ, а были правительств. мѣста. У каждаго дожа былъ свой собственный дворецъ. Этихъ дворцовъ и дворцовъ другихъ вельможъ по Венеціи всюду разсыяно множество; но жалко взглянуть на нихъ: ободранные, испачканные,

одичавшіе. Стоять они, какъ нищіе по смерти богача, ихъ кормившаго.— Церквей въ Венеціи множество, и много прекрасныхъ. Особенно мнѣ понравилась іезуитская: внутри она выложена розоватымъ мраморомъ, и по этому мрамору вдѣланы всюду узоры другимъ черноватымъ мраморомъ, а у алтаря разосланъ мраморный зеленоватый коверъ съ желтыми цвѣтами; работа нѣжная, бархатная. Извѣтъ церкви почти все на нашъ образецъ, только безъ нашихъ золотыхъ главъ. Архитектура частныхъ домовъ въ Венеціи отличается множествомъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другого узенькими колоннами, и украшенными каменною рѣзною работою. У многихъ домовъ нѣтъ другихъ подъѣздовъ, кромѣ какъ съ канала: гондола останавливается,—и шагъ съ гондолы, а другой уже въ сѣняхъ. Между дворцами я посѣтилъ Барбариго и Манфринъ; у Барбариго есть между прочимъ Магдалина Тициана въ портрет. видѣ,—плачетъ и заставляетъ плакать. И вообще картинъ, картинъ страшное множество всюду. Академія художествъ въ этомъ отношеніи бѣднѣе всего. Были и въ Арсеналѣ, гдѣ между прочимъ хранится модель Вучинаторо, на которомъ вызжалъ дождь вѣнчаться съ моремъ: онъ весь былъ позолоченный. Въ Воскресенье мы были въ двухъ театрахъ: Малибранъ—народный театръ, начинается въ 5, оканчивается въ 8-мъ, слѣд. при свѣтѣ дня; народу было множество и крикъ до поднятія занавѣса и при вызовѣ актеровъ такъ былъ ужасенъ, что надобно его слышать, что-бы повѣрить; костюмы публики тоже чудо: кто въ жилетѣ, кто въ одной сорочкѣ съ растегнутою грудью, кто босой,—и разносятъ апельсины, яблоки, воду, водку—какъ въ кабакѣ. Другой театръ—Fenice; но въ немъ не играютъ. Третій—Apollo, и въ немъ давали Норму: примадонна Годжи играла прекрасно. Четвертый театръ—Gallo. Въ немъ мы были во вторникъ; давали Весталку МеркадANTE: шумная крикливая опера, то усыпляющая, то будившая Прейса. Въ этихъ театрахъ занавѣсъ поднимается въ 10-мъ часу, и игра продолжается до $1\frac{1}{2}$ 12-го. Понятно, что жизнь Венеціанская иначе, нежели у насъ: встають поздно, завтракають въ 11, обѣдаютъ въ 4—5, пьютъ кофе до 10 и долѣе, ложатся спать безъ ужина. Садовъ въ Венеціи не имѣется; есть кое-гдѣ аршинные садочки, есть такіе же кое-гдѣ на крышахъ; а публичной садъ, основанный Наполеономъ, вдвое меньше Робертинскаго ¹⁾.—Что-же еще?—Право не вспомню, и перехожу къ отъѣзду (о Савѣ Шумѣ, православномъ христіанинѣ, о кравецкѣ-епископѣ разскажу дома).

Передъ отъѣздомъ спрашиваемъ conto—счетъ въ гостинницѣ: подаютъ. Мы жили 4 дня, три раза завтракали, два раза обѣдали, три раза ѣли котлеты,—и за это должны были заплатить,—какъ бы вы думали, сколько? 12 флоринновъ = 30 руб. асс. У меня чуть не стали волосы дыбомъ; но все таки надо было расплатиться. Вышли изъ комнаты—и пошли подаванья

¹⁾ При пансіонѣ де-Роберти въ Харьковѣ.

рукъ: одинъ чистилъ платье, другой сапоги, третій мелъ комнату, четвертый ходилъ въ полицію съ паспортами, пятый прислуживалъ при столѣ, шестой подавалъ ключъ, когда мы приходили домой. Осердясь на Венецію, мы съѣли на пароходѣ. «Нѣтъ, матушка, не воротимся къ тебѣ!» повторяли мы. И конечно: каждому изъ насъ стоила поѣздка въ Венецію по 70 рублей. А какъ-бы то ни было, о Венеціи нельзя имѣть понятія, не бывши въ ней лично. Картины Каналетто, которыя видѣлъ я въ Дрезденѣ и Вѣнѣ, становятся справедливыми только тогда, когда глядишь на нихъ, уже видѣвши Венецію. Искали Славянского—ничего не нашли.

Теперь, какъ вы знаете, мы въ Триестѣ. Консульство наше съ нами очень вѣжливо и мило, само размѣняло мнѣ деньги, дало визо на путешествіе въ Черногорію, даже принедало барку, на которой можемъ ѣхать въ Ровиньо. Изъ сего усматриваете вы, милая маменька, что мы хотимъ въ Истрію, Далмацію и Черную гору. Хотѣлось бы; а какъ будетъ, Богъ знаетъ. Это письмо отправлю отсюда, а въ Рагузѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо и пошлю вамъ слѣдующее.

17-го Мая.

Триестъ—прекрасной городъ. Онъ стоитъ на малень. полуостровѣ внизу подъ горами. Подъѣзжая къ нему отъ Любляны, останавливаешься у памятника, и въ одно мгновеніе видишь передъ собою море, съ одной стороны берега твердой земли, съ другой берега Истріи, а внизу подъ ногами, какъ рисунокъ, какъ планъ, этотъ городъ. Картина ни съ чѣмъ несравнимая. Съ чѣмъ нельзя свыкнуться, свыкся и я съ моремъ; а всетаки не могу вспомнить безъ наслажденія о видѣ со святаго Петра (гостиница у памятника). Въѣхавши въ городъ, не знаешь, на чемъ остановиться глазами: улицы по струнѣ, дома огромные, прекрасной архитектуры, дѣятельность безъ конца, разнообразіе костюмовъ, прелестныя личики, богатые магазины, и т. д. и т. д. Какіе дома тутъ строятъ,—довольно вспомнить, что недавно отстроенное Loscandajo для проѣзжающихъ стоило 600,000 флоринъ = 1.500,000 руб. ас. Языкъ господствующій—Итальянскій. Съ Нѣмецкимъ уѣдешь не далеко.—Мы живемъ такъ: встаемъ въ 7 и пьемъ кофе; потомъ занимаемся—отчетами, напишемъ страничку, да и читать одинъ другому; въ часъ идемъ обѣдать (супъ да жаркое—на 20 коп. сер. съ души); и опять домой; въ сумерки идемъ въ кофейню, изъ кофейни гулять, и опять домой или въ театръ Итальянскій. Тутъ труппа Вестри, и самъ Вестри изумительной комикъ, управляющій лицомъ, какъ живописецъ кистью. Театръ начинается въ 8^{1/2}, и слѣдовательно послѣ театра прямо спать, а если не идемъ въ театръ, то домой и занимаемся или болтаемъ до 11, 12 и позже.

Въ Харьковѣ ли вы, милая маменька, или въ Кіевѣ? Пишите ко мнѣ въ Аграмъ на имя Гая. Мнѣ уже грустно, что не получаю долго писемъ: самъ виноватъ, дурно распорядился.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Цѣлую васъ и брата.

И. Ср.

И здѣсь искалъ для Авросія Лукьяновича ¹⁾ книгъ, но ничего не нашелъ.

ЛIII.

№ 43.

Сень. 1841. 16 Іюня.

Мы приѣхали сюда третьяго дни; а передъ этимъ три дни провели на островѣ Крѣѣ (Veliu). На островъ мы переправились изъ Кралевицы (Porto Re) въ Возу—часа въ 2 или 2^{1/2}. Подъ говоръ весельщиковъ я заснулъ и проспалъ почти всю дорогу; подъ колыханье лодки съ волны на волну сонъ очень хорошъ. Возъ—двѣ хижины, гдѣ мы не нашли не только лошадей, но и человѣка, который бы насъ провелъ въ Омишалъ (Castel Muschio). Мы думали уже, что придется самимъ тащить наши сумки; но весельщики были такъ добры, что предложили намъ свои услуги. Этотъ переходъ, все въ гору и по камнямъ, далъ намъ очень непріятное понятіе объ островѣ: жарко, ногамъ больно, а ни травки, ни тѣни. Въ Омишалѣ мы имѣли рекомендательное письмо къ попу, и остановились у него; съ нимъ ходили къ вечерни (Глаголической,—пѣніе очень похоже на наше монастырское), на развалины стараго замка, на бельведеръ (такъ называется скала, стѣною стоящая надъ маленькимъ заливомъ, съ которой прекрасной видъ на море и твердую землю) и пр. Омишалъ—жалкой городокъ, гдѣ очень трудно отличить, что дворъ, а что улица, и все грязно, бѣдно. У попа домъ вотъ какъ расположенъ: прямо изъ узенькихъ воротъ поднимаемся на крыльцо, такъ что все нижнее отдѣленіе дома занято виннымъ погребомъ (вина тутъ чуть ли не больше нежели воды); въ серединѣ большаго крыльца цистерна; двери на право въ отдѣленіе тети попа; двери прямо къ попу, и первая съ подворья комната—кухня съ Итальян. очагомъ и посудой по стѣнамъ; изъ нея на лѣво вномъ пристроенная комната, гдѣ мы ужинали и чай пили, и гдѣ между прочимъ на столѣ и лошадиные приборы, и даже назначено мѣсто для печи; на право комната въ родѣ чулана съ сундуками, съ пшеничкою на потолокъ, съ кроватью молоденькой кухарки, съ лестницею на верхъ; вверху три комнаты, изъ которыхъ въ одной спитъ пошъ, въ другой спали мы, а

¹⁾ Мстислѣйскій.

въ третьей книги, кажется, вѣчно спящія. Домъ хоть и каменный (какъ и всѣ), но (какъ и всѣ) такъ легко построенный, что отъ вольныхъ шаговъ по комнатамъ все въ домѣ трясется. На другой день мы пошли въ городъ Кркъ по острову, и шли 5 часовъ. Дорога хоть и большая, но запущенная, твердокаменная, несносная. По дорогѣ деревень очень мало, полей и садовъ довольно, лѣсовъ также видно много, но молодыхъ. Если бы не виноградъ, смоквы, оливы, лавръ, то можно бы подумать, что идешь по какойнибудь Новой Землѣ. Кркъ—городокъ приморской, маленькой, съ тѣсными улочками, очень похожий на закоулокъ Венеціи, и Венец. лѣва встрѣчаешь довольно часто. Уѣздный судья (podestà) принялъ насъ ласково, далъ квартиру и сдѣлалъ все, что могъ. Не далеко отъ Крка въ заливѣ лежитъ островокъ Коммонъ (Cassione), и на немъ монастырь, окруженный вѣчнозеленымъ лавровымъ садомъ. Видъ островка не дуренъ, но въ монастырѣ мы не нашли для себя ничего. Изъ Крка города мы пошли по острову на востокъ. Опять тяжелая дорога, особенно сначала, пока взобрались на гору Тресковецъ; а когда начали опускаться въ долину, по которой течетъ потокъ Рѣка,—грязь и вода, и все разрушеніе. Вчера передъ тѣмъ шелъ ужасный дождь, размывъ дорогу, поля, потопилъ воловъ и козъ, вырвалъ съ корнемъ нѣсколько осинъ, разломалъ мосты, словомъ представлялъ намъ такое же зрѣлище предъ очы, какъ помните, въ Ундинѣ. Такой сильной воды не помнятъ и старики: два часа не было прохода. Къ вечеру пришли мы въ Башку (Besca) и по рекомендательному письму обратились къ уѣздному судѣ (волост. голова), но его не могли найти. Не зная, что дѣлать, мы стали спрашивать, гдѣ-бы могли переночевать. Идти попу, мы къ нему,—и онъ повелъ насъ къ себѣ, далъ комнату, накормилъ, и пр. Онъ былъ когда-то стихотворцемъ, и, хоть старикъ, но съ такимъ жаромъ читалъ намъ наизусть свои творенія, что отъ смѣху едва было можно удерживаться. На другое утро въ 5 часовъ поступался онъ и сказалъ, что барка ждетъ. И мы поѣхали въ Сень. До Сени оттуда только 2 часа, но если море не спокойно, то можно и 5 часовъ остаться на морѣ. Такъ и случилось: отъѣхали съ полчаса, и море разыралось; барка обернула на право, и пристала къ каменистому загорью. Барочники стали печь себѣ локарду (рыбу на золѣ). Мы думали, думали да и давай себѣ тоже варить кофе (мы съ запасомъ); воды насплу достали и то дурной, но кофе былъ не дуренъ. А потомъ поѣхали, и я—спать. Въ 11-ть пристали къ берегу.

Знакомства наши тутъ—православный попу, и нѣсколько православ. купцовъ. Вчера обѣдали у епископа католическаго Ожеговича, и приняты ямъ съ подобаемою честію. Онъ настоящій славянинъ, и хоть старъ, но свѣжъ, моложавъ, веселъ; а обѣдъ былъ чудесной.

Какъ пойдеть нашъ путь далѣе, не знаемъ, а
съ-утра чемо преко Велебита.
(завтра хочемъ за Велебѣтъ-горы).

Carlopage. 21 Іюня.

По мѣстамъ этимъ путешествовать вовсе не дешево: за коляску отъ Сени до Берлога, 4 часа ѣзды, мы заплатили 7 гульденовъ (безъ малаго $4\frac{1}{2}$ руб. сереб.), за переноску вещей отъ Берлога до Оточаца (2 часа или 3)—два двугривенныхъ, за телѣгу отъ Оточца до Госпича (7—8 часовъ)—4 гульдена, за такую же отъ Госпича сюда—тоже 4 гульдена (7 часовъ). Страна впрочемъ по ту сторону Велебита прекрасная; горы по одну, горы и по другую сторону, а въ серединѣ роскошныя долины; горы большею частію покрыты лѣсомъ; въ долинахъ поля, луга, рощи, разбросанные домики деревень всѣ подъ тѣнію ясеней, яворовъ, липъ; вдоль по дорогѣ тоже очень часто густая тѣнь. И вся эта земля—Военная Граница. Почти каждый изъ мужиковъ былъ солдатомъ; солдатъ встрѣчаешь на каждомъ шагу; а граница турецкая, хоть и далеко, верстахъ въ 70, но все заставляетъ думать, что она въ 5—6 верстахъ: по вершинамъ горъ и холмовъ стоятъ такъ называемые паноси, т. е. шесты, обвитые соломой, которая, если бы случилось на границѣ какое-нибудь беспокойство, зажигается, и вѣсть о беспокойствѣ переносится въ короткое время по цѣлой землѣ до моря; у каждого хозяина есть свое клепало, въ которое бьютъ тревогу; кое-гдѣ по дорогамъ пикеты; по самой границѣ всегдашній кордонъ, и граничарь, идущій на кордонъ беретъ запасъ хлѣбной съ собою. Народъ довольно бѣденъ; домики маленькіе, деревянные, курные, нечистые; только офицеры и сержанты живутъ хорошо. Въ Берлогѣ мы заѣхали къ православному попу: нельзя было не изумиться, глядя на его домашнюю одежду: синія военныя панталоны, опанки, синій предлукъ (куртка безъ рукавовъ), а на головѣ красная шапа (въ родѣ болпака, какую тутъ носятъ и мужчины и женщины): онъ сидѣлъ у очага, и варилъ паленту. Въ Оточцѣ мы ночевали: это полковой городокъ, разметанной по долинѣ. Госпичъ—тоже полковой городокъ, похожій на Оточацъ. Дорога изъ Госпича сюда, можно сказать, страшная: она идетъ черезъ Велѣбѣтъ. Эти горы тянутся черезъ всю Далмацію къ Балканамъ и, какъ въ Сени, такъ и здѣсь круто спускаются къ морю. Вчера мы опускались $2\frac{1}{2}$ часа. Сторона горъ къ морю дика, безъ зелени, скалиста, а дорога иногда и очень крута, не смотря на то, что вьется сама подъ себя. О видѣ съ горы я не говорю: ко всему можно привыкнуть, равно и къ такимъ видамъ, какъ отъ св. Петра въ Триестѣ, съ Учки въ Истрию, съ Велебита у

Сени, съ Велебита здѣсь, но все они прекрасны. Тутъ видишь подъ ногами чудной формы островъ Паго, далѣе море, по которому разсыяно множество другихъ острововъ, большихъ и маленькихъ, и далѣе чистое море, отдѣляющееся отъ неба тоненькою, едва замѣтною голубоватою полоскою. Солнце шло къ закату, и покрыло часть моря золотомъ, на которое глядѣть также трудно, какъ на самое солнце.

Пагъ. 23-е.

Съ письмомъ къ протопопу Пажскому, сѣли мы вчера на барку (т. е. лодочку) и поѣхали на островъ Пагъ. Перѣзду черезъ проливъ Морлацкій—одинъ часъ по вѣтру (послѣ обѣда обыкновенно дуетъ *tramontana* съ З. на В.) и полтора часа по заливу, окружаемому островомъ Пагомъ. Пристали къ городу Пагу и пошла возня: сначала въ претуръ—показать паспорта, потомъ въ таможеню—показать вещи, потомъ къ священнику—просить ночлега. Священникъ не былъ дома, поѣхалъ куда-то на прогулку по морю, и его надобно было ждать до 10-ти часовъ вечера. Онъ пріѣхалъ и оказался предобрымъ, преласковымъ старикомъ. До этого времени мы осмотрѣли городокъ: онъ лучше *Carlorago*, весь окруженъ стѣною и имѣетъ богатые солины—единственную надежду жителей на нынѣшній годъ, потому что хлѣба сгорѣли, а виноградъ побить градомъ. Въ городѣ все напоминаетъ о Венеціи, какъ и всюду, гдѣ была власть Венеціянъ: Венеціанскій левъ на стѣнахъ, архитектура домовъ та же, что и въ Венеціи, и самое нарѣчіе господствующее не Нѣмецкое, а Итальянское.

Нинъ (Nona). 23-е Іюня.

Изъ Пага въ Павіано (Павляна). Поѣздъ соверш. мужикъ, добр. человекъ. Прутна. Отсюда переправа съ острова Пага въ Далмацію. Ладья: ³/₄ часа до Привлаки (*Brevilaqua*). До Нинна ⁵/₄ часа пѣшкомъ. Епископъ. Знамена. Коло. Стрѣльба изъ ружей. Глупой разговоръ съ пѣрохомъ: *l'antiquità e maestro*. Петръ Ивановичъ и воспоминаніе о Венеціи. Спальня съ разбитыми стеклами. Чай и конопілка. Огни Ивановы... Спать хочется, или по крайней мѣрѣ нужно лечь.

Задръ (Zara). 24-е Іюня.

Прошлую ночь мы ночевали въ Нинѣ (Nona). Легли довольно рано усталые думали прекрасно заснуть,—не тутъ-то было: мы легли, а блохи встали и пошли таскаться по намъ. До полуночи я ваялся; наконецъ не стало мочи, я вскочилъ, читалъ, писалъ, всѣми силами старался забыть о

блохахъ, но блохи не забывали меня и кусали безпошадно. Петръ Ивановичъ ворочался еще часа два, бился о перину, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ тоже вскочилъ. И вотъ такъ мы провели ночь, такъ встрѣтили восхождение солнца,—и въ пять искусанные и все еще кусаемые блохами отправились въ Зару. Тутъ, кажется, немного лучше: мы спали отъ 11-ти до 2-хъ и не слышали блохъ, а теперь, наступилъ вечеръ и начинаются страсти. Петръ Ивановичъ объявилъ имъ открытую войну, бьетъ ихъ безъ пощады; но проклятыя не унимаются. Здѣшнихъ блохъ съ нашими блохами и сравнивать невозможно: кусаются мучительно больно,—и теперь все наше тѣло покрыто будто сыпью, будто ранами. Кромѣ замѣтныхъ блохъ должны быть тутъ еще какіе-нибудь звѣрки крошечные, едва ли замѣтные для человѣческаго глаза, и они, кажется, вѣдаются въ кожу. Прибавьте къ этому жаръ безъ вѣтра, душной, вялящій жаръ, и можете представить, что нашему брату, сѣверянину, тутъ доходить чуть не до слезъ. О Задрѣ завтра, а сегодня попробую заснуть.

28-е Іюня.

И мы все еще въ Задрѣ. Заняты? Лѣнны. Захворали? И то нѣтъ, хоть блохи мучать насъ, какъ преступниковъ. Сами не знаемъ, для чего живемъ. Пришедши въ Задръ мы встрѣтились съ православнымъ и богатымъ купцомъ Медовичемъ: это было наше первое знакомство; другое—православный попъ. Стали потомъ искать католическихъ знакомствъ: ходили къ одному, другому, третьему, разъ, два, четыре, пять разъ,—и никого не видали: то спятъ, то гудяютъ, то вѣдятъ, то Богъ знаетъ гдѣ. Стороной только узнали, что особенно любопытнаго ничего нѣтъ,—и потому вѣдемъ. Я одно только доброе дѣло и сдѣлалъ: съѣздили на островъ Углянь, и провелъ тамъ, то есть въ пѣшешествіи и въ корчмахъ цѣлой день.—Надобно сказать вамъ по крайней мѣрѣ о наружности Задра, котораго улицы и переулочки мы исходили порядкомъ. Задръ стоитъ на полуостровѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ крѣпостной стѣной, имѣетъ улочки очень узенькія, но довольно прямыя и кое-гдѣ прекрасно выстланныя мраморомъ, архитектуру домовъ и лѣвами на стѣнахъ и старыхъ зданіяхъ напоминаетъ о Венеціи, имѣетъ 11 церквей, много монастырей, много поповъ и монаховъ, много солдатъ, много неумѣющихъ, или нехотящихъ говорить иначе какъ по Итальянски Венец. нарѣчіемъ, и ни одной души, понимающей что ябудъ о Славянствѣ, ни одного хорошенькаго личика, привлекаетъ къ себѣ множество Далматинцевъ изъ разныхъ сторонъ, одѣтыхъ въ красное съ синимъ, съ усами и косами, молодцовъ, составляющихъ противоположность съ истошальными статурами собственныхъ Задрянъ.

(Углянь: переѣздъ туда вечеромъ подъ луной—2¹/₂ часа по морю. Мо-

настырь и патерь Гауденціо. Кућа Медовича, пѣсни, кофе, вино, сыръ. Переходъ въ Лукорано: островъ зеленѣетъ и зимой. На гору св. Михаяла: развалины стѣнъ и башни, на дворѣ церковь, гдѣ разъ въ году служба. Видъ. Корчма у Лукорано: пѣсни, Санто-Мишица; попа дома нѣтъ, мать его, сынокъ (?), пѣсни и пляски около церкви. Въ Задръ: 20 минутъ по маэстро на 2-хъ веслахъ и подъ парусомъ, какъ по воздуху птица).

Монастырь Крка. 30-е.

Третьяго дни послѣ обѣда мы выѣхали изъ Задра (заплативши до Кистани 7 гульд.), ночевали въ Бенковцѣ, т. е. напились кофе и въ полночь поѣхали далѣе, такъ что къ 6 часамъ утра были въ Кистани. Жары почти не позволяютъ путешествовать днемъ: отъ жару я изъ поту почти не выхожу. Въ Кистани положили на коня нашу робу и пошли въ монастырь. Игуменъ встрѣтилъ насъ ласково и гостепріимно, поить, кормить, угождаетъ. Онъ молодой, образованной человѣкъ. Въ монастырѣ много Слав. рукописей, и Петръ Ивановичъ въ своей тарелкѣ. Монастырь лежитъ въ глубокой долинѣ, между стремнистыми горами, обросшими лѣсомъ. Около монастыря дуга, по которымъ поросли деревья, въ нѣсколькихъ шагахъ рѣка Крка. Мѣстоположеніе оригинальное и прекрасное. Самъ монастырь очень малъ: монаховъ на лицѣ только два: одинъ—старикъ, другой—молодой; другіе—священствуютъ въ разныхъ приходахъ.

- a) дворъ устланный мраморомъ и окруженной галлереей.
b) церковь. c) трапеза. d) игуменъ.

Дернишь. 2-е Іюля.

Тутъ мы приняты у купца Міовича, точно какъ дома. Сегодня послѣ обѣда мнѣ подвели коня и я поѣхалъ въ Коссово поле; до церкви (православной) Петра я ѣхалъ одинъ, только спереди меня ѣхалъ мальчишка; а тутъ, напившись у священника кофе, я поѣхалъ съ нимъ далѣе. Природа превосходная: горы, долины, зелень и все. Православныхъ тутъ въ Далмаціи 73,000; но церкви маленькія, бѣдненькія,—и вообще ихъ тутъ притѣсняють. Хотѣли и хотятъ обратить къ уніатству; сажаютъ даже въ темницы за твердость къ вѣрѣ. Отецъ Стефанъ Дернишскій, не смотря на все это, твердо стоитъ за свою вѣру, и убѣждаетъ народъ не колебаться.

Шебенико. 4 Июля.

Вечеръ. Комната въ локандѣ довольно велика, но страшно нечиста, по Итальянскому обычаю. Одно хорошо: окна на такъ называемую большую площадь. Она невелика, но прекрасна: въ одну сторону соборъ отличной архитектуры, съ другой—большой домъ, занимаемый кофейнями и казино; полъ—точно полъ, а не мостовая—устлана большими квадратами желтаго мрамора. И теперь она кипитъ жизнью. Посреди ее пулпеты, и музыка играетъ довольно хорошо отрывки изъ оперъ; у кофейнъ разставлены стулья и столики,—пьютъ кофе, розоліо, лимонадъ, шербетъ; по площади ходятъ мужчины и женщины всѣхъ полковъ, болтаютъ, курятъ трубки. Вотъ взошла и луна и полупогасила свѣчи и лампы. Точно какъ въ Венеціи,—только въ маленькомъ размѣрѣ.

Сюда пріѣхали мы изъ Скрадина (Scardona), въ который вчера пріѣхали изъ Дерниша, и остановились по рекомендат. писъму Міовича у Синьбада. Почтенный этотъ старикъ не зналъ, какъ угостить насъ: «Русскіе у меня въ домѣ!» говорилъ онъ, и принимался повторять поцѣлуй,—и поцѣлуй это[го] усаца съ длинными волосами, покрытыми красной капой, толстаго и жирнаго, были для меня пріятнѣе поцѣлуевъ красной дѣвушки. Все его сѣмейство, мужское и женское, раздѣляло его радость. Пообѣдавши, мы сѣли на лодку, и по Кркѣ вверхъ къ водопаду. Чудесной водопадъ. Уже съ издали видишь его, какъ ¹⁾ бу[дто] [колич]ество полотна разложено по горѣ между зеленью. не знаешь, какою частію любоваться, тутъ масса [воды пере]ли[вается] какъ будто изъ огромнаго чана въ другой. со скалы, падаетъ на камень, разбивается въ дробезги себя облачкомъ серебристой пыли, тамъ чуть видная . . . [изъ]за зелени. Всего водопада вдругъ и видѣть нельзя. Такъ [мел]ьницъ на немъ болѣе 60. Мы ходили вверхъ до того мѣста течетъ еще ровно,—и тамъ видъ чудесной. Сегодня снабдивши въ дорогу ветчиной, хлѣбомъ и виномъ, внизъ по Кркѣ въ Шебенико. И тутъ виды на [каждомъ] шагѣ. Мы ѣхали около 3 часовъ на 4-хъ веслахъ.

[Шебени]ко расположенъ по горѣ амфитеатромъ, и защищенъ крѣ Церквей болѣе 30. Есть двѣ и нашихъ.—Обѣдали у Павковича въ Рус. службѣ и знавшаго о нашемъ пріѣздѣ еще напередъ [отъ К]няжевича. Еще мы сидѣли за столомъ, какъ вошли двѣ дамы—[ма]ть и дочь, отрекомендовались хозяину, и обратились къ намъ; онѣ знали, что мы

¹⁾ Край писъма въ этомъ мѣстѣ оторванъ.

пріѣдемъ и узнавши о пріѣздѣ, пришли насъ видѣть. Чуднѣ всего было для меня то, что дама твердо знала мою фамилію. Она Дельфина Сировица, родственница Вучичевичамъ ¹⁾, была въ Харьковѣ, знаетъ островокъ и Авесентьевыхъ и хочетъ воротиться. Обѣ съ дочерью хорошо говорятъ по Русски. Вечеромъ мы заходили къ нимъ и слышали, какъ дочь играетъ на флейтѣ.

Сплѣтъ (Spalatro). 6-е Іюля.

Вчера утромъ я ѣздилъ на островъ Первичъ, а Петръ Ив. оставался дома; а потомъ, воротившись въ Шебенико, вмѣстѣ ходили по церквамъ (православная невелика, но хороша, въ старомъ вкусѣ); были у протопопа нашего, и вечеромъ поѣхали въ Трогиръ (Трау). Ъхали цѣлую ночь, за что и заплатили 10 флориновъ. Трогиръ построенъ на маленькомъ островку, между твердой землей и островомъ Буа, и очень мило рисуется и съ горъ, и съ моря: башни церквей, развалины старыхъ укрѣпленій, венеціанской архитектуры домики, все очень мило,—а о нечистотѣ ни слова: тутъ она всюду дома. Съ помощію доктора Такони мы обходили городъ скоро, были и въ библіотекѣ графа Гараньяни, познакомились съ нимъ, пообедали, выпесались, сѣли на трагетто и по маэстру на всѣхъ парусахъ помчались въ Сплѣтъ. Переѣзду 1—2 часа (заплачено 2 двугрив.). Три трагетто идутъ каждый день послѣ полудня, когда начинается маэстро.

Сплѣтъ большой городъ, дѣятельный, со множествомъ остатковъ Римскихъ, множествомъ переулочковъ и т. д. Познакомились покамѣстъ съ однимъ Каталиничемъ, [истори]комъ Далмаціи и съ его сѣмействомъ. Завтра... осматривать городъ.

А между тѣмъ прощайте. Съ нетерпѣніемъ [жду] пріѣзда въ Дубровникъ (Рагузу), гдѣ надѣюсь [полу]чить отъ васъ письмо. Грустно станов[ится]. Цѣлую вашу ручку, милая маме[нька]. Цѣлую тебя, милый братъ.

Кланяйтесь знакомымъ.

Из. Ср.

LIV.

№ 44.

Сплѣтъ. 7-го Іюля.

Письмо предидущее лежитъ еще не отправленное на столѣ, потому что забылъ справиться, гдѣ почта; а вотъ я уже начинаю другое.

Въ Сплѣтъ мы пріѣхали вчера съ однимъ изъ трехъ трагетто, которые ежедневно ходятъ сюда изъ Трогира. Сначала были хлопотни съ полиціей, потомъ съ квартирой, далѣе съ перемѣной бѣлья, далѣе съ кофіемъ; такъ что

¹⁾ Семья Матв. Петр. Вучичевича, бывшаго въ то время почтмейстеромъ въ г. Харьковѣ.

выбрались из дому уже вечеромъ — и отправились къ майору Каталиничу, Далмат. историку ¹⁾. Оказался предобрый, толстой старикъ. Сегодня вмѣстѣ съ нимъ мы осматривали древности Сплѣта — остатки Діоклетіанова дворца или, лучше сказать, замка, и что потомъ строено Венгерцами и Венеціанами. Отъ Діоклетіанова дворца осталось немного, и то такъ перемѣшано съ новыми пристройками и конопатками, что жалость смотрѣть: между колоннами врѣзались домишки, огромныя окна замѣнены маленькими, изъ одного яруса кое-гдѣ стало два, кое-гдѣ полтора, гдѣ были языческіе храмы, тамъ теперь христіан. церкви. Понять ничего нельзя; видно только, что прежде было такъ величественно, какъ теперь гадко. Старый, такъ наз. Греческій храмикъ долженъ былъ быть прекрасенъ, а теперь воняетъ и снаружи и внутри; храмъ Діаны стоять безъ свода, и едва даетъ проходъ; изъ храма Юпитера сдѣлали соборъ. Къ нему приставлена прекрасная сквозная колокольня въ XIV в. Венграми. Изъ сѣней сдѣлали площадь; около нея остатки величеств. колоннады. Замокъ Венгерской съ тяжелыми башнями хорошъ для картины. Остатки Венец. укрѣпленій вовсе не живописны. Сплѣтъ довольно великъ, но улицы — лабиринтъ, и есть не шире шага или аршина. Тутъ не ѣздятъ, какъ и всюду въ Венец. городахъ. Жителей съ 4-мя предмѣстьями до 10,000. Дѣятельности торговой довольно; есть купцы и изъ Босніи. Есть 2 книжныя лавчонки. Есть продаватели старыхъ Римскихъ древностей, открываемыхъ неподалеку въ развалинахъ древней Салоны, гдѣ теперь село Салинь. Портъ великъ и малыхъ кораблей не мало. Съ набережной (marina) видишь острова Солту и Брачь и прекрасной разливъ моря. Говорятъ тутъ по-Итальянски испорченнымъ Венец. нарѣчіемъ. Народъ одѣвается или въ лохмотья, такъ что всѣ части тѣла видны, или (женщины) со вкусомъ (женщины особенно): напр. на головѣ платокъ такъ: на талии кофточка сверхъ корсета, большею частію прямая, съ серебр. пуговицами, безъ рукавовъ, а рукава отъ рубахи бѣлыя широкія, сверхъ юбки передникъ перевязанной пояскомъ, за которой заткнутъ платокъ и серебр. пѣшь съ ключомъ, красныя чулки на ногахъ. — Все это очень мило. — Другое знакомство наше, — учитель Стазичъ. Обѣдали въ бан. тратторіи: нечисто.

8-е Іюля.

Между Трогиромъ и Сплѣтомъ по берегу залива горы хоть и довольно высоки, но не очень круты, и къ морю опускаются полями. Эти поля за-

¹⁾ Авторъ „Storia della Dalmazia.“ Zara, 1834—1835.

сѣяны виноградомъ, маслинами, разными плодовыми деревьями, хлѣбами, цвѣтутъ и красуются. Въ прежнее время, когда владѣли еще Турки въ горахъ, были тутъ кое-гдѣ хуторки, и были построены какъ замки противъ нападенія Турокъ, и получили по этому названіе *castelli*. Это названіе сохранилось и доселѣ, хотя замки-хуторки превратились въ деревни. Всѣхъ 7. Почти всѣ, особенно три крайніе къ Трогиру, довольно чисто построены; есть домики премилые, и прекрасно опустили въ воду и окружены зеленью. Народъ богатъ и прекрасно одѣвается, и всего имѣетъ вдоволь. Въ эти *castelli* ѣздили мы сегодня на лодкѣ. Заѣзжали къ попу въ одинъ изъ нихъ, въ другомъ пили кофе у знакомой старухи, и т. д. Народъ весь на улицахъ: кто работаетъ, кто такъ сидитъ или лежитъ, кто спитъ, подъ тѣнью. Эти мѣста называются садомъ Далмаціи и стоятъ названія. Жаль только, что къ тѣни раинъ и кипарисовъ не прибавляется тѣни липъ или другихъ подобныхъ широколиственныхъ деревъ.

9-е. Пароходъ Митровскій у Курцолы.

Въ 7 часовъ утра вскочили мы сегодня на пароходъ и помчались отъ Сплѣта внизъ. Общество наше хоть и мало разнообразно, за то очень велико: 200 человѣкъ солдатъ, переправляемыхъ въ Рагузу, и нѣсколько офицеровъ. У городка Лесины остановились мы въ 11-мъ часу и простояли тамъ около 2-хъ часовъ; на берегъ мы не сходили. Въ 5 часовъ вечера пріѣхали сюда къ городку Курцолѣ и остановились тутъ на цѣлую ночь. Ъдемъ быстро, но видѣтъ нечего: то одинъ, то другой островъ, то съ той, то съ этой стороны островъ гористой, сѣрой, такъ что зелень едва замѣтна. Въ Курцолѣ мы сошли на берегъ, чтобы немного осмотрѣться: городокъ, окруженный стѣнами, занимаетъ весь полуостровокъ, на которомъ построенъ; и страшно ходить по нему: дома надъ домами, много по архитектурѣ хорошихъ, но еще болѣе совершенно пустыхъ, безъ оконъ, безъ крышъ, отчасти потому что чума переморила жителей, отчасти потому что жители сами оставили дома и переселились кто въ предмѣстія, кто далеко. Мы бродили по городку до захода солнца, прячась отъ жару, потомъ вышли на набережную. Тутъ пристали къ намъ два медика, а между тѣмъ на лодкѣ ѣхалъ преторъ изъ Оребича (на Сабіончелло) домой. Онъ предлагаетъ намъ прокатиться съ нимъ, говоря что переѣздъ полчаса, — мы садимся и поѣхали. По дорогѣ онъ рассказывалъ намъ объ огромныхъ сомахъ, о семиручкахъ ¹⁾, о ядовитыхъ змѣяхъ, о сѣрной пещерѣ въ горѣ Или, соединяющейся съ моремъ, и т. д. Подъѣзжаемъ, — видимъ прекрасные чистенькіе домики, кипарисы, пальмы и дивные костюмы. Женщины на головахъ носятъ шляпы (клобуки) изъ соломы съ лентами цвѣтами

¹⁾ Въ подлинномъ текстѣ рисунокъ.

и перначемъ и волосы предестно завиты, юбка голубая съ красно-желтою каймою, на лифѣ корсетъ, рукавички синенькіе (трауръ черной). Я не успѣлъ еще сказать, что нахожу сходство костюма съ Испанскимъ, какъ преторъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно сюда переселилась когда-то Испанская колонія. Говорятъ впрочемъ теперь все по-Далматински. Поздно ворочались мы домой—на 4-хъ веслахъ: маестраль дулъ противъ насъ, но по маестралу хорошо ѣхать и противъ вѣтра. И наконецъ мы опять на пароходѣ. Завтра намѣрены пуститься въ путь въ 8 утра и къ 5 послѣ обѣда быть въ Дубровникѣ (Рагуза). Теперь покойная ночь.

10-е. Пароходъ.

Въ 3 часа приехали къ Дубровнику, сами не зная, что сдѣлаемъ—поѣдемъ-ли далѣе въ Котаръ, или останемся тутъ. Пошли прямо къ нашему консулу Гагичу, съ его помощью достали вещи наши, посланные нами изъ Рѣви, деньги, посланные изъ Триеста, и т. д., и рѣшились ѣхать въ Котаръ на пароходѣ. Оттуда до Черной горы уже не далеко, и къ ней-то мы приближаемся. Дубровникъ стоитъ на мысу, окруженъ крѣпкими стѣнами, опускающимися величественно въ море, съ двухъ сторонъ тянутся предмѣстья а на горѣ, круто опускающейся къ городу, стоитъ высоко-высоко крѣпость. Видъ чудесный. И внутри городъ тоже хорошъ; главные улицы широки и прямы, дома все хороши, а нѣкоторые прекрасны; всюду чисто. Всего пріятнѣе слышать всюду родные звуки: хоть и говорятъ по-Итальянски, какъ у насъ по-Французски, хоть и на Итальянск. языкѣ ведутся все дѣла, по-Иллирски говорить не стыдится никто. Гагичъ предобрый старикъ. Еще познакомились мы съ Казначичемъ ¹⁾, адвокатомъ и писателемъ; характерный старикъ. Онъ проводилъ насъ къ берегу, гдѣ мы на лодочкѣ переправились на пароходъ. О пріѣздѣ нашемъ всюду знаютъ, знаютъ даже, гдѣ мы были, куда ѣдемъ.

Но Боже мой, что за жаръ! На 23° стоитъ, не сдвигаясь, и ни утромъ, ни вечеромъ, ни ночью нѣтъ утѣшенія. Нѣтъ, въ эти мѣсяцы плохо путешествовать по такимъ южнымъ странамъ, и въ такіе жары у насъ лучше.

11-е. Катаро.

Сегодня мы выѣхали изъ Рагузы въ 6 утра. Я еще спалъ; пароходъ, шумѣлъ колесами, югъ (scirocco) морщилъ море и вылъ, но я ничего не слышалъ. Часа 3½ мы ѣхали по открытому морю; потомъ завернули въ Восса

¹⁾ Ант. Казначичъ—поэтъ и историкъ Далматинскій.

di Cattaro. Тутъ море все уже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такіе миленькіе, веселенькіе, а надъ ними высоко стремнины скалъ. — Теперь въ Каттаро. Городокъ лежитъ какъ разъ подъ стѣнами скалъ, и въ этомъ мѣстѣ заливъ малъ и такъ окруженъ горами, что кажется озеромъ. На[дѣ] городомъ высятся Черныя горы такъ, что надобно голову заламывать, глядя на нихъ, не только въ городѣ стоя, но и на набережной; горы дикія, стремнистыя, величественныя и страшныя. Въ Каттаро живетъ Чевкинъ ¹⁾: съ чиновникомъ Австрійскимъ они хлопотали объ опредѣленіи границъ между Черногоріей и Австріей. Онъ былъ у насъ въ Триестѣ; мы отплатили ему визитъ здѣсь. Все на насъ смотреть и не одинъ Черногорецъ протягивалъ намъ сегодня руку, слава Московитовъ и Николая. Сегодня у Черногорцевъ большой праздникъ: Петра, а покойнаго митрополита Петра тѣло осталось нетлѣннымъ, и онъ считается ими святымъ. Очень жаль, что мы не успѣли быть на этомъ праздникѣ. Теперь прощайте до завтра.

12-е. Цетинъ въ Черной горѣ.

Сегодня утромъ въ 5 часовъ стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два, — подъемъ тяжелой, — съ каждымъ шагомъ выше по крайнѣй мѣру на поларшина, и кое-гдѣ, чуть не карабкаясь. Крѣпость Котарская снизу намъ казалась Богъ знаетъ какъ высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была подъ ногами, а заливъ Котарскій какъ озеро. Далѣе раскрылась вся бокка, а потомъ и море. И тутъ насъ встрѣтилъ туманъ. До границы Черногорской тропинка пренесносная. Далѣе идетъ порядочная дорожка, стоившая большихъ трудовъ. Поднявшись совсѣмъ на гору, мы пошли по вершинѣ далѣе и далѣе и дошли до деревни Нѣгуши, отсюда родомъ и владыка. Жалкая деревня. Тутъ мы сварили себѣ кофе, пили вино, ѣли колѣчи. Далѣе я сѣлъ на мула и поѣхали въ Цетинъ. Съ проходящими Черногорцами говорили мы часто. Многіе останавливали насъ вопросомъ, кто мы, но узнавши, что мы Русскіе, были очень дружелюбны. У одного колодца встрѣтили процессію: знамена, образъ, евангеліе, крестъ, — священникъ, одѣтый какъ и всѣ Черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что онъ въ опанкахъ, чулкахъ, коротк. шароварахъ курткѣ и за поясомъ ганжаръ (кинжалъ) и пистолеты. Приближаясь къ Цетини мы увидѣли башню и на ней на шестахъ множество Турецкихъ головъ. Было уже около 4 часовъ, когда мы подошли къ Цетини; епископъ спалъ, мы пришли къ его брату, и потомъ къ секретарю. Между тѣмъ епископъ проснулся, насъ

¹⁾ Александръ Владимировичъ Чевкинъ.

позвали, — и можете представить мое новое изумленіе, когда я увидѣлъ епископа Петра Петровича Нѣгуша въ такомъ же Черногорскомъ костюмѣ только съ бородой. Гигант. роста, красавецъ, молодой, онъ говоритъ по Русски, Французски, Нѣмецки, Итальянски, очень обходителенъ, уменъ въ разговорѣ, и съ нами очень милъ. Въ главной комнатѣ его билиардъ, по стѣнамъ ружья отнятыя у Турокъ и портреты — Николая, Наполеона, Георгія Чернаго и Байрона. Николая тутъ всѣ чудно любятъ, называя своимъ императоромъ. Обѣдали вмѣстѣ. Далѣе кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерній разговоръ. Опять спать. — Все шумитъ, пость, оканчивается вчерашнее празднество. Черногорцы — молодцы, и владыку любятъ, хоть онъ съ ними и не шутитъ. Цетинъ — монастырь, возлѣ него господарева куча (дворецъ), обведенный стѣною, и нѣсколько корчемъ, а въ томъ числѣ и гостинница съ прекрасною комнатою. Камня много — нигдѣ столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свѣжо.

13-е. Катаро.

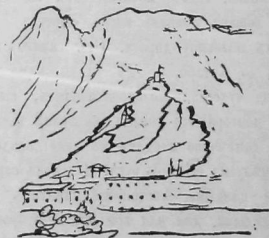
Мы просили владыку позволить намъ путешествовать по его владѣніямъ дня два-три; онъ, разумѣется, былъ согласенъ, но самъ же и отсовѣтовалъ. «Я не говорю уже о томъ, сказалъ онъ намъ, что вы вмѣсто хорошихъ ночлеговъ найдете только гостепріимство бѣдняка, душою любящаго Русскихъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣднаго; я боюсь за ваше здоровье: пары Болота (Lago di Scutari, куда мы хотѣли идти), въ это время и сильны и вредны». Мы послушались его совѣта и рѣшились ѣхать изъ Черной горы вмѣстѣ съ нимъ въ Катаро, тѣмъ болѣе, что такое возвращеніе могло быть для насъ любопытнѣе и полезнѣе 10 дней одинокаго пути. Сегодня рано, часу въ 5-мъ стучать къ намъ въ двери. «Avanti» (=herein=войдите). Входитъ одинъ изъ перьяниковъ (гвардейцевъ), говоря, что господарь проситъ насъ. Мы одѣлись, пошли въ церковь (церковка) къ гробу Петра, оттуда къ владыкѣ, напился кофе, и на коней. Намъ, почитая насъ за трусовъ, дали лошаковъ (мезга). Петру Ив. лошакъ порвалъ вчера сюртукъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ, а я съѣлъ и ѣхалъ половину дороги. Отъ самаго выѣзда начались выстрѣлы, и продолжались до Катаро, а гдѣ ѣхали мимо церкви начинался звонъ колоколовъ. Картина чудесная: колокола звонятъ, выстрѣлы гремятъ и по три, по четыре раза повторяются горами, караванъ ѣдетъ по тропинкѣ и шумитъ; встрѣчающіеся довѣрчиво глядятъ въ лице владыкѣ и привѣтствуютъ его поклономъ и поцѣлуемъ въ свою руку. И чуденъ караванъ: впереди перьяники пѣшкомъ, далѣе владыка, Австрійскій капитанъ Оремовичъ, одинъ изъ сердарей, братъ владыки, два или три изъ сенаторовъ, мы, кто на конѣ, кто на мулѣ, кто пѣшкомъ, нашъ проводникъ, слуги владыки, — странная смѣсь. Мезга моя отстала и мы съ Петромъ Ив. потеряли караванъ

изъ виду, не доѣзжая до Нѣгушей. Какъ бѣжить Черногорецъ и говорить что владыка ждетъ насъ у своего дома (онъ изъ этой деревни). Я соскочилъ и пошелъ пѣшкомъ вдвое скорѣе нежели ѣхалъ. Домъ порядочной, но устроенъ по мужицки, только больше и чище. Въ комнатѣ собралось все, подали кофе, потомъ окорокъ, баранины, вина. «*Sans cérémonie!*» сказали владыка намъ, и усадили около себя. Отца его мы видѣли въ Цетини (почтен. 80 лѣт. старикъ); а тутъ живетъ его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына какъ на солнце; мы адресовались къ ней съ привѣтствіемъ и по христіански облобызались. Завтракъ скоро кончился и мы далѣе. Я пошелъ пѣшкомъ, не отставая отъ владыки, и говоря съ нимъ о чемъ на умъ входило—большую частію по Французски. Такъ шло до границы. Тутъ сошли всѣ съ коней и муловъ и послѣ удалыхъ выстрѣловъ и криковъ пошли пѣшкомъ всѣ. Я сошелся съ однимъ изъ перьяниковъ, побратимился съ нимъ и отдался въ его волю, потому что безъ его помощи вѣрно упалъ бы не одинъ разъ. Взошедши на дорогу большую, владыка пересѣлъ на другого коня, котораго вели до сихъ поръ подъ уздцы, приказалъ мнѣ сѣсть на его перваго коня, и такимъ образомъ поѣхали мы къ городу.—Мы вошли на минуту въ его квартиру, поблагодарили и отправились къ себѣ.—А теперь спать.

14-е.

Сегодня мы были опять у владыки, потомъ пошли съ нимъ и съ Чевкинымъ гулять на марину. Чѣмъ болѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ болѣе удивляешься ему какъ человѣку и какъ правителю Черногорцевъ. Говорить хорошо, умно, съ чувствомъ, съ достоинствомъ и безъ натяжки, и во всѣхъ словахъ видна любовь къ народу такъ-же, какъ въ обращеніи Черногорская простота.

Видъ съ марины на Катаро чудесной: внизу городъ, надъ городомъ крѣпость, надъ крѣпостію Черныя горы—градъ Пустинъ и Ловчинъ, почти такъ:

Но и страшно жарко въ Катарѣ: 28° и духота. Одно утѣшеніе на маринѣ. Я только что воротился. Тамъ все живо. На баркахъ огни, море освѣчиваетъ огни съ противоположнаго берега, а надъ Катаромъ горы какъ тучи.

(Въ Катарѣ 2 православ. церкви: Николая—большая и Луки—маленькая. Церковь, построенная Душаномъ, сдѣлалась теперь главною Римскою.

15-е Новый (Castelnuovo).

Наняли барку, простились съ владыкой, и поѣхали по Катарскому заливу. Заливъ очаровательный: вода какъ зеркало, по берегу прелестныя деревеньки, окруженныя виноградомъ, фигами, гранатами, оливами, кипарисами, орѣхами, черешнями; надъ ними скалы, упирающіяся въ небо. Особенно прекрасно то мѣсто залива, гдѣ море сгузилось какъ рѣка, и которое называется Цѣпиями (Вериги = Catene). Новый лежитъ амфитеатромъ на горѣ и окруженъ развалинами крѣпости; а на возвышеніи горы новая крѣпость. Города въ бѣдной. Солдатъ множество. Верстахъ въ 2-хъ отъ города тоже на берегу моря лежитъ Савинъ монастырь. Въ надеждѣ найти тамъ старыя рукописи мы отправились туда. Дорожка, ведущая въ монастырь, поразила насъ: камня по ней мало, съ обѣихъ сторонъ надъ нею деревья и кустарники садовъ и лѣса, и сквозь вѣтвей видишь море. Монастырь почти со всѣхъ сторонъ окруженъ тоже лѣсомъ и садами. Среди главнаго двора стоитъ большая церковь, точно большая, прекрасно сложенная изъ большихъ камней, внутри высланная мраморомъ, чистая и очень хорошо украшенная. Подлѣ нея стоятъ другая крошечная церковка, а на другомъ дворѣ келии, гдѣ та-же чистота, что и въ церкви. Игуменъ—прекрасной старики. Остальныхъ монаховъ четыре. Мы воротились вечеромъ и старались продлить прогулку.

17-е. Дубровникъ.

Въ Новомъ наняли мы верховыхъ лошадей и поѣхали въ Старой Дубровникъ. Пути—съ небольшимъ 6 часовъ. (Запложено за три лошади 5 фл. 40 кр.). Сначала ѣхали близъ берега моря, дорога обворожительная. Далѣе у Суторинъ пришли на границу Турецкую. Тутъ намъ дали гвардіяна, и съ нимъ шли мы около часа по Турціи: населенія меньше, дорога гораздо хуже. Въ Дубровникъ Старый пришли мы въ концѣ 1-го. Жаръ былъ страшной. Переждавши его, мы сѣли на барку и поѣхали въ Дубровникъ. Пути съ хорошимъ вѣтромъ не болѣе 1-го часу.—Мы остановились въ Локандѣ al Varоге, лучшей. Намъ отвели 2 комнаты. Часу въ 11-мъ мы разошлись по постелямъ, и я скоро заснулъ. Вдругъ слышу кто то стучится въ дверь. «Кто тамъ?»—Отворите, Измаилъ Ивановичъ!» и вошелъ Петръ Ивановичъ со свѣчою: «И тутъ боюсь, я спать не буду». Что такое? «Пойдемъ посмотримъ: моя комната полна блохъ, клоповъ, таракановъ, всякой дьявольщины, и я видѣлъ что-то черное, величавою въ палець, со множествомъ ногъ». Мы искали этого стонюга, но не нашли, и Петръ Ивановичъ сѣлъ читать-писать, а я легъ на

свою постель такъ, чтобы осталось мѣсто и Петру Ив. Словомъ это была ночь въ родѣ Нинской ночи. Сегодня съ утра стали хлопотать о квартирѣ, и долго ничего не удавалось. Наконецъ (въ кофейнѣ) подходитъ къ намъ одинъ человѣкъ (Будмани), и предлагаетъ у себя квартиру. Мы было думали, что за деньги, и спросили есть ли у него двѣ комнаты. «Хоть десять» отвѣчаетъ онъ. «Мое семейство теперь въ Кампани, и вы можете быть у меня полными хозяевами, лишь бы намъ понравилось. Можетъ быть развѣ далеко: вонъ на взгорьи». Мы не могли не принять его предложенія,—и вотъ у него въ домѣ. Домикъ прелестной, чистой. Намъ даны всѣ удобства, а изъ оконъ видъ на городъ и море. Словомъ, лучше ничего быть для насъ не можетъ. Одно горе: безъ платы.

Но что за жара! Страшно! Я весь облитъ потомъ, хоть вонъ уже 10¹/₂ вечера.

18-е.

У кофейни sotto pile есть площадь, уросшая ивами и орѣхами, вѣчно въ тѣни. Сюда Дубровчане собираются гулять, пить кофе, ѣсть мороженное. Сегодня была и музыка. Владыка сегодня утромъ пріѣхалъ сюда, и мы тутъ съ нимъ видѣлись. На него все засматривается, и толпы ходятъ въ слѣдъ за нимъ. Мы слышали, какъ одинъ Австріецъ говорилъ «какъ можно позволить этимъ Черногорцамъ ходить тутъ по городу въ вооруженіи». Мнѣ хотѣлось спросить его, уже-ли и Австрійскій офицеръ могъ бы ходить безъ шпаги въ чужомъ государствѣ, какъ арестованный.

Стонъ (Stagno). 21-е.

Еще третьяго дня мы наняли мѣста на баркѣ (за 2 фл.), но до вчерашняго вечера вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ Дубровника; наконецъ,—и выбравшись вчера въ 7-мъ вечера и ѣхавши цѣлую ночь, едва, едва доѣхали сюда въ 1 послѣ обѣда. Тутъ отдыхаемъ, и потомъ далѣе въ путь. Благодаря Бога, комната порядочная. До Сплѣта мы хотимъ по суху, а далѣе, на пароходъ, если только успѣемъ, чего не дай, Боже. Дубровникъ оставляетъ въ насъ по себѣ пріятное воспоминаніе: Адвокатъ Казначичъ (литераторъ) и православный священникъ отецъ Григорій Николаевичъ (тоже литераторъ) доставили намъ много пріятныхъ минутъ, а нашъ добрый хозяинъ Будманъ выше описанія. Консулъ Гагичъ насъ забылъ, но мы равно забыли о немъ. Стонъ—дрянной городишка съ дрян. крѣпостью и съ крѣпостными стѣнами, возвышающимися надъ городомъ по горѣ, какъ и въ Котарѣ.

Трагетто изъ Наренты въ море. 23-е.

Трагетто—корабликъ длиною сажня $2\frac{1}{2}$, шириною сажня $1\frac{1}{2}$, идетъ на парусахъ и на веслахъ; внутри его ямка съ покрывкою въ 1 квадр. сажень, гдѣ и дрова и боченки съ бивандой (вода съ виномъ), и наша поклажа, и мы, спасаясь отъ жара. Ъдемъ по рѣкѣ Нарентѣ изъ Опузина (Fort Opus) въ море, чтобы пробраться въ Макарекую. Вчера ночью, выѣхавши вечеромъ изъ Стона, спали мы на маленькой барочкѣ, гдѣ едва могли помѣститься на ночлегъ 6 человекъ (мы и 4 весельщика) у берега моря при устьи Наренты. Спать было тѣсно, но спалось хорошо; а просыпавшись, я видѣлъ на морѣ огни рыболововъ, ловящихъ сарделли (крошеч. рыбенка въ родѣ снѣдковъ): огнями, разводимыми на лодкахъ, ихъ заманиваютъ, и огни эти всюду по морю, какъ иллюминація. Рано утромъ до солнца мы двинулись впередъ, и до 7-ми пріѣхали въ дрянной городишко Опузья, по рѣкѣ Неретѣ или Нарентѣ. Тутъ природа другая: хоть скалистые горы и видны кругомъ, но между ними широкая равнина низкая и влажная, и по ней, опоясанная тростниками течетъ раз. рукавами рѣка Неретва. Климатъ тутъ ужасно нездоровой: лихорадки не перестаютъ, и больные въ каждомъ сѣмействѣ, разомъ по 2, по 3. Тутъ мы пили кофе, обѣдали, сѣли на трагетто и далѣе. Мы ѣдемъ на веслахъ; я лежу и пишу; комары жужжать и кусаютъ безпощадно; тутъ ихъ пропасть. Мы было хотѣли по суху ѣхать, но намъ отсовѣтовали, сказавши, что и дологъ путь, и нѣтъ ночлеговъ; а ѣздить тутъ не дешево; вчера до Опузина—5 флор.; а сегодня до Макареской—6.

Макареска. 24-е.

Маленькій городокъ на берегу моря надъ стремнистой огромною горою Біоковомъ. Мы пріѣхали сюда часовъ въ 6, когда еще солнце, выходящее тутъ изъ за горъ, не свѣтило, и все дышало хоть и самой умѣренной, но всетаки прохладой. Ночевали на баркѣ; капитанъ (начальникъ барки) послалъ намъ коверъ, сдѣлалъ пологъ, и если бы еще могъ утишить волненіе своей барки, то далъ бы намъ сонъ, какого въ Далмаціи мы не имѣли; впрочемъ и качанье барки (вотъ такое X) не много намъ мѣшало, а въ просонкахъ можно было любоваться огнями рыбаковъ и фосфорич. блескомъ моря. Передъ сномъ же ужинъ нашъ состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и стакана чаю съ виномъ. Я уже не говорю о чистомъ винѣ: мы привыкли къ нему какъ къ чистой водѣ и даже болѣе, потому что чистую воду почти не пьемъ, опасаясь нечистой.—Тутъ изъ нашей комнаты мы видѣли между прочимъ такую сцену: мясникъ покупалъ козъ у мужика, и давалъ за 7—8 двугривенныхъ, а мужикъ и отдавалъ, думая что ихъ у него только шесть; отсюда споръ, и мы присовѣтовали мужику идти въ полицію (претуру) и оправдываться. Какой

чудесный видъ изъ нашей комнаты: сѣрыя горы въ небѣ, много зелени по отлогостямъ, море; это надобно видѣть.

Омишь (Almissa). 25-е.

Ну и ночь была! Въ Макареской вчера наняли мы лодку, чтобы ѣхать сюда еще утромъ, но цѣлый день до вечера былъ маестраль. Вечеромъ рѣшились ѣхать. Подошли къ баркѣ: глядь на барочку: игрушечка, чтобы ѣздить по Лопани, а не по морю. Отѣхали нѣсколько, и барочники сами сказали, что надобно воротиться, что на этой барочкѣ ѣхать невозможно, что они имѣютъ другую большую. Воротились, пересѣли въ большую барку, легли на матрацъ подъ палубой, поѣхали и подъ качку заснули. Насъ было 5: старая баба, рулевой, парусной и насъ двое. Я спалъ долго и хорошо. Вдругъ слышу на палубѣ стукъ и строгій говоръ, чувствую, что барка качается такъ X, вижу воду заливающуюся подъ матрацъ; высовываю голову на палубу, — свѣтаетъ, море страшно вздымается и пѣнится, а парусъ надулся такъ, что вотъ порвется; спрашиваю—гдѣ мы? Еще на полпути (12 миль) у Врули. Тутъ вытекаетъ изъ горъ потокъ, и море «вретъ» т. е. бушуетъ почти всегда. Рулевой сказалъ мнѣ, чтобы я спокойно легъ, что Архангелъ Михаилъ спасетъ насъ. Каково же мнѣ было лечь! Да и лежать развѣ крѣпко спящему, какъ Петръ Ивановичъ, было можно, когда приходилось стоять, лежа чуть не на головѣ. Я сѣлъ подъ мачтой, и думалъ о васъ, милая маменька! Это заставляло меня забывать качку, мало по малу забываться, такъ что я непримѣтно заснулъ. Проснувшись въ другой разъ, я уже слышалъ отъ матросовъ нашихъ благодарность Михаилу: вѣтеръ шумѣлъ, море волновалось, барка качалась, но неслась, — и мы скоро увидѣли Динаръ—планину подъ которой стоитъ Омишь. Пріѣхавши часовъ въ 5 утра сюда, отправились въ кофейню, свели тутъ знакомство съ какими то горожанами, спросили объ Иллирскомъ семинаріумѣ и переправились черезъ Цетинь туда. Мѣсто, на которомъ стоитъ Омишь, очаровательное диво: горы спускаются къ городу почти перпендикулярно, а между ними мчится Цетинь. Семинарій остался только при названіи: въ немъ живетъ одинъ старикъ (88 лѣтъ)—учитель, а прежде было учениковъ болѣе 50, которые учились по Иллирски. Старикъ привязанъ къ Русскимъ, и, чуть только мы пришли къ нему, какъ явился и шіонъ слушать, что мы будемъ говорить. Смѣшно! Но старикъ имѣетъ многое, касающееся до республики Польши, и намъ работа. Остаемся тутъ на нѣсколько дней.

28-е. Сплѣтъ.

Вотъ и опять Сплѣтъ, и мѣста на пароходѣ нами уже взяты. Третьяго дня, оставивши Петра Ивановича за писаньемъ, ѣздили я вверхъ по р. Цетини

въ водопаду Губавицѣ. Дорога идетъ два часа по берегу рѣки подъ скалами самой разнообразной формы, и всетаки перпендикулярными. Въ иныхъ мѣстахъ около рѣки расширяются дуга, въ другихъ—рѣка сужается между скалами, такъ что едва остается мѣсто для искусственной тропинки. Другіе два часа ѣдешь (не иначе какъ верхомъ), не видя ни рѣки, ни мѣста, гдѣ она течетъ: по берегу рѣки дорожка тутъ и не могла быть проложена. Такъ ѣхалъ я до Задварья, и у него долженъ былъ подняться на большую гору, на которой остаются доселѣ крѣпкія развалины старой Турецкой крѣпости. Отъ маленькой этой деревеньки Задварья до того мѣста, съ котораго смотреть на водопадъ (въ част. саду) шаговъ сто. Рѣка течетъ тутъ глубоко между прорытыми ею скалами, и потомъ вдругъ бросается еще больше въ глубь сажень на 20 большимъ клубомъ воды, которая, еще не достигнувъ низу, разбивается въ пыль, и эта пыль какъ дымъ пожара поднимается опять вверхъ (передъ бурей за день дымъ этотъ такъ великъ, что и изъ Задварья кажется дымомъ пожара, такъ высоко поднимается). Зимой водопадъ вдвое полнѣе и блеститъ всѣми цвѣтами. Я зналъ, что сходить внизъ къ рѣкѣ трудно, но побывавши на Черной горѣ, рѣшился, и не раскаивался. Очень пріятно было подышать свѣжимъ воздухомъ и прохладой. Назадъ ѣхалъ я медленно, чтобы подольше насладиться видами, и пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда Петръ Ивановичъ начиналъ уже бояться за меня, куда я дѣвался. Слѣдующій день пробыли въ Омишѣ, а потомъ черезъ Полюцы въ Сплѣтъ, простившись съ добрымъ старикомъ (Кружичевичемъ), какъ съ роднымъ дядей.

31-е. Пароходъ Митровскій изъ Задра въ Рѣку.

Третьяго дни въ 11 часовъ утра выѣхали изъ Сплѣта и пріѣхали въ Шебеникъ въ 4 часа послѣ обѣда. Въ Шебеникѣ застали принца Моденскаго, а на площади множество простаго народа, пляшущаго коло и поскочницу, чтобы принца познакомить съ обычаями страны. На другой день въ 10 часовъ хотѣли было двинуться, но недоставало машиниста и двухъ пассажировъ, ѣздившихъ на Скардонскій водопадъ, о которомъ я уже писалъ вамъ; двинулись въ 11 и пріѣхали опять въ 4; сегодня вышли въ путь въ 6 утра изъ Задра и ѣдемъ въ Рѣку. Общество наше непрерывно уменьшается; въ Задрѣ остались многіе. Солдаты нѣтъ. Чевкинъ тоже ѣдетъ съ нами до Рѣки и далѣе въ Триестъ, чтобы оттуда въ Вѣну.— ѣдемъ теперь мимо Паго, прощай Далмація!

31-е. Рѣка.

И мы въ Рѣкѣ. Пріѣхали въ 5 часовъ. Петръ Ив. легъ: ему немного дурно, а мнѣ безъ него тоже не хочется выходить.

Съ нетерпѣніемъ жду времени, когда прѣйду въ Загребъ: тамъ наконецъ надѣюсь получить ваши письма. Продолжайте писать туда. Цѣлую ручку вашу и брата. Вашъ Измаилуха.

LV.

№ 45.

Рѣка. 1841. Августа 4.

Вотъ и Августъ! Если не получу позволенія остаться, то скоро и въ Россію, скоро и къ вамъ, милая маменька. Все къ лучшему. Хотѣлось бы познакомиться со Сръмомъ, Сербіей, Галиціей, Венгріей, Польшей; но хочется и къ вамъ. Какъ сдѣлается, такъ и будетъ хорошо.

Теперь мы опять въ Рѣкѣ; вотъ уже четыре дня Петръ Ив. захворалъ, и сегодня только въ первой разъ выходилъ; а я между тѣмъ занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ собраннаго на пути. Дѣла всегда много. Матеріалы на примѣръ для 3-го отчета приготовлены еще въ Триестѣ, на пути думалъ переписать и послать, да не удалось, ни здѣсь не удастся.

Сегодня вечеромъ ходилъ я со здѣшнимъ правосл. попомъ на гору Трсать. На ней развалины стараго замка, принадлежавшаго графамъ Франгипанамъ, и монастырь. Въ монастырѣ образъ Божіей Матери чудотворной, писанный аки-бы евангел. Лукою; а прежде былъ тутъ тотъ образъ, который теперь въ Лоретто. Моряки очень уважаютъ Трсатскую икону: въ церкви виситъ множество вѣнцовъ, принесенныхъ отъ кораблей, спущенныхъ въ море, и также много картинокъ, съ изображеніемъ кораблекрушеній, гдѣ Трсатская Божія Матерь являлась спасительницей. Человѣкъ мирно живущій на мелководьи сухопутной жизни можетъ сдѣлаться равнодушнымъ ко всему, что выходитъ изъ круга его всепонятной жизни; но тамъ, гдѣ онъ подъ властію природы, въ глубинѣ ли рудника или надъ глубиною моря, гдѣ передъ ея силою ежеминутно видитъ онъ свою слабость, тамъ религіозное чувство необходимо, и переливается съ кровію по жиламъ. Услышишь отъ моряка, борющагося съ волнами и вѣтромъ, какъ онъ благочестиво скажетъ: «Богородица, помоги намъ!»—и невольно встрепенешься. Вотъ почему я не могу смотрѣть безъ чувства и на эти вѣнцы, принесенные моряками: это вѣнцы надежды на Провидѣніе.—Трсать производитъ и хорошее вино; мы спросили бутылку, попробовали, и бросили: хорошее выпито, а дурное всюду можно достать. Бутылка стояла 10 копеекъ мѣди; вотъ если бы можно было достать по 15 к. было бы хорошо. На Трсать входишь по сходцамъ въ 411 ступеней, очень хорошо сдѣланнымъ изъ камня съ очень частыми передышками.

Мрзлаводица. 6-е Августа на 5-й милѣ отъ Рѣки въ Карловацѣ.

Четыре мили съ половиной (32 версты) поднимались мы на гору, и поднялись на 2936 футовъ = 419 сажень, но за то и поднимались семь часовъ. Море съ островами и Истрией то показывалось, то скрывалось. Стали спускаться, оно скрылось. Прощай море! Три мѣсяца я былъ на берегахъ его, случалось и боялся его, чаще любовался, и теперь мнѣ жаль его, жаль. Будетъ можетъ быть, время, что пожалѣемъ и о Далмаціи, какъ ужъ жалѣли о Венеціи. Жить тамъ, быть тамъ долго—другое дѣло, наскучить; но еще разъ взглянуть, повторить впечатлѣнія, очень-бы хотѣлось. Теперь мы ѣдемъ въ Загребъ,—и оттуда—Богъ знаетъ, еще какъ случится. Наняли коляску до Карловца за 22 флорина = 50 руб. 76 коп. Ъзды два дни. Дорого, но все дешевле, нежели въ Далмаціи.

8-е Авгус. Карловацѣ.

Вчера часу въ 10-мъ мы своротили съ большой дороги вправо, съ горы, въ рѣчкѣ Доброй Водѣ, и черезъ $\frac{3}{4}$ часа пріѣхали въ монастырь Гомирью. Маленькій древній монастырикъ полуразрушенный и теперь опять мало по малу обстраиваемый. Игуменъ Севастьянъ Іовичъ зналъ о нашемъ путешествіи по Далмаціи изъ журналовъ, и очень обрадовался нашему пріѣзду. Къ часу былъ готовъ обѣдъ, сытный и прекрасный, а въ концѣ обѣда пили за здравіе, и монахи пѣли «многая лѣта», и колокола звонили. Монаховъ на лицѣ 4 человекъ, да есть еще нѣсколько по сосѣд. приходамъ священниками. Игуменъ самъ образованной человекъ, любитель построекъ, и всякой годъ что-нибудь да и построить. Монастырь лежитъ невидимо между холмами, и ни видовъ около себя, ни вида на себя не имѣетъ. Въ четыре выѣхали мы, и вечеромъ пріѣхали въ Северинъ на Кулшъ, на границѣ Краины. Переждавши тутъ часа три-четыре, сѣли опять и поѣхали на цѣлую ночь. Какая разница между ночами приморскими и здѣшними: тутъ ночи прохладны такъ, что мы надѣли на себя шинели, и даже призакутались.—Въ Карловацъ пріѣхали въ 6-мъ часу. Обѣдали у адв. Вакановича. Съ нимъ же, можетъ быть, проведемъ и вечеръ. Завтра надѣмся быть въ Загребѣ,—и я, наконецъ, долженъ получить отъ васъ вѣсточку. Такъ долго я еще никогда не ждалъ.

10-е. Загребѣ.

И слава Богу получилъ—хоть и одно, но и то хорошо. Знаю по крайней мѣрѣ, что вы здоровы, что вы въ Харьковѣ. Не знаю только, что будетъ со мною. Душевно благодарю Федора Леонтьевича ¹⁾ и не менѣе того

¹⁾ Тюринъ, инспекторъ казенныхъ училищъ въ Харьковѣ.

князя Цертелева ¹⁾; но тутъ еще не конецъ: что скажетъ еще министр и что царь. И ужъ бы такъ или не такъ, да знать; на мое письмо бѣ помощнику секретаря Вѣнскаго посольства онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще ничего въ посольствѣ нѣтъ обо мнѣ. Это меня ставитъ въ затруднительное положеніе: самъ не знаю, какъ и что дѣлать.

16-е.

Сегодня было въ театрѣ чудное представленіе; давали «Осаду Сигета». Дѣйствующія лица Хорваты, которыми начальствуетъ графъ Зринскій, и Турки съ султаномъ Солиманомъ. Хорваты говорили все по Хорватски, а Турки—вы подумаете, по Турецки?—нѣтъ, по Нѣмецки. Тутъ еще не все. Представленіе было въ пользу одного Нѣмецкаго актера Шмидта, штокъ-Нѣмца, не знающаго никакого языка кромѣ Нѣмецкаго,—и онъ штокъ-Нѣмецъ игралъ Зринскаго—подумаете по Нѣмецки? Нѣтъ. Какъ не придумать Нѣмцу, что только Нѣмецъ придумать можетъ! Онъ рѣшилъ дать свою ролю по Хорватски, и, рѣшившись, сдѣлалъ, на что рѣшился. Цѣлой мѣсяцъ онъ училъ свою Хорватскую ролю, ни мало не понимая Хорватскаго языка, выучилъ—и игралъ. Выговоръ, само собою разумѣется былъ жестокой: *n* и *b*, *ж* и *ш*, *з* и *с* и такъ далѣе мѣшались, иногда и понять было трудно, что говорилъ, но высказалъ все, что слѣдовало по роли. Не истинно-ли Нѣмецкое терпѣніе! Публика, не ожидая ничего, и тѣмъ была довольна, и осыпала его рукоплесканіями.

17-е.

Сегодня я перечитывалъ ваше письмо и отъ Амвросія Лукіановича ²⁾. И мнѣ стало грустно. Есть, конечно, люди, которые, долгая постепенно другимъ, становятся имъ несносны: естественно; но уже-ли и я изъ такихъ людей? Никогда я не воображалъ, что мой доброй, мой всегда милой Амвросій Лукіановичъ измѣнится прежде нежели я къ нему. И и теперь этому не вѣрю, не хочу вѣрить; но всетаки грустно. Амвросій Лукіановичъ! Вспомните наше знакомство отъ перваго дни свиданія до послѣдняго, подалъ ли я поводъ къ тому, чтобы вы меня могли считать подло-расчетливымъ относительно денегъ, и способнымъ вводить васъ въ издержки, вамъ не принадлежація? По моему такія дѣла суть дѣла чести: безопасности я тутъ не понимаю, а забывчивость можетъ простирается только до того градуса, гдѣ начинается занятая сумма быть важною болѣе или менѣе для того, у кого занята. Не надѣясь на свою память, я напоминалъ маменькѣ, что взялъ у того или другаго

¹⁾ Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

²⁾ Метавскій.

гривенникъ на извозчика; но тутъ и все. Впрочемъ баста! Одного прошу у тебя, мой дорогой Амвросій: будь веселѣе, гляди равнодушнѣе на дѣла свѣта, и—«оди по свиѣту, као чела по цвиѣту»—любуйся и собирай по немножку. И веселѣе! Ты когда-то жилъ такъ весело самъ въ себѣ! Маменьку мою прошу не забывать.

18-е.

Исторія, которую хочу вамъ рассказать, началась третьяго дни. Приходить въ нашу комнату кѣднеръ (подхозяинъ гостинницы) и говоритъ, что мы должны искать гостинницу другую, что эта комната уже прежде нанята. «Я объ этомъ ничего не знаю», говорю я, «и останусь, сколько мнѣ угодно».—Вчера приходитъ онъ опять, приходитъ нѣсколько разъ, наконецъ даже съ рехнунгомъ, т. е. съ запиской о томъ, что мы платимъ, какъ это обыкновенно дѣлается при выѣздѣ. Я рву рехнунгъ, и говорю, что не знаю ничего о ихнихъ прежнихъ условіяхъ, и знать не хочу. Сегодня опять; но уже съ покорнѣйшею просьбою отъ хозяина, говоря, что онъ даетъ намъ другую комнату, и что только на три, четыре дни. «Очень хорошо!» Я хотѣлъ идти къ Зденчаю (о которомъ вамъ прежде писалъ), и, пришедши, распорядиться. Прихожу: мой Петръ Ивановичъ уже переселился, и, не зная ничего (онъ притомъ нездоровъ лихорадкой), перешелъ въ первую комнату, которую ему указали. Комната треугольная, и одна изъ кроватей стоитъ такъ, что могла бы сбить съ ногъ и не въ потьмахъ. Нечего было дѣлать; надобно искать квартиры. Искали, искали, — нѣтъ. Тутъ наступаетъ ярмарка, и все, что было для найма, или обѣщано или безъ мебели. Раковцу¹⁾, съ которымъ я ходилъ, приходитъ на мысль, что въ Кригеровомъ саду есть цѣлой домъ пустой; идетъ туда—и отдають. Я обѣдалъ у Зденчая; потомъ пошелъ къ Кригеровымъ, оттуда въ ихъ садъ, все съ Раковцемъ, устроили съ хозяйкой комнаты; далѣе за Прейсомъ и вещами,—перевезли ихъ и Прейса. Приходимъ назадъ, а тутъ насъ уже ждутъ дѣвушки (дочери Кригера), и тоже оканчиваютъ устройство нашихъ комнатъ.—Наконецъ, слава Богу, мы покойны. Только бѣдный Петръ Ивановичъ нездоровъ: черезъ день лихорадка. Меня хранитъ Богъ: вчера бокъ болѣлъ, но не надолго; иногда болитъ голова, и то мало.—А Петръ Ивановичъ уже нѣсколько разъ хворалъ!²⁾.

¹⁾ Раковецъ—Хорватскій писатель, поэтъ и народный дѣятель; былъ выдающимся сотрудникомъ Гая (ум. въ 1854 г. на 41-омъ г. жизни).

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ наклеены образчики народныхъ Иллирійскихъ облаковъ при нихъ слѣд. приписка И. И. С.—го: Это образчики народныхъ Иллирскихъ облаковъ, недавно вышедшихъ. Амвросій Лукіановичъ хочетъ вамъ ихъ перевести по Русски.

Сегодня въ Загребѣ ярмарка—въшарь, сѣямъ—и для горожанъ, и для селянъ. На площади передъ Иллирской народной кофейней рядами разставлены палатки, и въ нихъ продаютъ въ одномъ ряду бронзу и мѣдь, жен[скія] и мужскія готовые платья, шляпы, шляпки и чепчики, посуду, въ другихъ народныя платья, кожи, узды, ремни и т. д. На другой площади,—новой—толпы народа—и главной торгъ лошадьми, коровами и пр. Послѣ обѣда былъ Иллирскій театръ подъ открытымъ небомъ. Потомъ пошелъ я съ Вразомъ на народную площадь. Народъ въ колыбахъ—палаткахъ, пьетъ вино, ѣстъ пржолицу—печеное на огнѣ мясо,—пляшетъ и поетъ; передъ палатками на огнѣ печется мясо; кое-гдѣ продаютъ рыбу, сыръ. Танцуютъ больше всего по-скочицу: молодецъ съ молодецъ другъ передъ другомъ поскакиваютъ, перебирая ногами, потомъ кружатся взявшись за руки на одну и на другую сторону, и опять принимаются прыгать. Въ двухъ изъ колыбъ я нашелъ транспаранты, на которыхъ нарисованы бочка и винопродавцы. На одной изъ нихъ надпись:

Schenkt mir Eure Huld noch diesen Markt.
 Sonst bleib'ich ein armer Theufel mein Lebelang.
 На другомъ:
 Bog žiwe!
 Sanctus Paulus war ein Medicus,
 Er sprach zu dem Thimotheus,
 Um deines schwachen Magenswillen,
 Must du den Durst mit Weinbrau stillen,
 Drum freunde kehren bei mir ein,
 Bei mir bekömt man guten Wein.

28 Августа.

На этихъ дняхъ я ѣздилъ изъ Загреба, и стоитъ сказать вамъ, душенька маменька, хоть нѣсколько словъ о томъ, гдѣ я былъ.—Однажды за обѣдомъ я получилъ билетъ пригласительный, на которомъ написано: «Mirko Franjo Šandor (и пр.) uzima si čest na dan 25. Kolovoza kao na godovni dan gosp. Dra Ljudevita Gaja k prijateljskomu ručku i narodnoj zabavi na imanje svoj Psarjevo preuljudno pozvati», т. е. Шандоръ имѣетъ честь звать на 25 Августа, какъ на день ангела Г. Д. Людевита Гаја къ пріятельскому обѣду и народному увеселенію въ свое имѣнье Псарево.—Съ Шандоромъ я еще не былъ знакомъ, познакомился позже; общалъ быть, и вмѣстѣ съ Раковцемъ поѣхалъ 25-го, часовъ въ 9-ть. Псарево отъ Загреба въ 4 часахъ. Не смотря на дождливую погоду, гости собирались прилежно, и домикъ помѣщика, недавно

обдѣланной, наполнился гостями. Мы и Гай пріѣхали позже другихъ, и Гая встрѣтили выстрѣлами еще версты за три до дома. Обѣдъ долженъ былъ быть на чистомъ воздухѣ, но на всякій случай приготовлена была пивница (погребъ винной) вмѣсто залы. Погода заставила расположиться обѣдомъ тамъ. Пивница была впрочемъ убрана такъ, что ее трудно было не счесть залой: стѣны и сводъ выбѣлены, по стѣнамъ транспаранты и шкалики. Надъ главнымъ мѣстомъ висѣлъ портретъ Гая, украшенный цвѣтами. Подъ нимъ сидѣлъ Гай, съ одной стороны хозяйка, съ другой жена Штаудуара (мать вамъ знакомой душечки Габріелы), подлѣ нея я, за мною Вразъ и т. д. Я сѣлъ, снялъ салфетку, и вижу подъ приборомъ печатанные стихи въ честь Гаю: тоже нашелъ и всякій, и самъ Гай. Послѣ супа хозяинъ попросилъ гостей (насъ было 48) налить вино въ стаканы,—и пить за здоровье того, «чье имя въ сегодняшний день не для чего повторять». Все закричало «Богъ да живи Людевита Гая!» и стали пѣть стихи которые начинаются такъ:

Ljudevite! Ti si blago za nás pèrvi žértvovao,

Pèrvi sve, što ikad drago tebi biaše, rodu dao.

(Людевитъ! Ты первый пожертвовалъ за насъ своимъ имуществомъ, ты первой, все, что было тебѣ дорого, отдалъ своей родинѣ). Пѣло все, Гай чуть не плакалъ. За вторымъ блюдомъ былъ тостъ за всѣхъ Славянъ—Иллировъ, Русовъ, Чеховъ, Поляковъ,—и запѣли пѣсню, въ которой стоитъ между прочимъ: «Богъ да живи сви Славяне!» Тутъ и у меня слеза канула: пѣли сложно, а напѣвъ простъ и величественъ. За каждымъ кушаньемъ шли тосты безъ конца, и послѣ обѣда продолжались опять безъ конца. Хозяинъ еще въ началѣ обѣда, по старому Хорватскому обычаю, передалъ право управленія тостами и всѣмъ одному изъ гостей (такой называется кучегазда), Смедревцу, человѣку истинно для этого созданному, которой искусно и выбиралъ тосты, и назначалъ чиновниковъ стола (пѣвчихъ изъ тѣхъ, кто худо поетъ, толстыхъ сватовъ изъ худошавыхъ, церемониймейстеровъ изъ неловкихъ, и пр. и пр.), и заставлялъ смѣяться, и пить. Послѣ стола все пошло съ мѣстъ, веселое, можно сказать, счастливое, и въ эти минуты радости пошли побратимства. Это старая обычай, дающій обязанность говорить побратавшимся ты, съ по-сестрицами цѣловаться въ губы, а не по Нѣмецки, и т. д. Съ кѣмъ я побратимился я и счелъ не сведу: не знаю какъ и разговоръ начинать—съ ты или съ вы. Между прочимъ съ Гаемъ, съ графиней Чачковичъ, и прежде всего съ моей милой сосѣдкой, Драгоилой Степановной. Прекрасно; но мнѣ все какъ-то совѣстно говорить моимъ посестрицамъ ты, и еще подставлять свои губы. Дождь между тѣмъ лилъ ливнемъ, и всѣмъ надобно было оставаться въ Псаревѣ. Пошла возня съ сѣномъ: всѣ комнаты обратились въ одну постель. Только дамы да Гай имѣли отдѣльныя кровати. На другой день

Драгоида Степановна рассказывала мнѣ съ хохотомъ, какъ она въ этомъ бладищѣ искала, вставши рано, своего мужа: подойдетъ къ одному, тронетъ ногой, спроситъ: «Вѣкoslavъ, это ты?» Отвѣтъ: «нѣтъ!»—и къ другому, и къ третьему, и насилу нашла.—На другой день, по общанію, я и Вразъ сѣли въ одну коляску съ нашими посестримами, и поѣхала прежде въ Омиле пить кофе,—а потомъ, пересѣвши въ возъ, запряженный двумя лошадьми и двумя волами, съ Драгоидой Степановной, Вразомъ и душечкой Габріелой, въ Быстрицу, тоже вамъ знакомую, къ аббату. Аббатъ обрадовался, увидя меня,—и я опять былъ чуть какъ не дома. Я нашелъ между прочимъ тамъ голубя, которому дали имя Измаила. Сестра моей посестримы, Паулина, подарившая мнѣ шапочку, теперь въ Вѣнѣ у родныхъ: это ее выдумка.—Вчера мы разстались—со слезами: я цѣловалъ Габріелицу въ глаза, и глоталъ ее слезы. Это ангелъ, а не дитя, моя Габріелица.

15-е Сентября.

Около 10-го я уже хотѣлъ выѣзжать изъ Загреба, какъ получается вѣсть, что сюда ѣдетъ Колларъ по пути въ Италію. Надобно было остаться. Онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ 12-го рано. Превосходной человѣкъ, фанатикъ въ любви къ Славянству, и кротокъ, простъ въ обхожденіи какъ послушное дитя. Увидя его, нельзя не полюбить. Теперь начинается исторія: Гая не было когда онъ пріѣхалъ, 14-го назначили здѣшніе литераторы обѣдъ, а 13-го вечеромъ молодые люди хотѣли ему пропѣть серенаду. 13-го вечеромъ пріѣзжаетъ Гай, узнаетъ о серенадѣ, и запрещаетъ, потому-де, что онъ протестантъ, и каноники католическіе осердятся. Молодежь осердилась, но серенады не было. Какъ это горько было намъ съ Прейсомъ, можете посудить. Мы не спали долго, и нашли на мысль, что на обѣдъ намъ идти не слѣдуетъ: 1) чтобъ показать Гаю, что мы это замѣтили; 2) Колларъ могъ имѣть непріятность открытую на обѣдѣ,—и мы не могли ручиться за себя и свое хладнокровіе, 3) и притомъ мы вспомнили, что мы въ Венгріи, гдѣ Русскихъ Мадьяры ненавидятъ, и могутъ наше присутствіе перетолковать далеко не въ нашу пользу. Вчера былъ обѣдъ,—и все было хорошо. Пито было и за наше здоровье, и Гай объяснилъ публикѣ, что мы больны. Колларъ сегодня пришелъ къ намъ рано, и удивился, что мы здоровы. Чтобы не огорчить его мы скрыли первую причину и вторую. Во время обѣда имѣли тихую перестрѣлку съ Гаемъ: онъ сдѣлалъ все изъ эгоизма, и отлыгался дѣтски. За насъ всѣ, появившіе дѣло. Какъ жаль, что Гай, такъ хорошо возбуждѣнный Кроацію къ литературному соединенію съ другими единоплеменными Славянами, вовсе не то, чѣмъ я себя представлялъ его: ищетъ только своего прославленія, и въ своемъ эгоизмѣ забываетъ нравственность. Дома расскажу подробно всѣ эти дѣла.

Сегодня послѣ обѣда мы гуляли около Загреба съ дамами очень милыми; а вечеромъ были въ театрѣ. Колларъ тоже былъ, и, кажется, начинаетъ понимать Гаю.—Можетъ быть завтра ѣду изъ Загреба.—Цѣлую ручку вашу. И. С.

LVI.

№ 46.

Градишка. 18-е Сент. 1841.

Третьяго дни послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Загреба. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ провожали меня до Максимира (епископскій садъ-лѣсъ въ ¹/₄ часа отъ Загреба),—и потомъ оставили одного. Послѣ 5 мѣсячной привычки быть не однимъ на пути, одиночество не можетъ быть приятно,—и мнѣ взгрустнулось. Мы же съ Прейсомъ жили истинно пріятельски, и, кажется, вовсе не потому, что онъ принужденъ былъ задолжать мнѣ 280 гульденовъ, слѣд. болѣе 600 руб.; также мы жили съ нимъ и въ Прагѣ, безъ обязательства другъ другу. Притомъ мнѣ жалъ было разставаться и съ Загребомъ, и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза, а въ Загорьи—трехъ милыхъ посестримъ, и душечку Габріелицу, и многихъ, кого не могу не любить. Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія: по неволѣ взгрустнется.—Вчера вечеромъ я выѣхалъ въ Славонію, и сегодня около полудня пріѣхалъ въ Градишку, глав. городокъ Градишкаго пограничнаго полка въ Славонской Военной границѣ. (За путь въ телѣжкѣ заплатилъ 14 гульд. сереб.). Въ отвѣтъ на визитную карточку пришелъ ко мнѣ капелланъ Петекъ, молодой домородецъ, послѣ пришелъ отставной капитанъ 60 лѣтъ изъ православныхъ,—и послѣ обѣда мы отправились гулять. По городку нечего было ходить долго: во всемъ не болѣе 300 домовъ. Улицы широки и ровны; въ серединѣ очень большая площадь, покрытая зеленью, и съ одной стороны ее ходъникъ—аллея для гулянья. Церквей три: одна наша, двѣ римскихъ, изъ которыхъ одна егорѣда. Зелени и въ городѣ, и около множество. Да и вся Славонія въ зелени: нѣтъ домика не подъ тѣнью липъ, тополей, яворовъ, и безъ садовъ сливовыхъ и яблочныхъ; а гдѣ отлогость, тамъ и виноградъ.—Мы пошли далѣе въ Капистранскій Францисканскій монастырь, минутахъ въ 10 отъ города. Тамъ около насъ въ трапезѣ (refectorium) собрались четыре монаха, между ними и игумень (guardianus),—и давай меня разспрашивать. Но у старика капитана была совсѣмъ другая мысль. Увидя черныи хлѣбъ, онъ поднялся съ вопросомъ: «И у васъ лучшаго нѣтъ?»—«А, есть!» отвѣчали ему.—«Да принесите хоть воды!»—Принесли хлѣбъ, пошли за водой, а капитанъ продолжалъ: «Ну а вотъ господинъ Русскій профессоръ искалъ по цѣлому городу гроздья. Что, г. гвар-

діанъ, вашихъ виноградовъ не побилъ градъ?» — «А, есть гроздьа вдоволь». — «Нука на столъ, святой отецъ, — вотъ г. профессору; да и я не прочь». Гвардіанъ пошелъ за виноградомъ, а между тѣмъ принесли вино. Гвардіанъ воротился съ корзиной, наполненной прекрасными грушами, предлагая попробовать ихъ, пока нарвутъ винограду; а у капитана было уже готово слово: «Знаете, святой отецъ, ваше вино что-то водянисто; въ прежнее время бывало святые отцы только заходящимъ нищимъ давали такое вино.» — «Есть и лучшее.» — Гвардіанъ далъ ключъ отъ пивницы, что бы принесли старого красного. — Пришло и старое красное; принесли и кошикъ съ гроздіемъ, — и мы давай уплетать; а капитанъ, уплетая, приговаривать: «То-то всюду, и съ святыми отцами, нужна ловкость. А? није ли истина, свети отче?» — Словомъ заглянуть въ бібліотеку было послѣднимъ дѣломъ; впрочемъ, тамъ не нашлось ничего добраго для меня. Рефекторіумъ понравился мнѣ болѣе: такое общество, какъ было наше, подъ старыми сводами, освѣщенными свѣтомъ изъ оконъ, обросшихъ виноградомъ, мнѣ все представляется сценой изъ романа. — Впрочемъ я лягу: отъ дороги я усталъ, а завтра опять въ путь, и я не знаю еще, какъ случится спать.

21-е. Бродъ.

Эти дни я былъ не одинъ, — и теперь опять одинъ. 19-го я и Петекъ поѣхали по пути въ Бродъ черезъ Пожегу. Въ Капистранскій монастырь заѣхали обѣдать; а на вечеръ пріѣхали въ селеніе Брестовацъ (въ провинц. Славоніи) къ приход. священнику Фергичу. Его застали мы записывающимъ народныя пѣсни и кругомъ его толпу дѣвушекъ. Мы обрадовались его доброму дѣлу, онъ обрадовался намъ, — и вечеръ провели прекрасно. Между прочимъ дѣвушки пѣли пѣсни, танцевали коло. На другое утро послѣ завтрака рано поѣхали въ Пожегу, гдѣ Фергичу хотѣлось познакомить меня съ д-ромъ Павичемъ ¹⁾. Пожега — маленькій городокъ на Пожежскомъ полѣ — стоитъ, прислонившись къ холмамъ, покрытымъ лѣсами и виноградными. Славонія — словно обѣтованная земля: все въ зелени, въ плодахъ, — и мирись (благовоніе) слѣдитъ за вами по дорогѣ. Въ одиннадцатомъ утра мы простились съ Павичемъ и Фергичемъ, осмотрѣвши прежде Орфанотрофіумъ и монастырь, — и поѣхали въ Бродъ. Ъхали весело, а между тѣмъ дождь лилъ да лилъ, и вымочилъ насъ порядочно, не позволяя намъ притомъ и ѣхать скоро. Только въ 9 вечера пріѣхали мы въ Бродъ. Сегодня рано ходили мы въ монастырь, въ крѣпость и по городку. Городокъ маленькой и весь деревянной. Крѣпость тоже очень небольшая рядомъ съ нимъ. Оба на берегу Савы. По ту сторону Савы — Турція.

¹⁾ Арминъ Павичъ — авторъ «Исторіи дубровницкой драмы».

По берегу ходят сторожевые солдаты. Три раза въ недѣлю (среда и понед., пятница) бываютъ скелы, т. е. базары для подданныхъ Турецкихъ съ Австрійскими. По рѣкѣ довольно барокъ и плавающихъ мельницъ. Лазаретъ = 21 день. — Далѣе пошли мы къ купцу Берличу, извѣстному своей Иллирской грамматикой ¹⁾. Онъ приготовляетъ ее къ новому изданію, имѣетъ хорошее собраніе книгъ, а торгуетъ всѣмъ — и книгами, и желѣзомъ, и бумагой, и полотномъ, и мыломъ, и всѣмъ. Довольно образованной человѣкъ. Его библіотека и кабинетъ занимаютъ уголокъ въ его лавкѣ, отдѣленный отъ лавки стеклянною дверью; жда покупщика, онъ читаетъ или пишетъ; а придетъ покупщикъ, онъ выбѣжитъ изъ уголка, продастъ, и потомъ опять въ свой уголокъ. Естественно, что отъ такого купца запросовъ ждать нельзя; цѣна опредѣлена, и всѣ къ ней привыкли, торговаться ему ни охоты, ни времени нѣтъ.

22-е.

Сегодня утромъ я ходилъ на скелу. Такъ называется базаръ между Турками и Граникарами. Турки привозятъ черезъ Саву кожи, медъ, коровъ и т. д. Мѣсто скелы загорожено оградой такъ, что Турокъ съ Граничаромъ говорить могутъ, но руки подать другъ другу не могутъ, потому что рѣшетка двойная. Деньги и товары переходятъ съ одной стороны на другую помощью чиновника, и товары продаваемые Турками, переходятъ черезъ чистилище, а деньги не иначе какъ выкупавшись въ укусуѣ. Все это ради чумы. Теперь карантинное время 10 дней, а недавно, за нѣсколько дней было 21 день; бываетъ иногда, что и вовсе нѣтъ карантина. — Въ 12-мъ часу мы поѣхали съ Берличемъ въ его виноградникъ, въ получасѣ отъ Брода, — и тамъ обѣдали. Время сборки винограда настало, и все собираетъ. Женщины собираютъ и поютъ; мужчины выжимаютъ сокъ и съ цѣнами развозятъ по домамъ. Все весело — Славонія была бы раемъ, если бы только не была такъ лихорадочна; отъ лихорадки страдаютъ не только чужіе, но и рожденные тутъ.

23-е. Винковцы.

Сегодня въ ¹⁾/₂ 9-го выѣхалъ я изъ Брода, и пріѣхалъ сюда въ Винковцы вечеромъ въ 8. Славонія всюду одна и та же, всюду прекрасно. Народъ одѣтъ не богато, но чисто, и между дѣвушками чуть ли не пятая красавица. Между сельскими домиками попадаются нерѣдко оштукатуренные, крытые черепицей. Сѣмьи, какъ и у насъ въ Великороссіи, очень велики.

¹⁾ Игнатій Берличъ (род. 1795, ум. 1855).

24-е. Вуковаръ.

Винковцы—маленькой военной городокъ. Нечаяннымъ образомъ я попалъ тутъ на ночлегъ къ почмейстеру и вмѣстѣ содержателю корчмы. На мой вопросъ, есть-ли особенная комната, онъ отвѣчалъ: «найдется, найдется». И между тѣмъ она не нашлась; а на другое утро я заплатилъ ему за дрянной его ночлегъ, соусъ вечеромъ и кофе утромъ—флоринъ серебромъ. Въ Винковцахъ я познакомился съ литераторомъ капеланомъ Топаловичемъ ¹⁾,—и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Вуковаръ, важной торговой городокъ на Дунаѣ,—и прямо въ Франциск. монастырь Капистрановъ, гдѣ гвардіаномъ Гаджичъ ²⁾—врлный домородецъ. Онъ оставилъ меня ночевать, и мы болтали съ нимъ до полночи.

25-е. Монастырь Ковешдинъ.

Сегодня я началъ странствіе по монастырямъ православнымъ Фрушкогорскимъ. Ихъ 13; всѣ менѣе или болѣе богаты, и основаны Сербскими царями во время Турскихъ первыхъ нападеній. Фрушка-гора не гора, а долгая пологость. Монастыри расположены по ней съ обѣихъ сторонъ. Мѣста богатые всѣмъ—и полями, и лѣсами, и виноградными. Къ обѣду я пріѣхалъ въ монастырь Прибина глава; а ночевать—сюда. Ковешдинъ отлично построенъ. Игуменъ старой, доброй человѣкъ. Все теперь хлопочетъ здѣсь собирать виноградъ. Народъ веселъ, поетъ и пьянъ. Я видѣлъ какъ дѣлаютъ вино: глядѣть гадко.

26-е. Городъ Митровица.

Изъ Ковешдина я поѣхалъ въ Шишатовецъ сегодня утромъ въ 8 часовъ. Дорога идетъ по равнинѣ, влѣво Фрушкогорскія отлогости, а вправо и впереди простирается огромная равнина, извѣстная подъ именемъ ровнаго Срѣма,—и далеко вправо, за Савой видны Сербскія горы—Церъ и Вальево. Въ Шишатовцѣ—архимандритъ, принявшій меня очень ласково. До обѣдни мы ходили по саду и осмотрѣли церковь, ризницу и библіотеку. Въ церкви почиваютъ мощи царя Сербскаго Стефана Уроша; онъ уже 300 лѣтъ тутъ, въ монастырѣ. Церковь довольно просторна и очень хороша. Драгоцѣнныхъ вещей и ризъ много. Обѣдня—какъ и у насъ, напѣвъ впрочемъ иной. Послѣ обѣдни обѣдъ—и далѣе, въ Бешетово. Это тоже монастырь. Церковь очень старая, но древностей особенныхъ нѣтъ. За-то настоятель монастыря протосингелъ—молодой красавецъ, немного похожій на Черногорскаго владыку, милой, обра-

¹⁾ Мато Топаловичъ († 1861)—первый изъ Славонцевъ, принявшій участіе въ Иллярскомъ движеніи.

²⁾ Вѣроятно Николай Гаджичъ (Hadžić)—Хорватскій писатель.

зованной человекъ. Отъ Бешетова до Митровицы—съ небольшимъ часть. И вотъ я опять на границѣ, на Савѣ. Сегодня воскресенье, и я засталъ Митровицу въ полномъ уборѣ; но меня не могло [не] поразить, что я увидѣлъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ остановился: около бильярда офицеры и дѣвушки, по лицамъ которыхъ не трудно узнать, кто они. Митровица можетъ быть сравнена съ Чугуевымъ; ну что бы сказали у насъ, если бы въ Чугуевѣ офицеры въ публичныхъ мѣстахъ миловались съ продажными дѣвами. Я пошелъ гулять,—и на площади увидѣлъ то-же самое: тѣ же пары; а заходя къ одному офицеру на квартиру, я засталъ офицерскихъ супругъ десяткомъ на крыльцѣ съ дѣтьми. Какъ это мило!—Ворочаюсь къ монастырямъ: всѣ они въ оврагахъ, между деревьями, такъ что увидишь церковь только тогда, когда уже передъ носомъ. Келейные дома въ 2 яруса, и очень хороши. Комнаты для гостей особенно, и прекрасны. Кругомъ дома садъ, а далѣе или лѣсъ, или виноградники. Монахи живутъ, какъ коты въ мешкѣ. Теперь январьба. По дорогѣ я встрѣчалъ бочки съ иконой: онѣ ставятся отъ церквей: желающіе бросаютъ въ нихъ гроздія въ пользу церкви. Винограда—ѣшь не хочу. Продають по фунтамъ, а кистями: полная тарелка стоитъ копеекъ пять. Сливъ тутъ тоже множество; онѣ уже собраны; изъ нихъ дѣлается водка.

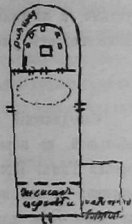
27-е. Крушедолъ.

Сегодняшній день начался для меня прогулкой по городу Митровицѣ: небольшой, но порядочной городокъ. По другую сторону Савы—Сербія, именно деревня Ганъ. Православная церковь просторна и хороша. Есть шелковая фабрика: на ней можно видѣть, какъ красивы Срѣмскія дѣвушки; пятая непременно очень хороша. Изъ древностей есть нѣсколько Римскихъ саркофаговъ. Въ $\frac{1}{2}$ 10-го я выѣхалъ, и къ обѣду поспѣлъ въ дрянной городокъ Руму. Черезъ часъ потомъ былъ въ городкѣ Ирегѣ, а черезъ полчаса потомъ въ монастырѣ Оповѣ (Хоповѣ). Игуменъ старичокъ; есть Кормчая XVI вѣка; церковь XVI вѣка; да больше и ничего. Оттуда поѣхалъ я въ монастырь Гергетекъ. Прекрасно лежитъ, окруженной садомъ; архимандрита не было дома, и потому я раздѣлся съ этимъ монастыремъ скоро. Въ получасѣ оттуда монастырь Крушедолъ, знаменитѣйшій изъ Фрушкогорскихъ монастырей. Архимандритъ—старичокъ, 79 лѣтъ и предпочтеннѣйшій старичокъ. Въ 7 часовъ мы пошли ужинать, и теперь $\frac{1}{2}$ 9-го, а я уже въ своей комнатѣ. За ужиномъ пили ваше здоровье, милая маменька.

28-е. В а р а д и н ѣ (Petrowardein).

Это имя, т. е. Петровардеинъ, можете наконецъ найти и на картѣ, на Дунаѣ между Пестомъ и Землинномъ,—а, зная, гдѣ Загребъ, приблизительно

узнать и путь мой. Между тѣмъ вотъ приключенія мои сегодня.—Утромъ, послѣ кофе, пошли мы въ библіотеку съ архимандритомъ, и тамъ провели часа два: есть любопытныя рукописи и разныя любопытныя вещи; между послѣдними есть сосуды, архіер. шанки, жезлы, ризы отъ 300 и болѣе лѣтъ. Русскія вещи цѣнятся и берегутся болѣе всѣхъ другихъ. Въ 10-мъ часу я сѣлъ на телѣгу и въ 11 пріѣхалъ въ Карловцы (Karlowitz). Дорога идетъ черезъ Фрушку-гору. Видъ съ верху нея чудесной: на право Срѣмъ, какъ на ладони, и вдаль чуть виденъ Бѣлоградъ и Сербскія горы, между которыми особенно возвышается Авала; а на лѣво Банатъ и Венгрія съ Дунаемъ—безконечная равнина. Въ Карловцахъ я посѣтилъ директора гимназіи Геркича, и съ нимъ провелъ все время. Тутъ резиденція православнаго архіепископа, начальника всей православной паствы въ Австрійской имперіи. Послѣдній Станковичъ умеръ, и еще никто не избранъ на его мѣсто. Комнаты, библіотека, даже погребъ—все заперто и запечатано, и ничего нельзя было видѣть. Православная соборная церковь очень, очень хороша и велика. Вотъ планъ: Полъ устланъ мраморомъ. Надъ переднюю часть церкви овальный темный куполъ. Иконостасъ до верху. Что мы называемъ папертью, то тутъ называютъ женскою церковью, и женщины дѣйствительно стоятъ въ ней исключительно. Всѣ церкви болѣе или менѣе построены тутъ по этому образцу. Кромѣ этой соборной есть въ Карловцахъ еще 2 православныя церкви, и одна Римская. Самъ городокъ очень нечистъ. Съ выѣздомъ изъ Карловцовъ мнѣ не совсѣмъ посчастливилось. Обыкновенно платится 40 копѣекъ до Варадина, а я заплатилъ 160 коп., и то насилу сыскалъ телѣгу; а отъ Митровицы до Карловцовъ заплатилъ только 5 рублей, т. е. 2 гульдена серебромъ. Сюда пріѣхалъ я въ 6 часовъ, ѣзды $\frac{3}{4}$ часа, и дорога очень хороша. Варадинъ стоитъ на лѣвомъ берегу Дуная. Это—отлично обстроенная и вооруженная крѣпость. На правомъ берегу Дуная городъ Новый Садъ (Neusatz). Черезъ Дунай мостъ. Пошедши туда искать знакомыхъ, я нашелъ наконецъ сенатора Гаджича ¹⁾, писавшаго для Сербіи законы и въ его сѣмействѣ провелъ весь вечеръ. Разговорчивый человѣкъ, имѣетъ милую жену. Живетъ прекрасно. Господствующій языкъ Сербскій, до того что дочка, вышедши мнѣ на встрѣчу, не умѣла отвѣчать мнѣ по Нѣмецки. Она—дѣтя еще, но въ другихъ домахъ и въ пеленкахъ дѣти говорятъ по Нѣмецки. Звали меня завтра

¹⁾ Іоаннъ Гаджичъ—докторъ правъ, извѣстный своими трудами по филологіи и исторіи (род. 1799 г.).

обѣдать, но я едва ли могу, потому что долженъ ждать парохода. А завтра—Софія: мать Гаджича и дочушка—яминицы. Завтра Софія. Гдѣ-то я буду завтра въ тотъ часъ, когда за два года разставался съ вами, душенька маменька! Сегодня въ это время я сидѣлъ съ вами на софѣ и мечталъ о пути. Теперь тогдашнія мечты—дѣйствительность, а мечтою, желаніемъ стало быть дома, сидѣть съ вами. Охъ, хочется.

30-е. Землинъ.

На другой день познакомился съ Іоанновичемъ, профессоромъ, издателемъ Вачкой Вилы ¹⁾, съ д-ромъ Шафарикомъ. Обѣдалъ у Аджича, потому что пароходъ долженъ былъ прійти къ вечеру. Аджичъ и Шафарикъ провожали меня до берега, но парохода мы не дождались: онъ пришелъ вечеромъ и остался на ночь. Сегодня утромъ, въ 6-мъ часу онъ двинулся,—и въ 12-ть и вышелъ на берегъ въ Землинъ. Дорога очень незанимательна. Съ Чевкинымъ опять встрѣтились: онъ ѣдетъ въ Россію. Землинъ порядочной городокъ. Бѣлградская крѣпость и Бѣлградъ рисуются вблизи. Есть развалины замка Гунада.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Боже мой, какъ давно не посылалъ я вамъ письма. Отъ Рѣки до Землина! Кланяйтесь знакомымъ.

Адресуйте письмо Ганкѣ въ Прагу: онъ лучше знаетъ, гдѣ я.

Из. Ср.

LVII.

№ 47. Бѣлградъ. 1-е Октября 1841.

Я «смѣшался» (ich bin gemischt), я въ Сербіи, я въ Бѣлградѣ. Помните-ли, когда-то въ косморамѣ глядѣли мы на Бѣлградъ и Саву, текущую подъ нимъ; въ то время было во мнѣ не столько надежды, сколько желанія быть въ немъ. Долго росла надежда—и исполнилась.—Еще вчера я визи-ровалъ свой паспортъ въ Землинскомъ генераль-командо и въ санитарѣ (барантинное начальство)—и меня записали въ число переѣзжающихъ въ Турцію съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться и «смѣшаться». Такіе, ворочаясь назадъ, должны выдержать карантинъ. Это сидѣнье теперь ограничивается 10-ю днями; я не могъ не рѣшиться десятидневнымъ заключеніемъ заплатить за путешествіе по Сербіи, тѣмъ болѣе, что у меня теперь есть что дѣлать и десять дней заключенія мною потеряны быть не могутъ. Сегодня я пошелъ въ таможену,

¹⁾ Петръ Іовановичъ (род. 1810).

потомъ въ корабельное начальство, которое должно было приготовить мнѣ лодку для перѣѣзда,—и на берегу простившись съ добрымъ Маріановичемъ, всюду меня водившимъ, вскочилъ въ лодку. Три солдата гребли, два чиновника—одинъ отъ санитета, другой отъ таможи меня провожали. За Землинъ должно было показать паспортъ сторожевому офицеру, ведущему шетъ вѣтъ, приходящимъ изъ Сербіи и идущимъ въ Сербію. Мы ѣхали до Бѣлграда около $\frac{1}{2}$ часа — прежде вдоль по Дунаю, потомъ черезъ Саву у ея устья, и вверхъ по Савѣ подъ Бѣлградской крѣпостью къ пристани; можно бы и въ 10 минутъ пріѣхать, но былъ противный вѣтеръ. Приставши, солдаты вынесли мой багажъ (т. е. сумку, шляпную коробку и зонтикъ; остальное я оставилъ у Маріановича, взявши только самое необходимое), положили на пѣсокъ; чиновники простились со мною, и оставили меня одного. Они не смѣли «мѣшаться» т. е. прикасаться ни къ чему Бѣлградскому. Тотчасъ явился момакъ (хлопецъ), Сербъ, предложившій мнѣ свои услуги. Я велѣлъ ему вести меня и нести мои вещи въ домъ Русскаго консула. Тутъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Ващенко (Герасимъ Васильевичъ). Онъ принялъ меня ласково, послалъ искать квартиру, попотчивалъ по Турецкому обычаю табакомъ и кофеемъ и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ я познакомился съ его женою: премилая женщина, жаль, что безногая. Въ 5-мъ часу онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы идти къ брату прежняго князя Сербскаго Милоша, Ефрему. Домъ прекрасно меблированъ и украшенъ. Его самого я однако не видалъ, а его жену. Женщина простая, но привѣтливая. Одѣта по-Сербски: на головѣ шапочка, обвязанная платочкомъ и волосами, и надѣваемая нѣсколько на бокрень. На юбку надѣвается кофточка съ рукавами безъ полъ, а сверхъ ее бархатная, опушенная соболемъ другая курточка безъ рукавовъ. Очень мило. Дѣвушки одѣты также, только на головѣ нѣтъ платочка.

Потомъ пошли къ Тиролю ¹⁾, бывшему учителю княжеской фамиліи, котораго Ващенко рекомендовалъ мнѣ какъ человѣка, лучше другихъ могущаго мнѣ помогать въ моихъ изслѣдованіяхъ. Оттуда гулять, и далѣе къ Ващенко чай пить. Ужинать я не остался, да и ѣсть не хочется. О городѣ могу сказать немного: онъ стоитъ при впаденіи Савы въ Дунай; на стрѣлкѣ на возвышеніи стоитъ крѣпость, находящаяся, какъ и всѣ Сербскія крѣпости, въ рукахъ Турокъ, а далѣе городъ ²⁾. Въ крѣпости, гдѣ живетъ трехбунчужной паша, я еще не былъ; въ городѣ улицы кривыя, довольно узкія, домики довольно бѣдные, большею частію изъ дерева, есть впрочемъ и нѣсколько хорошихъ кирпичныхъ домовъ, и нѣсколько другихъ строится. Лавки

¹⁾ Дм. Тироль — литераторъ Сербо-хорватскій, издатель Банатскаго альманаха.

²⁾ Здѣсь въ подлин. русунокъ.

всею передней стѣною открыты; въ лавкахъ портняжныхъ и сапожныхъ работники работаютъ открыто и зимой и лѣтомъ. Мечетей множество; церковь наша только одна, снаружности прекрасная. Сербы одѣты, почти какъ Черногорцы или Далматинцы, въ шароварахъ, поясахъ, за которыми пистолеты, и бурткахъ, съ красными шапками на головахъ и косамя. Языка другого не слышно кромѣ Сербскаго. Высшее общество начинается, впрочемъ, поговаривать по-Русски. У Ващенко люди понимаютъ и даже отчасти говорятъ по-Русски; а самъ онъ, жена и тетка хоть и говорятъ по-Сербски, но плохо, и чаще по-Русски. Мнѣ все удивляюся, что я въ короткое время научился говорить по-Сербски.—Комната моя довольно чиста, довольно хорошо меблирована. Да, чтобъ не забыть: переѣздъ изъ Землина въ Бѣлградъ сталъ мнѣ 3 гульд. 38 крейц. сереб., то есть 8 руб. асс.: 1 гульд. 18 кр. въ санитарѣ, 1 г. 30 въ корабельномъ заведеніи, остальное на водку солдатамъ и прочее.

3-е.

Вчера я былъ съ Тиролемъ у Ефрема, у нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ типографіи и пр.—Сегодня утромъ были важные визиты. Сначала мы поѣхали съ Ващенко къ пашѣ (въ крѣпости Бѣлградской сидитъ трехбунчукный паша). Въ сѣняхъ и передней множество прислужниковъ и офицеровъ. На право изъ передней довольно большая зала, прямо—двѣ комнаты кабинета. Паша встрѣтилъ насъ вѣжливымъ поклономъ, вышедши изъ другой комнаты. Ему лѣтъ 40; онъ очень красивъ собою, хоть и съ бородой; одѣтъ въ венгерскую атиллу, а на головѣ красная шапка, похожая на козацкую и съ большою шелковою кистію. Усадивши насъ на диваны, онъ началъ было говорить по Французски, но какъ ему это худо шло, то перешелъ въ Турецкій, и Ващенко былъ драгоманомъ, въ томъ что относилось ко мнѣ. Комната довольно небольшая на полугерманскій манеръ: по одной стѣнѣ широкій Турецкій диванъ, по другой—креслы, у третьей—диванъ Европейскій; есть этажерка съ книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, съ полусводомъ и довольно темна. Угощенье началось тѣмъ, что подали варенье съ водою. Далѣе подали трубки и черезъ нѣсколько минутъ кофе. Я курилъ, наконецъ мнѣ наскучило, я оставилъ; паша подумалъ, что у меня погасла трубка, и предложилъ другую; это свело разговоръ на куренье табаку. Я спросилъ, употребляется ли кальянъ, или, какъ Турки называютъ, наргилѣ, и признался, что никогда еще не видалъ кальяна. Паша велѣлъ подать—и подали: графинъ съ водою до половины и съ трубкою, всаженною вмѣсто пробки, сталъ на полу, а мнѣ подали конецъ огромнаго трехсаженнаго кожанаго чубука; но съ куреньемъ разомъ не пошло: воздухъ изъ чубука надобно сильно втягивать въ себя, такъ что вода въ кальянѣ отъ этого бурлитъ. Паша

распрашивалъ, гдѣ я ѣздилъ, и даже сказалъ нѣсколько словъ о филологіи. Передъ уходомъ онъ велѣлъ подать портфель и попросилъ меня записать свое имя. — Отъ паши мы поѣхали къ князю Михайлу. Послѣ резигнаціи отца своего Милоша и смерти старшаго брата Милана, онъ остался владѣтелемъ Сербіи 16-ти лѣтъ. Довольно высокій, довольно хорошенкій, несовсѣмъ здоровый молодой человекъ, мало образованъ, но очень добръ. Съ нимъ разговоръ былъ о балахъ, которые онъ хочетъ составить зимою, и о театрѣ, который также хочетъ образованъ. Я замѣтилъ ему, что лучше бы всего было начать съ театра дилетантовъ. — Отъ князя зашли къ княгинѣ Любицѣ, его матери. Умная старуха, хоть и простая. Одѣта по-Сербски. А князь имѣетъ Русскій военный мундиръ, который введенъ и въ войско Сербское. — Далѣе поѣхали къ митрополиту. Ученый, образованный человекъ, старающійся о просвѣщеніи духовенства. Тутъ трубокъ не курили, но безъ кофе дѣло не обошлось. Кофе подается здѣсь въ маленькихъ чашечкахъ, безъ блюдецекъ. Отсюда Ващенко поѣхалъ домой, а я далѣе къ Ефрему на обѣдъ. Тутъ познакомился со всѣмъ его сѣмействомъ, т. е. съ 4-мя дочками, изъ которыхъ одна замужемъ, а три дѣвушки, и одна — Анка — была недавно въ Вѣнѣ. Всѣ три одѣты по Европейски, а говоритъ одна Анка, и по-Сербски говорить прекрасно. Два часа прошло очень пріятно. Далѣе пріѣхалъ князь (Ефремъ ему дядя), — и я посидѣвши немного отправился во свояси. Вечеръ провелъ у Ващенко, чай пилъ, ужиналъ, болталъ.

5-е.

Вчера я обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія, а вечеръ провелъ съ Тиролемъ. Сегодня былъ въ Нормальной школѣ и въ Лицеѣ; а вечеромъ опять у министра. Завтра предполагаю выѣхать въ Сербію. — Правительство, слыша, что Надеждинъ стороною нѣсколько жаловался на свое путешествіе по Сербіи, и не желая, чтобы то-же самое повторилось со мною, отрядило одного изъ чиновниковъ провожатымъ мнѣ. Извозчика я уже договорилъ: за все путешествіе, которое продолжится не менѣе 13 дней, плачу ему 36 гульденовъ, т. е. около 86 руб. асс. Лучшіе извозчики въ Сербіи — Турки, т. е. тѣ-же Сербы изъ Босніи или Булгаріи, только магометанскаго закона: они держатъ слово и не пьютъ.

Въ Бѣлградѣ и вообще въ Сербіи дороже всего квартиры и слуги. За квартиру въ 3 — 4 комнаты, вовсе не отличныхъ, платять въ годъ отъ 800 до 1000 руб. Слугъ въ мѣсяцъ платять до трехъ червонцевъ. Деньги считаются талерами (каждый 2 гульд. = около 4 р. 80 к.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц. сереб. = піястръ); а мелочь Турецкая, о которой я еще не имѣю понятія.

8-е. Лужницка ме'ана.

«На колѣну ситну кѣжгу пишемъ».

Вчера въ 10-мъ часу я выѣхалъ изъ Бѣлграда. Для сопровожденія моего по Сербіи назначенъ особый чиновникъ министерства Внутреннихъ дѣлъ С. Милодраговичъ, молодой человекъ родомъ изъ Эрцеговины, бывшій въ Далмаціи, Босніи и пр., довольно видѣвшій, довольно знающій Сербію. Данъ и особенный паспортъ... и, что всего чуднѣе, правительство — я еще не знаю кто именно — назначило даже издержки на мое путешествіе. Это мнѣ кажется не только страннымъ, но и неприличнымъ. Издержками завѣдываетъ мой проводникъ; я постараюсь однако заплатить за все и теперь записываю издержки. И такъ вчера мы выѣхали. — Прекрасная земля — Сербія: плодоносныя поля, лѣсу множество, виноградъ, рогатый скотъ, овцы, свиней, свиней и чудо жирныхъ, всего вдоволь, а по дорогѣ встрѣтишь однѣ ме'аны (постоялые дворы), селенія же въ разбродѣ: домикъ тамъ, а домикъ тамъ, два три видно во всей окрестности; можно бы подумать, что народу нѣтъ, а между тѣмъ въ Сербіи до милліона жителей. Эта невидимость жилищъ человѣческихъ безъ сомнѣнія слѣдствіе Турецкаго владѣнія. И въ ме'анахъ видно, что землей владѣли Турки: онѣ построены на Турецкій манеръ, безъ столовъ, почти безъ стульевъ, безъ ножей и почти безъ вилокъ, и совершенно безъ женщинъ. Отъ этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога въ Крагуевацъ какъ наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; съ горы на гору безпрестанно, и съ каждой горы раскрывается новый видъ на окрестныя горы или долины и лѣса. Человекъ встрѣчается довольно рѣдко, особенно женщины. Въ ме'анахъ можно достать вино, курицу, хлѣбъ, яйца, кофе, рѣдко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы въ Сопунѣ: тутъ есть меана и господаревъ (княжескій) конакъ (ночлегъ); меана какъ меана, а конакъ немного лучше: это домикъ въ 4 комнаты совершенно пустыхъ, кромѣ одной, въ которой на полу сѣно покрыто ковромъ. Тутъ спали и мы. Такихъ конаковъ по дорогѣ до Крагуевца два, есть еще одинъ въ Жабрѣ. Сегодня думали мы дойти до Крагуевца, но запоздали, — и ночуемъ — чудесно. Представьте себѣ чуланчикъ безъ оконца; половину заняло сѣно, покрытое ковромъ. Мѣсто стульевъ маленькія низенькія скамеечки, а вмѣсто стола — софра, т. е. толстая круглая доска на крошечныхъ, въ 1 четверть аршина вышиною ножкахъ. Мы поѣли сыра, попили вина и чаю, — и вотъ я пишу — по восточному обычаю, на колѣнѣ. Не дурно, особенно, когда все кругомъ сидитъ поджавши ноги, или на цыпочкахъ, въ широчайшихъ шальварахъ, съ длиннѣйшими усами. Народъ Сербскій очень красивъ, и, если не добръ, то по крайней мѣрѣ съ характеромъ. Теперь онъ начинаетъ отдыхать отъ прежнихъ бѣдъ. Недавно ѣздилъ князь по Сербіи; народъ

всюду встрѣчалъ его съ восторгомъ, и говорилъ ему: «мы ради платить не по 5 талеровъ отъ головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было бунны (возмущеній)». Теперь народъ платитъ такъ: всякій женатой по 5 талеровъ, а если отецъ имѣетъ два женатыхъ сына, то самъ ничего не платитъ, а если же имѣетъ 4 женатыхъ, то платятъ только 3 изъ нихъ. Народъ богатъ, хотя и живетъ чрезвычайно бѣдно; есть много мужиковъ, имѣющихъ по 1000 и по 2000 червонцевъ капитала. Свободны одинаково всѣ; по селеніямъ заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степеней на степенъ выше.

9-е. Радковачка ме'ана.

Сегодня у меня для писанья есть и столъ. Какой,—сейчасъ скажу; а прежде вотъ, какъ прошелъ мой день. До Крагуевца оставалось намъ 3 часа. Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и въ Крагуевацъ пріѣхали въ 9 утра. Здѣсь нашли мы что-то въ родѣ комнаты съ кирпичнымъ поломъ и съ длиннымъ, во всю стѣну диваномъ, широкимъ и мягкимъ. Тутъ явился къ намъ помощникъ окружнаго начальника, предлагая услугу для «обозрѣнія достопримѣчательностей» города. Вы знаете, что Крагуевацъ былъ, еще и году нѣтъ, главнымъ городомъ Сербіи, въ которомъ князь Милош царствовалъ какъ въ Царѣградѣ султанъ. И такъ въ Крагуевцѣ долженъ быть дворецъ, должны быть дома правительства, и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на чаршію, т. е. главную базарную площадь. Сегодня суббота—базарной день (въ цѣлой Сербіи базаръ по субботамъ, только въ Бѣлградѣ въ субботу и понедѣльникъ—для жидовъ)—и чаршія полна народу. Женщины въ старинныхъ народныхъ костюмахъ; мужчины тоже въ длинныхъ рубахахъ сверхъ штановъ, но въ турецкихъ капахъ, и народъ, особенно мужчины, чудесной,—рослой, плечистой, усахи, юнаки. Дучаны (лавки), какъ въ Бѣлградѣ. Далѣе пошли мы по улочкамъ... Идя мимо одного свѣтленькаго домика, я похвалилъ его чистоту, а хозяинъ оказался нашъ проводникъ, и пригласилъ насъ зайти. Вотъ планъ домика:

4	3	2
5		1

1) широкій крытый конекъ (галерея) 2) кабинетъ хозяина съ диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостинная. Садъ и дворъ въ чудесной чистотѣ; равно и въ домѣ все какъ будто (все) только что перемыто и перечищено. Угощеніе началось трубками. Далѣе вышла хозяйка въ опушенной соболями коротенькой шкуртелькѣ, и поднесла намъ варенье съ водой. Потомъ явилась со сливовой. Наконецъ съ кофе. При всякомъ выпиваніи было пожеланіе здравія. Когда мы уходили, она уже была безъ шкуртельки, и проводила насъ за ворота. Хозяйственность Сербокъ мнѣ очень нра-

вятся; но униженіе ихъ, предъ мужчинами, чуть не Турецкое, приводитъ въ досаду. Далѣ пошли мы въ конакъ (дворецъ) подаревъ (княжескій). Зданіе въ два яруса съ огромнымъ конкомъ посрединѣ, а съ трехъ сторонъ комнаты. Приемная не велика, украшена все кругомъ диванами, и покрыта ковромъ, на стѣнахъ портреты большею частью Русскихъ царей, и портретъ Николая вмѣстѣ съ образами. Передъ домомъ древ. Римскій памятникъ; дворъ большой, и передъ дворомъ сарай съ 9 пушками; черезъ улочку еще нѣсколько домовъ принадлежащихъ къ конаку, и среди улицы кухня. По другую сторону рѣчки Лепеницы церковь—довольно бѣдненькая съ деревянной папертью. Пообѣдавши, мы переждали дождь и поѣхали. Дорога живописная и большею частью лѣсомъ. Въ лѣсу былъ страшный ураганъ, о которомъ я прежде зналъ только по романамъ. Нашъ кучеръ Мехмедъ-Мулла, едва-едва могъ отыскивать проходъ: дорогу завалило переломленными деревьями; мы замѣтили даже нѣсколько вырванныхъ съ корнемъ—и какихъ! Дубовъ сажень въ 8 вышиною. Вотъ почему мы и принуждены были ночевать, не доѣхавши до порядочной меани. Эта, въ которую мы заѣхали, вотъ какова: большія сѣни и среди нихъ огонь; направо одинъ закоулочъ съ борошномъ, другой съ виномъ, третій съ лошадьми. Намъ послали мокраго сѣна въ винномъ закоулкѣ, а я за писанье: сыскалъ боченокъ съ каузой, покрылъ софрой, засвѣтилъ восковой огарокъ, по счастью случившійся въ моей сумкѣ,—и хорошо. На наши вопросы: что есть за фео, отвѣтъ былъ готовъ: ничего. Достали только кусокъ хлѣба изъ проса да горячей воды для чаю.

10-е. Залагоенацъ.

Лягя. Пошелъ дождь. Сквозь черепицы онъ идетъ свободно, и насъ промочило порядкомъ. Цѣлый день мы шли сегодня по грязи. Передъ вечеромъ попали сонутника, которой и довезъ насъ въ это село. Меани тутъ нѣтъ, и мы остановились у одного селянина. Впереди сѣни съ огнищемъ; съ одного боку соба (комнатка) съ женскою кроватью, а съ другого другая съ разными разностями. Эту намъ очистили, разослали соломы, покрыли ковромъ, накурили ладономъ. Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, я опять пишу на колѣнѣ; потому что ни стола, ни стула. Ужипать будемъ по Турецки, сложивши ноги подъ себя на постели. Народъ превѣжливой, прегостепримный. АЗ. Не знаяши, гдѣ живетъ кметъ (сельск. староста), мы взяли за проводника мальчика и дѣвочку. Когда они насъ довели, мы дали имъ по піастру; мальчикъ взялъ монету и сталъ разсматривать, а потомъ спросилъ: «шта је то». Онъ думалъ, что это пуговица: такъ тутъ знаютъ дѣти деньги. Да и вообще деньги мало извѣстны; а природное богатство изумительное.

Ни вчера, ни третьего дня не могъ взяться за перо. Третьяго дня къ обѣду пріѣхали мы въ городокъ Крушевацъ, дрянной, довольно разбросанный; но знаменитый тѣмъ, что въ немъ жилъ знаменитый князь Лазарь. До сихъ поръ сохранилась развалина башни отъ дворца, въ которомъ жила, какъ говоритъ преданіе, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построенная Лазаремъ; послѣ битвы на Коссовомъ полѣ она была разрушена отчасти, и стояла такъ до недавняго времени, пока князь Милошъ не возобновилъ ее. Стѣны оставались цѣлы, а потому и теперь можно судить о вкусѣ времени Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали себѣ обѣдъ въ кафанѣ¹⁾, но курицы не нашлось, и насъ пригласилъ къ себѣ обѣдать секретарь суда. Онъ изъ Австрійскихъ Сербовъ, жена—тоже, и хоть одѣта по Сербски, но очень разговорчива, и чужихъ мужчинъ не стыдится, и въ домѣ хозяйка. Послѣ обѣда поѣхали далѣе, думали ночевать въ монастырѣ св. Романа, опоздали и принуждены были переночевать въ простомъ шалашѣ у перевоза черезъ рѣку Мораву. Шалашъ очень великъ, хорошо сдѣланъ, но вѣтеръ и холодъ пробивается насквозь; а огонь на огняцѣ угасъ еще до полуночи. Въ шалашѣ мы нашли только кусокъ хлѣба да сѣно. Вчера пріѣхали часу въ 10-мъ въ Алексинацъ. Тоже дрянной городокъ, но важный по положенію: онъ стоитъ близъ Турецкой Болгарской границы, и имѣетъ карантинъ; еще недавно былъ онъ дряннымъ селеніемъ. Въ Алексинцѣ мы остановились у помочника окружнаго начальника, и приняты имъ очень ласково. Тотъ часъ по пріѣздѣ намъ дали трубки, потомъ жена вышла съ вареньемъ, далѣе съ водкой, потомъ съ кофе, и угостивши насъ, хотѣла еще приложиться къ нашимъ рукамъ; это конечно не допущено было, и мы поцѣловались съ нею по Старорусски Передъ обѣдомъ дочь, дѣвушка прехорошенькая, подавала намъ умыть руки, и за столъ не сажались ни она, ни мать. Послѣ обѣда опять мытье рукъ. За ужиномъ тоже. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, пили здоровье Покровителя Сербіи Николая. Послѣ ужина пришла дочь снимать съ насъ сапоги; а когда я предоставилъ трудъ этотъ самому себѣ, то она пришла съ водою, чтобы мыть ноги. Отказаться отъ этого было мнѣ всего труднѣе. Церемонія продолжалась до половины 10-го. Расположиться съ писаньемъ было негдѣ, и я просто легъ. Главная комната убрана совершенно по Турецки: на полу во всю комнату коверъ, на коврѣ по стѣнамъ подушки; на этомъ коврѣ были и намъ постланы постели. Сегодня рано утромъ, послѣ кофе, мы поѣхали далѣе,—и я въ знакъ моей благодарности поцѣловалъ руку хозяйки: это было такъ ново

¹⁾ Серб. кафана—кофейня.

для нея, что она покрасѣла. Въ Алексинцѣ мнѣ показывали карантинъ, прекрасно устроенный; онъ занимаетъ цѣлую улицу: съ одной стороны амбары для очищаемыхъ товаровъ, а съ другой—комнаты для людей; есть комната и для гостей не изъ простаго народа, есть и конюшни для лошадей; есть и парлаторіумъ, какъ въ Бродѣ или Митровицѣ. Въ Алексинцѣ я наслушался довольно о прежнемъ и теперешнемъ состояніи несчастныхъ Болгаровъ: Турки поступаютъ съ ними хуже нежели со звѣрами. Каждый день идутъ они толпами въ Сербію сваяать кусокъ хлѣба. Недавно одинъ христіан. купецъ былъ пашою Нیشкимъ ограбленъ, потому что онъ ворочался изъ Вѣны въ Турцію съ деньгами, полученными за проданный товаръ; другой купецъ былъ однимъ турецкимъ помѣщикомъ не только ограбленъ, но и убитъ.—Отъ Алексинца до Бани 5 часовъ; по дорогѣ мы не нашли ни одной меаны, и принуждены были голодать до Бани. Тутъ мы обѣдали и остались на ночь. Бани крошечной дрянной городишко и имѣть свое названіе отъ цѣлительныхъ сѣрныхъ водъ; еще Турки построили надъ водами баню, а Милошъ пристроилъ къ банѣ домикъ для себя и большой домъ для гостей, посѣщающихъ воды. Мы ночуемъ въ Милошевскомъ конакѣ; я купался, и потомъ лежалъ, отдыхая, съ полчаса; вода очень горяча, въ томъ мѣстѣ гдѣ она течетъ въ цистерну, яйцо варится въ 15 минутъ.

15-е. Чюпрія (то есть Мостъ).

Вчера сѣдлали мы малый переѣздъ въ Ражань, 6 часовъ отъ Бани, городокъ (или какъ тутъ называется паланка) въ нѣсколько домиковъ. Товарищъ мой захворалъ, а квартиру достали мы не лучше той, какую имѣли въ Колибѣ на Моравѣ. Удивительно, что во всей Сербіи стеклянные окна чрезвычайно рѣдки и лѣтомъ до холодовъ окна стоятъ совсѣмъ раскрытыя, а зимою заставляются окончинами изъ бумажки. Въ нашей комнаткѣ окно не имѣло также стеколъ. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая и дулъ вѣтеръ; и надобно было заложить щели соломой. Въ комнатѣ и была печь, но не топилась цѣлые полгода, и слѣд., надобно было удовольствоваться горячими углями, которые принесли въ большой сковородѣ. На возвышеніи, занимающемъ большую часть горенки, разослали ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрѣлся. Отъ Ражани до Чюпріи 8 часовъ. Черезъ два часа пріѣхали мы въ село Шупелякъ; тутъ строится прекрасная мензулъ'ана, т. е. станція для верховыхъ лошадей. Другихъ почтъ въ Сербіи нѣтъ; а за верхового коня платится въ часъ по 2 гроша или піастра; кто хочетъ ѣхать скорѣе, тотъ беретъ едекъ, т. е. запасныхъ лошадей, потому что станція велика,—отъ 4 до 6 и 8 лошадей. Въ городкѣ Парачинѣ по-

строенъ новый хорошій мостъ черезъ Црницу. И Парачинъ похожъ на Ражанъ, но чаршія богаче. За Парачиномъ видѣли мечкаря, т. е. водящаго медвѣдя. Въ 5 часовъ пріѣхали сюда, и съ помощью различныхъ начальниковъ нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоуханія) отъ дунѣ (дуния или туня—плодъ въ родѣ яблока, только тверже и больше); онѣ рядомъ лежатъ на полочкѣхъ подъ потолкомъ вокругъ всей комнаты, а въ потолокъ воткнуты раз. цвѣты, особенно цмилы (*immortella*) и босилеъ (василекъ), также кадифе (бархатки), и пр.—Пишу опять на кофѣнѣ. Погода опять разыгрывается. Чюпрія стоитъ на правомъ берегу Моравы; кругомъ—обширное поле, а кругомъ его—далеко горы. Морава широка. Черезъ нее строится мостъ; онъ будетъ деревянный, но основанія на берегу кладутся такъ прочно, что въ послѣдствіе можетъ быть поставленъ и каменный.

17-е. Луковица.

Опять два дни не писалъ; а есть что записать для будущихъ воспоминаній. Вчера утромъ въ сопровожденіи начальника и эскадроннаго командира мы ходили осматривать Чупрійскія казармы. Онѣ порядочно построены и очень чисты; конюшня очень хороша. Вся кавалерія Сербская (260 челов.) состоитъ изъ улановъ, стоящихъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣхъ и Чупри. Офицеры учились въ Россіи, въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Одежда совершенно Русская; ухватки тоже. На мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь казармы, была прежде крѣпость, и народъ воспоминаетъ о Латинскомъ царѣ Троянѣ; теперь отъ крѣпости остались кое-гдѣ камни въ землѣ. Изъ Чупри мы намѣрены были посѣтить два монастыря, а дорогу къ нимъ не знали,—и потому и получили отъ начальника проводникомъ пандура (слугу въ начальствѣ). Пандуръ одѣтъ по Турецки, хорошо вооруженъ и на конѣ. Монастырь Раваница отстоитъ отъ Чупри 2 часа, и совершенно загребенъ въ узкой долинѣ между горами и лѣсомъ. Церковь строилъ князь Лазарь; подлѣ церкви развалины 2 башенъ: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья—Вука Бранковича, но разрушена. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспѣваемой народомъ въ пѣсняхъ. Въ монастырѣ игуменъ и 4 монаха. До послѣдняго времени послѣ Коссовской битвы всѣ монастыри Сербскіе были во власти Турокъ и употребляемы, какъ конюшни. Въ церкви сохранилась однако еще старинная живопись. Подлѣ есть пещера (печина), очень глубокая, по преданію идущая къ Черной Рѣкѣ. Монашеское угощеніе заставило насъ запоздать и остаться на ночь. Сегодня утромъ рано поѣхали мы въ другой монастырь—Манасію на р. Ресавѣ. Подъѣзжая къ нему, видишь только горы покрытыя лѣсомъ, а у подошвы скалы, и между ними узкое

ущелье, по которому течет Ресава. Далѣе долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдругъ между ними и роскошной зеленью выказываются огромныя старинныя башни, соединенныя стѣною, желтыя, обросшія деревьями и мохомъ. Видъ поразительный. Вошедши въ ворота, изумляешься еще болѣе: если развалины такъ огромны и величественны, каково должно быть все это новымъ. Большая изъ башень — замокъ Стефана Деспота, сына Лазарева, строившаго все это. Церковь вѣuvo на дворѣ, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще болѣе видны слѣды разоренія. Алтарь пустъ, иконостасъ изъ простыхъ досокъ съ 4 образами, священникъ въ отрепьяхъ; кельи жалки, да и монаховъ всего на все 2. Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, не успѣли доѣхать до городка Свилейнца, и ночуемъ тутъ у мужика: соба ¹⁾ изрядная, сѣна вдоволь, ковровъ тоже, надѣюсь выпатся, какъ слѣдуетъ.

19-е. Смедерево.

Утромъ вчера оставалось намъ пути полчаса до городка Свилейнца, мы выѣхали тутъ на господарскій конакъ, хотѣли только отдохнуть, но Срезскій начальникъ не пустилъ насъ безъ завтрака, а завтракъ приготовлялся какъ обѣдъ, и мы выѣхали въ 11. Какъ вездѣ, такъ и тутъ пилося за здравіе Покровителя Сербіи Николая и Сербскаго князя, а я прибавлялъ: «и Сербскаго народа». Свилейнацъ имѣетъ очень хорошую чаршію. Ночевали во Влашкѣмъ долѣ — въ жалкой мужицкой кучѣ. Дорога изъ Свилейнца прекрасная, мѣстами какъ шоссе. Обѣдали сегодня въ городкѣ Пожаревацѣ. Въ немъ есть господарскіе конаки: тутъ жилъ князь Милошъ довольно часто. Кругомъ города — равнина. Ночевать пріѣхали сюда въ Смедерево (Семендрія). Довольно большая варош ²⁾. Въ крѣпости, строенной Юріемъ Бранковичемъ и теперь населенной Турками, находится 19 башень; видъ ея очень хорошъ, но она вся въ развалинахъ, и домишки Турецкіе точно Волошскія. Кстати: отъ Манассія и даже прежде мы видѣли довольно Волошескихъ селъ. Страшно взглянуть на домишки, въ которыхъ живутъ Волохи: точно хлѣвы, крошечные, безъ оконъ, безъ дверей, сквозять. Въ Смедереву дучановъ (лавокъ) множество, но домовъ, хоть нѣсколько порядочныхъ мало. Благодаря начальнику, впрочемъ, мы имѣемъ маленькую комнатку. Дунай въ глазахъ.

22-е. Землинъ.

Знаете-ли вы, что это «контраманцъ?» — Это свѣтленькая комнатка, въ которой стоитъ столъ, два стула, кровать, вѣшалка для платья, печь и sonst

¹⁾ Серб. соба — комната.

²⁾ Серб. варош — городъ.

nichts. Передъ окнами рѣшетка, за рѣшеткою дворъ; съ другой стороны двора такая-же рѣшетка, и за рѣшетками такія-же комнатки какъ и эта; изъ-за домиковъ видно 2 церкви—римская и наша. Рѣшетка передъ домикомъ всегда заперта на замокъ; ключъ у опредѣленнаго слуги, который приходитъ, приносить все, что нужно и уходитъ, замкнувши крѣпко комнатку на замокъ. Ко мнѣ могутъ приходять посѣтители, но разговоръ идетъ черезъ рѣшетку подѣ строгимъ присмотромъ чтобы разговаривающіе со мною «не помѣшались». Это вамъ Землинскій контраманцъ, то-есть контумацъ, т. е. карантинъ—и въ немъ я заключенъ на 10 дней. Какъ я попалъ въ этотъ контраманцъ, о томъ слѣдуетъ реляція. 20-го я выѣхалъ изъ Смедерева послѣ осмотра крѣпости. Цѣлой день ѣхалъ, и вечеромъ въ 7 часовъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ, когда уже его джаміи (мечети) были все освѣщены (что бываетъ каждую ночь въ Рамазанъ, недавно начавшійся). Тотчасъ къ Ивашенку и до 11 проболталъ. На другой день визиты министру внутреннихъ дѣлъ, министру просвѣщенія, князю, митрополиту, Обреновичу, генералу Даниловичу (служившему въ русской службѣ болѣе 50 лѣтъ) и пр.; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Ващенкоыхъ. Сегодня опять визиты, обѣдъ у Ващенко—и на лодку. Тироль и Милодраговичъ меня провожали до Землина и сдали въ контраманцъ. А путешествовалъ я по Сербіи точно даромъ: такъ желалъ князь, и, прощаясь со мною, сказалъ: «мы дорожимъ и должны дорожить такими путешественниками, какъ вы». Ну что еще сказать! И вчера, и сегодня Ващенко вы кормили меня прекрасной кашей.—Этимъ, кажется, должна окончиться и каша моего письма. Что я буду писать изъ моего заключенія? Посмотримъ какъ-то пройдутъ эти 10 дней.

1-е. Землинъ.

Я еще въ карантинѣ, но вотъ вотъ скоро явится ревизоръ, осмотритъ вѣщи и пуститъ насъ на свободу. Многіе уже отпущены. Сегодня, надобно знать, отпускаются все, безъ исключенія, и карантинъ растворяется. Если бы я все это время прожилъ въ Бѣлградѣ, то бы и въ карантинѣ не былъ. Впрочемъ, своимъ пребываніемъ въ карантинѣ я доволенъ: занимался безъ помѣхи. И скучно не было. Маріановичъ посѣщалъ меня ежедневно. Нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и генералъ Гауеръ. Онъ тутъ по какимъ то политическимъ цѣлямъ, а я, вы знаете, тоже политическое лице!

Я вышелъ изъ карантина, переселился на новую квартиру, а черезъ полчаса получилъ пакетъ отъ Гауера, который былъ сегодня въ Бѣлградѣ и взялъ его у Ващенко для передачи мнѣ: въ немъ Прейсъ прислалъ мнѣ разныя письма, между прочимъ и ваше письмо подѣ № 47 (?) отъ сент. 15. Душевно радуюсь вашей поѣздкѣ въ Кіевъ; а брата жаль. Позволеніе остаться еще на годъ добытъ; нельзя ли вамъ, душенька маменька, спросить кого-ни-

удѣ въ университетѣ, посланы ли мнѣ деньги? Цѣлую вашу ручку; писалъ бы и болѣе, да нѣгдѣ. Поздравьте, хотѣлъ сказать кланяйтесь (по Сербски поздравьте) Рославскаго, Метлинскаго.

LVIII.

№ 48.

Землянъ, 1-го Ноября.

И такъ еще на одинъ годъ остаюсь вдали отъ васъ, милая маменька. Да сохранить Господь Богъ ваше здоровье; на свое я осмѣливаюсь надѣяться. Былъ въ карантинѣ мало боленъ лихорадкою, но она прошла и надѣюсь не воротится. Да и болѣть-то мнѣ некогда. Пройдетъ и этотъ годъ, какъ прошли два прежніе, и я ворочусь къ вамъ.

Пароходъ Зринскій. 15-е.

Моя лихорадка прошла не такъ скоро, какъ я вообразилъ. 1-го я вышелъ изъ карантина, а 2-го послѣ обѣда—въ постель. Къ счастью нашелся между моими добрыми знакомыми докторъ Пантеличь, который явился тотчасъ, велѣлъ лежать, на другой день прописалъ желудочныя пилюли, потомъ пилюли противу лихорадки,—и посѣщалъ меня каждый день по два и по три раза, просиживая по часу и по два. Маріановичъ приходилъ также по нѣскольку разъ въ день. Жилъ я у учителя Сенчица, и со стороны хозяевъ мнѣ было прекрасно: хозяйинъ и хозяйка ухаживали за мною, будто родные. Заходилъ и Гауеръ. А Марья Евстафьевна Ващенкова прислала мнѣ изъ Вѣлграда чаю. Такъ я провелъ 8 дней; и 9-го вмѣстѣ съ Загребскимъ литераторомъ Бабукичемъ поѣхалъ въ Новый Садъ черезъ Срѣмъ, т. е. черезъ Индію, Карловцы и Варадинъ. Тутъ не могли найти квартиры ни у Зеленаго Вѣнца, ни у Фазана, я долженъ былъ отправиться ночевать къ Шафарику, а тотъ меня совсѣмъ не пустилъ,—и я прожилъ у него до вчера. Предоброй человекъ. Мы жили съ нимъ, какъ братья. На другой день послѣ пріѣзда я пошелъ къ Хаджичу, встрѣчаю мать его, далѣе сестру, далѣе жену,—никто мнѣ ни слова, просятъ впередъ; вхожу въ комнату спальную, у окна дама задомъ ко мнѣ толстая дама, очень знакомая, а кто не вижу. «Марья Евстафьевна!» закричалъ я, а она захохотала. Я пришелъ нечаянно, а то она хотѣла сыграть со мною цѣлую комедію: Хаджичъ долженъ былъ меня позвать къ обѣду, и спрашивать о Вѣлградѣ, а тутъ бы послѣ перваго вопроса о Ващенко-
вой,

и явилась бы она сама. Она осталась до субботы, и, разумеется, я долженъ былъ и обѣдать вмѣстѣ у Хаджича, и на комедію ходить вмѣстѣ; и нахотѣлись вдоволь. Она пріѣхала въ Новый Садъ закупать разныя разности для Бѣлградскихъ дамъ для баловъ. Звала меня воротиться. А знаете ли какъ отозвалась обо мнѣ господична Анка (Обреновичъ): «естъ люди, которые съ перваго взгляда противны; есть и такіе, къ которымъ и послѣ долгаго знакомства не чувствуешь ничего; а Срезневскій съ перваго разговора былъ для меня какъ будто роднымъ». Комедія Новосадская—конная: комедіанты дѣлають разныя штуки на лошадахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ истинно превосходны. Публика собирается подъ огромный шатеръ, въ серединѣ котораго круглая большая арена, на которой скачуть. Особенно мнѣ понравилась скачка утопающаго матроса: сначала онъ мчался съ весломъ, какъ будто гребя, потомъ весло поломалось и онъ началъ тонуть, т. е. скользиться по коню какъ утопающій по волнамъ, и стоя на лошади принималъ иногда положеніе почти горизонтальное; лошадь мчалась, а на ней не было не только сѣдла, но и узды. Это общество Чеховъ подъ начальствомъ Беранка.—Вчера (воскр.) я отправился къ пароходной канцеляріи въ 9 утра, а пароходъ пришелъ въ 5 послѣ обѣда; все это время я долженъ былъ ждать. Ыхали цѣлую ночь: первая станція была въ Илокъ, вторая въ Вуковаръ, 3-я въ Даф—все ночью. Теперь ѣдемъ, а дождь ливня льетъ; мы всѣ въ комнатѣ, одни играютъ въ карты, другіе читають, нѣкоторые дремлють, а я вотъ писалъ. Пароходъ изрядной, но ночью комната превращается въ одну постель: отовсюду изъ дивановъ выдвигаются ящики, на которые кладутся подушки, обитыя сукномъ,—и все укладывается ногами къ печи, отопляющей комнату, а столы подлѣ нея громоздятся одинъ на другой; это нельзя назвать покойнымъ, особенно когда пассажировъ много. Вчера съ пароходомъ я получилъ отъ моей Землинской хозяйки подарокъ на память—вышитое бисеромъ для портфеля или я не знаю для чего.

16-е Ноября.

Цѣлый день вчера шелъ дождь; сегодня тоже идетъ, и вѣтрено; словомъ осень. Вчера ѣхали до 6 часовъ; потомъ стало темно, и мы стали. Утромъ сегодня около 5 часовъ подвинулись далѣе,—и черезъ часъ были подъ Могачемъ. Городокъ дрянной, а знаменитъ битвою, на которой Турки разбили Мадьяровъ. Здѣсь пароходъ запасае углемъ. Между прочимъ явилась на палубу Мадьярка невѣста, цѣловала всякому руку, и за это отъ всякаго добыла по двугривенному. Одѣта изрядно, въ гладкомъ чепчикѣ на го-

ловъ, въ которому сзади привязано множество лентъ красныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ; юбка и кофточка цвѣтная, сапоги красные. На шляпѣ жениха дѣланіе цвѣты; куртка, узкіе штаны въ сапоги.—Въ нашей комнаткѣ довольно прохладно: печичка крошечная, и топятъ мало.

17-е.

Вотъ уже 12-й часъ, а я еще не сплю, и многіе не спятъ. Въ одномъ углу играютъ въ банкъ, около играющихъ собралось много зрителей; другіе, лежа, разговариваютъ; я, пользуясь свѣтомъ, читалъ, и теперь сталъ писать. Наше общество сдѣлалось очень разнообразно: нѣсколько графовъ, нѣсколько простыхъ дворянъ, нѣсколько купцовъ, нѣсколько людей безъ особеннаго званія, нѣсколько дамъ, всего по нѣскольку. Говорятъ по Нѣмецки, Мадыарски (Венгерски), Французски, Итальянски, Англійски, Сербски. Мое любопытство узнать что нибудь о Мадыар. языкѣ и литературѣ и о Венгріи привлекло ко мнѣ милость Мадыаровъ, и кавалеры и дамы учатъ меня по Мадыарски и въ восхищеніи, что нашли Русскаго, любопытствующаго узнать Мадыарскій языкъ. Вечеромъ сегодня маленькое общество наше собралось въ уголокъ противу банковаго угла,—и давай рассказывать сказки. Ирма Кишасонъ (мамзель Марія) получила первый жребій, и передала жребій мнѣ; я, рассказавши сказку о Бабъ-Ягѣ передалъ жребій Етелкѣ Кишасонъ, и такъ далѣе. Хохоту было столько, что даже около банковаго стола мѣста опустѣли, и около насъ сгустились, а мы принимали въ свое общество только тѣхъ, кто соглашался рассказать сказку, если бы на него палъ жребій.—Теперь мы остановились подъ Пестомъ: огни всюду, видно нѣсколько прекрасныхъ фасадовъ, и болѣе ничего, потому что ночь темна. Тутъ уже снѣгъ, а давно-ли я былъ въ Сербіи, а тамъ еще не падали листья съ деревьевъ.

21-е Печъ (Пештъ, Пестъ).

На другое утро рано я вышелъ на берегъ, и занялъ комнату въ отели Англійской королевы. Черезъ часъ я уже былъ у Коллара (онъ уже воротился изъ своего путешествія) и просидѣлъ цѣлое утро. Вечеромъ былъ въ Мадыарскомъ театрѣ. Давали оперу «Дукреція Борджія»; дѣвица Карлъ пѣла прекрасно; музыка изрядна. Театръ очень хорошъ и великъ. Зрителей много. Но Мадыарскій языкъ вовсе не присталъ оперѣ.—19-го цѣлое утро—съ Колларомъ, и у него обѣдалъ. Послѣ обѣда съ издателемъ Серб. газеты Оед.

Павловичем¹⁾; съ нимъ и въ Нѣмецкій театръ. Давали драму *Пряничница* Рёсель, и г-жа Гринь играла очень хорошо. Театръ еще больше нежели Мадыарскій, и очень хорошъ. Вчера опять утро съ Колларомъ и съ Суботичемъ²⁾, издателемъ Серб. Лѣтописи (журнала); и послѣ обѣда тоже съ нимъ. Вчера же былъ въ Университетской библіотекѣ, гдѣ 80,000 книгъ, есть кабинетъ для чтенія, и мало порядка; а рукописи подъ замками, и только показываются, но читать не даются.

Пестъ прекрасный городъ; послѣ Вѣны, Праги и Триеста—лучшій изъ видѣнныхъ мною. Улицы широки и прямы, вымощены какъ и въ Вѣнѣ; дома прекрасной архитектуры, особенно у берега Дуная. Дунай величественнъ. Съ противной стороны его Оффенъ, что по Нѣмецки значитъ тоже Печь, а [по] Славянски называемый Буда. На горѣ крѣпость, подъ горою тянется самъ городъ; онъ очень длиненъ. Между обоими городами черезъ рѣку мостъ на баркахъ, какъ и между Новымъ Садомъ и Варадиномъ. Къ сожалѣнію погода дурна и я не могу проходиться какъ бы слѣдовало.

24-е.

Сегодня я обѣдалъ у православнаго епископа. Онъ привезъ меня назадъ домой и зашелъ ко мнѣ. Человѣкъ довольно образованной и милой въ обращеніи.—Завтра фду.

28-е Вѣна.

Вчера пріѣхалъ рано въ 5-мъ часу. Изъ Печи проводилъ меня Павловичъ. Я думалъ ѣхать до Бретислави (Пресбурга) съ пароходомъ; но мнѣ отсвѣтовали, говоря, что туманъ можетъ меня долго задержать на пути. А такъ какъ я не имѣлъ съ собою зимняго платья, то Павловичъ снабдилъ меня своею бундой, т. е. смушковой претеплой шубой. Сегодня я былъ у Вука и въ библіотекѣ у Копитара.

Декабрь.

Въ посольствѣ я получилъ новый паспортъ и деньги, т. е. вексель на цѣлой годъ; нанялъ квартиру очень милую, недалеко отъ Вука и съ видомъ на гласисъ и городъ,—и остаюсь въ Вѣнѣ мѣсяца на два. По цѣлымъ днямъ остаюсь дома безвыходно, и занимаюсь. Въ томъ же домѣ есть трактиръ,—и обѣдать мнѣ приносятъ; утромъ пью кофе, а вечеромъ самъ себя варю чай. Сосѣди мои—люди очень для меня пріятные: во первыхъ тихи, во вторыхъ съ фортепьяно, на которомъ нерѣдко слышу то самое, что когда то слышалъ отъ васъ, душенька маменька. Это переносить меня въ Харьковъ.

¹⁾ Тодоръ Павловичъ—редакторъ «Сербскаго народнаго листа».

²⁾ Іованъ Субботичъ (род. 1817).

Иногда я совершенно забываюсь, думая, что я не въ Вѣнѣ, а въ Харьковѣ; какъ же не забыться, когда я слышу и варіаціи на «Ѣхалъ козакъ», и «Боже царя храни», и Мазурку Шопена, и Тальберга № 16, и отрывки изъ «Жизни за царя». Тутъ мнѣ приходитъ въ голову, что я дурно сдѣлалъ, не упростиши васъ Ѣхать вмѣстѣ со мною: лѣтомъ бы я прощался съ вами отъ станціи до станціи; а зимы цѣлыя проводили бы вмѣстѣ—неразлучно. Больше писать нечего. Цѣлую ручку вашу. Будьте здоровы и пишите мнѣ слѣд. письмо въ Вѣну: In Wien, Landstrasse, Am Glasis, № 498, 2-е Stock, Thür № 16. Herrn, Herrn von Sreznjewski,—или на имя Ганки въ Прагу.

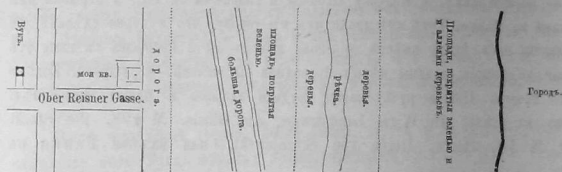
LIX.

№ 49. Копія (потому что подлинникъ написанъ такъ, что и мнѣ самому трудно читать... И такъ копія:)

Вѣна. Декабрь 1841.

Я не пишу числа, потому что дни у меня текутъ одинъ за другимъ безъ различія, и это съ малыми перемѣнами будетъ продолжаться, кажется, все время пока буду въ Вѣнѣ. Почти каждой и почти цѣлой день я дома: въ 8 часовъ пью кофе; потомъ занимаюсь до обѣда; потомъ въ $\frac{3}{4}$ первого приносятся мнѣ обѣдъ; послѣ обѣда лежа читаю пока свѣтло, иногда, впрочемъ иногда, и вздремну; далѣе зажгу свѣчку—и за работу до чаю, въ $\frac{1}{8}$ пью чай, и потомъ опять занимаюсь до 9; въ 9 ложусь на софу, и читаю что нибудь легкое для развлеченія (напр. теперь Ифланда драмы). Выхожу изъ дому, когда или что нужно купить или въ книжныя лавки расплачиваться (а книги присылаютъ мнѣ на домъ, и я выбираю, что нужно), или въ библіотеку, или къ Вуку, или наконецъ въ театр (не болѣе разу въ недѣлю), или, что еще рѣже, на почту отдать письмо и спросить, нѣтъ-ли мнѣ. Меня посѣщаютъ рѣдко: раза два въ недѣлю молодой Сербской литераторъ—студентъ университета Петровичъ, иногда на вечеръ зайдетъ Вукъ. Мнѣ не скучно, а бываетъ грустно (вотъ почему и читаю драмы и повѣсти): не получивъ еще позволенія остаться за границей, я боялся, что мнѣ откажутъ въ просьбѣ; а теперь, получивши его, я бы полетѣлъ домой. Моя несносная собесѣдка заставляетъ меня каждой день повторять: «хорошо въ чужи, а дома лучше»; играетъ себѣ да играетъ то самое, что вы играли тогда, когда—фу! за два года слишкомъ. Если-бы уже скорѣе лѣто, т. е. весна: пошелъ бы бродить,—ужь теперь побреду на востокъ, все ближе къ вамъ.

Моя квартира на углу той улицы, гдѣ я жилъ прошлую зиму, вотъ такъ:

Дорога въ городъ та же; та же старушонка счищаетъ грязь съ дороги, гдѣ люди переходятъ, и также получаетъ отъ меня по 2 крейцера въ недѣлю и за то зоветъ меня Милостью; та же шарманка подлѣ мостика и тѣ же яблоки и пирожки подлѣ шарманки, и та же нищая съ дитятей за мостикомъ.

Въ Стефановской церкви бываю довольно часто. Кстати: въ варварской Россіи ликъ Божіей Матери пересталъ лить слезы при Петрѣ, а въ образованной Германіи, въ Вѣнѣ—у деревянной статуи распятія въ церкви Стефана еще и до днесь борода растетъ и бороду стригутъ. Я приглядывался къ этой бородѣ: густая, черная; растетъ-ли, примѣтить мудрено, а всѣ ей молятся и говорятъ, что ей-Богу растетъ. Чудная борода. Да и Стефановская церковь чудна: кто ходитъ въ нее молиться, кто (какъ я грѣшнѣйшій) проходитъ черезъ нее, чтобы не обходить ее; а кто ради свиданія—кавалеръ для свиданія съ дамой, дама съ кавалеромъ. Церковь огромна, угловъ множество, темно всегда: никто не знаетъ и не видитъ, кто молится, кто проходитъ мимо, кто «свидается».

22-е дек.

Вчерашній вечеръ я провелъ такъ, какъ давно уже, давно не проводилъ. Въ Hofburgtheater вчера разыгрывали Гайдново Сотвореніе міра. Сцена во всю длину претворилась въ амфитеатръ пулпетовъ, у которыхъ по скамьямъ сѣли около 150 музыкантовъ; передъ ними на возвышеніи режиссеръ, ниже ихъ, т. е. ближе къ публикѣ около 100 пѣвчихъ; еще ближе Штаудигль, Лосъ и г-жа Гассель-Вартъ, а между ними фортепиано. Театръ былъ довольно полонъ, хотя впрочемъ и были пустыя мѣста; былъ императоръ съ императрицей, нѣсколько принцевъ и принцессъ.—Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался.—А вотъ содержаніе ораторіи:—Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройной, тихій, но могущественный голосъ отъ

скрыпки къ скрыпкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе арх. Рафаиль (Штаудигль—басъ) поетъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была безъ образа и пуста, и тѣма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Арх. Уріиль (Лосъ—теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они—и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Арх. Рафаиль: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Арх. Гавріиль (Гассель-Бартъ—дискантъ) пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаиль: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріиль: «да будетъ зелень, деревья, плоды»—и пѣсня. Уріиль съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «день дню и ночь ночи повѣдаютъ славу его,—и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финаль оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристають віолончели, далѣе альты, а между [тѣмъ] контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки—и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче), послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему?—ничьему». 2-ое отдѣленіе. Гавріиль: «И Богъ молвилъ да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснью встрѣчаетъ утро, и о любви коркуетъ (girtt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи—еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаиль: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаиль: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріиль: И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу. Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достойная человѣка. Тріо. Хоръ. Алеуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріиль, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуэтъ (превосходной) о своей любви. Хоръ. Финаль.—Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дисканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодяконской басъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна; но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю.—Давно я не наслаждался такъ,—и никогда не жалѣлъ болѣе, что всѣхъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ

ложи—и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь, да при томъ въ партерѣ что не разсѣять: впереди меня напр. сѣдѣлъ какой то провинціальный франтъ (Боже избави, если Русской), и то разваливался какъ пьяный (къ счастью его мѣсто подлѣ него было не занято, а то бы негдѣ было разваливаться), то любовался своею перчаткой. А сзади я не могъ не слышать по временамъ: ach, s'is' hübsch=ахъ, вишь ты какъ мило! Это проклятое hübsch: у Нѣмца все hübsch—и холстинковое платье въ $\frac{1}{2}$ гульдена, и только не коровье лице, и —божественное произведеніе искусства.

26-е.

Сегодня утромъ я былъ съ Вукомъ у князя Милоша. Милошъ былъ въ 1839 изгнанъ изъ Сербіи, и какъ помѣщикъ жилъ въ Валахіи, между тѣмъ какъ его сынъ Миланъ (іюня 1839), а послѣ его смерти другой сынъ Михайлъ избранъ княземъ. Милошъ изгнанъ за жестокости. Онъ впрочемъ сдѣлалъ много для Сербіи. Я принять былъ имъ ласково и просто. Говорили большею частію о древностяхъ Сербіи: видно, что онъ знаетъ Сербію прекрасно. Онъ уже здѣсь лѣто и зиму. Не добивается ли чего черезъ Австрію? Не мудрено... а молодецъ: настоящій Запорожскій гетманъ.

30-е.

19-го я былъ въ театрѣ, когда давали Лира; а сегодня слушалъ Гамлета. Лиръ былъ данъ превосходно: Аншюцъ игралъ Лира, и точно, надобно его слушать, чтобы понять, какъ все въ этой роли естественно, даже самой монологъ: «Вушуйте вѣтры (Blow, winds). Лёве игралъ шута, Лёве—шута—и чудесно. Всѣ другіе играли хорошо.—Вчера было не то: пьесу окоротили, выбросивши много прекрасныхъ мѣстъ. Гамлета игралъ Лёве—очень хорошо; впрочемъ не въ монологъ «Быть или не быть» и не въ отвѣтъ Полонію «Слова, слова, слова». Реттигова играла Офелію: были мѣста прекрасныя, но вся Офелія мнѣ не понравилась. Аншюцъ въ роли духа-короля былъ тоже хорошъ. Остальные дрянъ. Не ожидалъ я этого въ Вѣнѣ. Лучше бы было остаться дома и читать съ Вукомъ пѣсни: каждый вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ, снимаетъ свою деревянную ногу, ложится,—пьемъ чай, а потомъ читаемъ пѣсни.

Finis copiae.

Вотъ на отвѣтъ письму № 18, которое получилъ я вчера—и мѣста нѣтъ. Слѣдующій листокъ начать; но онъ въ другое время пошлется, какъ

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о¹ чемъ. Струве ¹⁾ сейчасъ буду писать: напишите на конвертѣ его имя и отчество.

ЛХ.

№ 50.

Вѣна. 4 января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело— не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрипъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дня былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извоичьихъ, кричащихъ «падѣ».—Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

^{1/13} января 1842.

Вукъ ушелъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь бьетъ полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничкѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

¹⁾ Н. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать пересталъ, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ меньше нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ, что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изгладятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, меньше, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранить Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской ¹⁾).

Все еще ¹/₁₃.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—*Herein*, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать *herüber* (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на *tableau*, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ—калѣка, не старой чело-вѣкъ (а что съ костью, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и называлъ ее «*gnädige Frau*» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ 2¹/₂ шириною и вышиною дворецъ съ подъѣздомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и дверцы отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ билиардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ століку и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

¹⁾ Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ коляскѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подозрительную трубу, — и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете предетавить, какъ все это велико. Различ. та-кихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью. — Каждая блоха въ платъи, то есть приклѣнена спиною къ платью. Есть блохи, играющія на скрипкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая. — Чудеса да и только! Вукъ идетъ. —

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ субботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходить къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку, — онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло. — На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убилося. Взяли тѣло въ больницу или клинику — не знаю; оказалось, что оно было изнасиловано и удушено. Полиція ищетъ преступника, — и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдетъ. — А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по аллеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной по-думаетъ, что у проходящаго денъги въ карманѣ, да отведетъ въ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песку, который постоянно остается въ карманѣ сертука.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стуба экипажей, какъ будто для тяжело больного.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славили день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу. — А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ — въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчій; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ несчастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любящій его дочь и ею любимый, славный паренъ, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Паренъ попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомя, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру къ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой паренъ сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шульцъ—каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совсѣмъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣвшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были одиѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливецомъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогій и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на перекоръ (*alles gehet umgekehrt*)». Престодушіе, достойное его доброй души. Особенно кричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій—не имѣетъ жены, Французскій—еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—черезъ 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра среда, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю; да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокой двух-ярусный погребъ (въ Johannesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входяишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите въ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за подупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣстницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представлений, подъ которою богатая конфетная лавка (есть конфетная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ въ услугамъ

нашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновые свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отойдутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кѣлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать, по Австраліи—ѣздить на блячахъ, въ Азіи—то Китайскія нѣмныя сцены, то театръ, шуты—всюду забавляютъ публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но все размазаны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1—20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная среда, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За санную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесною непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обогнать. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскарадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ—всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ—разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ Фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряса ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску—медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжаться до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что Фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложъ очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егеръ, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любить. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близъ рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастье судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ—своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егеръ дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующие актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: пѣь, пѣь, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егеръ; пѣь, пѣь,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егеръ съ охотниками отводить дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоценностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понявъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, заворотъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егеръ его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ счету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣбая молоденькая, столько же веселая, сколько

напривная виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги займы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень доброй и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство: «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенія по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему язалъ поселенинъ, слетаются иногда феи играть, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Игрались, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастью нашла она пастушій плащъ, и обернувшись въ него пошла искать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ виртинѣ, и та приняла ее какъ келнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ ней свой идеалъ, упросилъ ее вѣрить ему свою судьбу, взял у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушавъ живописецъ ея разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значить, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время виноберьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корзины, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хватъ—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранить не солдата, а ее, ранить смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца виртина. Черезъ нѣкоторое время гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и общалась всегда ей помогать, навсегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили фею свою сестру. Летя надъ землею на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняая виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлается въ Вѣнѣ *fugate*. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать *Sperritz*, и долженъ былъ простоять. Театръ не очень великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемая однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшкови-чемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія ¹⁾. А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

¹⁾ Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.

LXI.

№ 51.

Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ повѣстіе только степняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подолы надуваются какъ паруса, и дамы летать... и пр. Воды пошли. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постить по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Резп. .

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукъ съ книгами, и ждутъ времени, пока улягутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Josephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекающій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утопнуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покоя.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ униатства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лѣве порядочно; Оранскаго — Аншоуъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу — Марксъ очень, очень хорошо, Клэрхенъ—г-жа Пехе не

совсѣмъ ровно, но съ чувствомъ, писца Фанзена—де-ла-Рошъ чудесно. Пьеса была сокращена. Музыка къ ней небольшая, но очень хороша. А сосѣдкою моею была Люцерева. Полная, жирная дѣвка, лѣтъ двадцати пяти. Не знаю почему, но мнѣ подлѣ нея было тѣсно. Три антракта я ни слова; на четвертый я рѣшился, и то уже садясь опять на мѣсто, и сказалъ ей «prosjm za otpušténj». Она стала подбирать свое широкое черное платье, и отвѣчала: «to nie ne delá». Потомъ она спросила меня: Sind sie lange aus Böhmen?—Ein jahr, etwas mehr.—Sie sind ein Böhme?—Um Verzeihung, ich bin kein Böhme.—Und sie sprechen doch Böhmisches? Gefällt ihnen diese Sprache?... O, sehr.—Ja, ja, ja—una bella lingua.—Si, signora, e veramente bella, come quella che potesse... Ich danke höflichst... и за этимъ сдѣлала такую мину, что я не зналъ что и отвѣчать. Кстати была начавшаяся сцена. Послѣ окончанія акта она вышла, оставивши мнѣ поклонъ въ родѣ той старухи, съ которою ушла. Сидѣла скромно и даже безъ лорнета, по моему.

¹/13 марта.

Вукъ получилъ отъ нашего царя большую золотую медаль, и на радости давалъ вчера званый обѣдъ въ домѣ купца Тюрки. Надобно знать, что мать этого Тюрки была первая благодѣтельница Вука. Цѣлую недѣлю работая какъ прилежная хозяйка, воскресенья посвящала она книгамъ и литературѣ, особенно Сербской, была дружна съ Добровеками, со многими другими учеными, и когда Вукъ сталъ печатать свой Словарь, дала ему 2000 флор. серебр. (безъ малаго 5000 руб.). Сынъ уже не то что покойная мать, но всетаки добрый человѣкъ, и Вукъ по прежнему въ домѣ другъ. За обѣдомъ былъ Милошъ, его секретарь и нѣкій Гоппе, человѣкъ въ родѣ Милошева хвоста, идеалъ раба, а впрочемъ корреспондентъ Аугсбургской Всеобщей Газеты. Обѣдъ былъ прекрасный, вина пили вдоволь, и веселы были всѣ. Милошъ началъ здравицей царю, я отвѣчалъ ему на это здравицей его; далѣе пили за здоровье Вука, за память покойной хозяйки и пр. Передъ концомъ выпилъ Милошъ за счастливое мое путешествіе и я отвѣчалъ ему опять его здоровьемъ. Разошлись въ 7 часу.

16-е Шопронъ (Oedinburg) въ Венгріи.

Вы сыщете этотъ городокъ не далеко отъ Вѣны на югъ. Вотъ какимъ побытомъ я очутился въ немъ. По дорогѣ изъ Вѣны въ Триестъ, близъ Вѣны есть городокъ Wiener Neustadt; въ немъ есть кадетскій корпусъ, а въ немъ профессоромъ Чехъ Фіялка; Фіялка былъ у меня въ Вѣнѣ, и предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку къ Хорватамъ, живущимъ въ

Венгрии на границах Австрии вокруг Желзнаго (Eisenstadt), Шопрони и близ Мутенскаго озера (Neusidler See). Такимъ образомъ я сѣлъ на желѣзную дорогу вчера послѣ обѣда, и черезъ два часа былъ въ Нейштатѣ; а сегодня сѣли мы съ Фіалкой въ коляску—и приѣхали сюда. Съ нами вмѣстѣ ѣздилъ Древницкій, тоже профессоръ корпуса. Осмотрѣвши этотъ городокъ, мы пошли къ озеру (1½ часа отъ города) и полюбовались на него; воротившись, пошли къ попу изъ Хорватовъ и спрашивали его, а теперь, воротившись, собираемся спать. Завтра идемъ назадъ пѣшкомъ черезъ Хорват. деревни.

17. Нейштадтъ.

4 мили пути. Я не усталъ, но мои сапоги скривились, и ноги на пяткахъ болятъ. Хорваты чудесной народъ: мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы, и одежда прелестная. Нравственностью отличаются отъ всѣхъ сосѣдей. Домики большею частію каменные, свѣтленькіе, чистенькіе.

19. Нейштадтъ.

Вчерашній день я остался въ Нейштатѣ чтобы привести въ порядокъ то, что собралъ третьяго дни, и чтобы исполнить желаніе одного изъ профессоровъ, Бурьяна, позвавашаго меня на обѣдъ. Бурьянъ извѣстенъ въ литературѣ Чешской грамматикой. И жилъ я все это время въ корпусѣ у Фіалки: онъ не допустилъ меня остаться въ трактирѣ. Корпусъ или академія помѣщается въ замѣъ ерцгерцога, огромномъ домѣ съ огромнымъ садомъ. Учениковъ до 500, Между языками преподается и Чешскій.

19-е Вѣна.

Здравствуй, Вѣна.—Прощай, Вѣна!—

19-е Брѣтиславль (Presburg).

Я было написалъ 20-е вмѣсто 19-го, а между тѣмъ еще 19-е, и еще 6 часовъ, и уже я цѣлой часъ тутъ, да и въ Вѣнѣ пробылъ отъ 9-ти утра до 2-хъ послѣ обѣда, т. е. всего въ дорогѣ изъ Нейштата сюда 5 часовъ, благодаря парамъ. По желѣзной дорогѣ изъ Нейштата въ Вѣну нужно 1¾ часа, да изъ Вѣны въ Брѣтиславль или, какъ мы привыкли называть, Пресбургъ, 3 часа на пароходѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ было хлопотъ по самое горло: пришелъ въ полицію за паспортомъ, стали спрашивать и сколько останусь въ Брѣтислави, и зачѣмъ тамъ останусь, и куда далѣе поѣду, и всетаи не дали паспорта, а послали въ посольство за сертификатомъ для проѣзда въ Венгрію; въ посольство пришелъ, не дали сертификата безъ паспорта; опять въ полицію за паспортомъ, опять въ посольство, и опять въ полицію,

прежде въ № 6, потомъ въ № 2-й. Вещи я оставлялъ у Вука. Вукъ хотѣлъ было меня проводить, но не могъ, потому что сѣвши къ Милошу (звалъ и меня, но въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ остаться въ Вѣнѣ на цѣлыя сутки, и слѣдовательно нанять квартиру), а проводить меня до парохода Курелацъ. Пароходъ Гермина (по имени покойной принцессы, племянницы нашего царя) устроенъ чудесно, роскошно, и вдоль по Дунаю мчится какъ пухъ.

И такъ я опять въ Венгріи. За спиною Карпаты, на сердцѣ Словаки,— и они то причиной всеѣхъ распросовъ и сертификатовъ; они любятъ Русскихъ, а Мадьяры ихъ ненавидятъ, какъ и Русскихъ; Австрійцы же каждого Рус. путешественника считаютъ эмиссаромъ, и очень не жалуютъ, что я такъ долго гуляю по Австріи, занимаясь одними Славянами.

Ходилъ къ одному изъ здѣшнихъ ревностныхъ Славянъ, Штуру ¹⁾, съ которымъ познакомился еще въ Галле, не засталъ дома, оставилъ карту, и жду.

24-е.

Наконецъ я имѣю квартиру, и остаюсь тутъ на мѣсяцъ, а съ квартирою можно сказать что были хлопоты. Комнаты меблированны тутъ чрезвычайно рѣдки, а если и дадутъ мебель, то такую гадкую, что взглянуть стыдно. Наконецъ удалось мнѣ найти чистую комнату на Зеленой площади, а мебель долженъ былъ взять у такъ называемаго Тендлера, т. е. продавца разныхъ разностей, между прочимъ и мебели. За комнату плачу въ мѣсяцъ 4 гульд. сереб. = $2\frac{2}{3}$ руб. сереб. да за мебель 4 руб. сереб.; женщинѣ прислуживающей надобно будетъ дать при отъѣздѣ съ небольшимъ гульденъ. Итого квартира обойдется 11 гульденовъ: все таки дешевле нежели въ Вѣнѣ, гдѣ я платилъ 18 гульд. за одну квартиру безъ услуги (не нашлось другой подлѣ Вука), и въ трие дешевле противу того, что бы стало у Солнца, гдѣ я было остановился.

Брѣтиславъ имѣетъ жителей до 35,000, но гораздо меньше Харькова, и на мои глаза хуже. Онъ расположенъ по берегу Дуная и идетъ на гору, на которой стоятъ развалины замка.

Площадей довольно, дома не высоки. Жители большею частію Нѣмцы, а простой народъ на площадяхъ Словаки.

27-е. Модра.

Только что воротились изъ Словацкаго протестанскаго костела; сегодня здѣсь Свѣтлое воскресенье. Церковь велика, народу множество, все сидитъ

¹⁾ Людевитъ Штуръ (1815—1856)—одинъ изъ наиболѣ выдающихся дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

въ порядкѣ, въ рукахъ каждаго и каждой книга молитвенная. Сначала пѣли всѣ вмѣстѣ подъ органъ, потомъ пасторъ говорилъ проповѣдь, за проповѣдью кратенькая обѣдия на Словац. языкѣ. — Модра есть маленький городокъ, въ 3 часахъ ѣзды отъ Брѣтислави. Тутъ братъ Стура ректоромъ гимназіи ¹⁾, и мы со Стуромъ пріѣхали сюда третьяго дни и останемся до завтра. Это первый мой выѣзъ къ Словакамъ; я тутъ, какъ дома.

Апр. 2-е. Брѣтислава.

Сегодня былъ на лекціи въ лицѣѣ. Лекцію читалъ Штуръ: онъ преподаетъ сравнител. Славян. грамматику на Словацкомъ нарѣчій. Аудиторія была полная. И его слушаютъ изъ любви къ родному языку, и онъ читаетъ безъ платы. 2-й часъ была бесѣда: студенты декламировали и читали свои сочиненія. Благородное юношество.

Всюду въ Австр. имперіи все болѣе начинаютъ отпускать усы и бороды; но такихъ усовъ и бородъ какъ здѣсь я нигдѣ не видалъ: окладистыя, густыя, Великорусскія. Но это бы ничего: пусть бы носили и бороды и волосы въ кружокъ (что тоже въ модѣ); а то бѣда, что борода тутъ въ Венгріи почти безъ исключенія признакъ злодѣйской души: это люди, которые бы хотѣли помадырять весь свѣтъ. И что тутъ должны терпѣть Словаки, бѣда да и только. Даже и на православныхъ Сербовъ хотятъ поднять руку и перевести и библію, и каноны, и всѣ церков. книги съ Старославянскаго на Мадьярскій, и заставить молиться по Мадьярски. Все это дѣлается по закону, который они сами утверждаютъ, а царь—по окошкѣмъ барабанитъ, и слова не смѣетъ сказать.

17-е. Воскресенье.

Сегодня я былъ въ дружескомъ обществѣ Сербовъ молодыхъ, учащихся тутъ въ Лицеѣ и Академіи; прежде ихъ общество было открытое, но когда общества въ Венгріи запрещены, то и имъ надобно было ограничиться приватными сходками. Эта сходка дѣлана была собственно для меня. Декламировали, читали сочиненія и переводы. Все было прекрасно.

18-е.

Сейчасъ только получилъ письмо отъ Гартенштейна, купца 1-й гильдіи въ Радзивиловѣ, берущагося переслать въ Харьковъ мои книги. Онъ пишетъ: деньги за пересылку могутъ быть уплочены по обстоятельствамъ или здѣсь или же и по присылкѣ изъ Харькова; издержки кромѣ провоза въ Харьковъ

¹⁾ Карлъ Штуръ—извѣстный Словенскій патріотъ и писатель.

могутъ простираться до 15 рубл. серебромъ; за провозъ книгъ въ Харьковъ слѣдуетъ полагательно считать по 1 руб. сереб., съ пуда. Прошу Амвросія узнать, что сдѣлалъ университетъ, и если еще не сдѣлалъ, то распорядиться, чтобы скорѣе было. А деньги за провозъ въ Харьковъ, я, милая маменька, прошу заплатить васъ: у меня и есть деньги, но боюсь, чтобы [не] не достало. Платить придется не мало: уже послано мною 745 фунтовъ, а вѣрно еще прибавится до 150.

19-е.

Наконецъ—отъ васъ письмо. Цѣлую вамъ за него ручку, милая маменька; цѣлую и Амвросія: спасибо, что онъ уже не сердится на меня. Сегодня же получилъ письмо отъ князя Милоша, въ отвѣтъ на слѣдующее мое:

Светлѣйши кнеже! На мою несречу и жалост ни сам могао, при моме одлазку изъ Беча, барем још један пут видети вашу високу особу и особнје засведочити предъ вама моје искрне уваженје. Оно је дуг свакога, за кога ни су туђе срећа и слава народа Србеког; онда и мој,—и тиме за мене дражни што сам имао част познати особнје вас и вашу дубоку лјубав спрема вашег народа. Благослов је Божи на томе, ко лјуби свој народ, и зна шта има радити, да за његова лјубав разцвете добром неба у земном животу народа, и може то радити, и хоће. Ваша светлост је показала да то знате радити, и оћете: путујућ по Србији видио сам томе доста примера, а шта ни сам сам видио, а томе чуо сам од народа, чуо сам доста пута топлу молбу за здравје господара Милоша. Не само Срби кнежества Србеког, него и ти, што су у Мађарској и у Граница, и ти знаду вас и зову вас диком Србеког рода. Вратећсе у Беч био сам већ далеко од крајева' Србских, але и ту готово сваки дан сам чуо, шта сам чуо тамо: свуда, гди је глас срдца Србеког, је и глас о Милошу. Тако приповедао је мени о вашој светлости и незаборавлши Вукъ Стеф. Караджих, а особито как сам го роспитивао о његовом животу, о тих који су му помагали издавати у свет његове важне кнјиге, и поддрживали га, да може радити више и више за писменост Србску; овај пророк Србеке изображености утврдио је у мојој души светлу мисао о заслугама ваше светлости.

Сад опет чујем о новој милости, којом ваша светлост саизволитћете удостоити писменост Србску, чујем да изволитћете опредѣлити капитал, на који издаватћедусе најважније кнјиге Србеке, као што су Нови Рјечник Србски Вука, Пјесме народа Србеког, а тако дале. Из тога сваки види, до ваша светлост дубоко познаје потребе Србеког просвештења. Право имате: нек Срби познаду сами себе, шта су, и шта имаду, и што њим фали, нек се развије међу њима прави духъ народности, онда изображеност лахко ће к њима доћи народност

у народа је то само, што намет у човека: у сваког своја, а не има ли је — пропао је, за себе пропао, за других бодје би било, кад би са свим пропао. Сознавајући дубокоост ваше мисли и умољавајући Бога, да укрепи ваше здравје на славу и срећу Србеког рода, узимам си смелост захваљити вашој светлости са стране тих саплеменника ваших, који би ради били познати народ Србеки из књиџа, који ћете издавати под вашим светлим покровом; опет као ученик Вука захваљујем вама, светли кнеже, за внимање к великом мајстору Србеког језика, којега заслуге так кнежески показатћете свету. Подкрепијавајући Вука, указатћете пут и другим Србам да изучавају народ свој, и раде за његов напредак; а своје светло име ћете поставит у сјајном реду благодетелја Србеке писмености, нека немрком звездом гори на успомен будућих векова.

Целујући десницу ваше светлости, имам част и срећу остати на свагда почитујућим вашу светлост. Из. Ср. ¹/_{из} апр. 1842. У Пожуну. PS. Имам срећу засведочити моје дубоке уважење благородном господину Живановићу, а његоу молити да је преда од моје стране и не заборави Вуку.

На это писмо въ отвѣтъ онъ пишетъ между прочимъ: «Землякъ мой, г. Вукъ, уживат'ье и отсад' при затруднителным' своим' литерарным' занимањямъ усердну подпору мою». — Спасибо Милошу. Сам Вукъ просилъ меня, чтобы я написалъ Милошу писмо въ этомъ родѣ, говоря, что онъ уважаетъ меня; не могу не радоваться, что мое писмо успѣло.

Поклонитесь Амвросію, и отдайте прилагаемыя у сего листочки: это отрывокъ изъ новаго альманаха «Нитра», который тутъ печатають.

Прейса я тутъ ждалъ; а теперь получилъ писмо отъ Коллара, что онъ уѣхалъ изъ Пешти въ Краковъ. Удивляюсь, что самъ Прейсъ не написалъ мнѣ ни слова.

Цѣлую вашу ручку, душечка маменька.

Скоро, скоро я вашъ.

LXII.

№ 52. Брѣтислава. 22 апр. 1842.

Сегодня пятница, а въ пятницу собирается на моей Рыбной площади базаръ, продають зелень, цвѣты, и т. д. Каждая баба приноситъ на плечахъ овальную кадушку, въ ¹/₂ арш. и болѣе шириною и въ аршинъ длиною, полную всякой всячины, раскладываетъ свой товаръ на землѣ, обливши водою, и начинается торгъ. Сходятся покушники и покушницы, барыни и служанки, жида и жидовки (которыхъ тутъ множество).

Такъ и сегодня. Такого веселаго шума, какъ у насъ, тутъ нѣтъ, да и

базаръ-то не Харьковскій: такихъ огромныхъ базаровъ я еще за границей не видалъ. А тутъ въ Брѣтиславѣ я вижу хромоногихъ и кривоногихъ въ такомъ множествѣ, что 9-й или 10-й вѣрно переваливается на ногахъ: у одного одна нога короче, у другого переломлена, у третьяго носки ищутъ одинъ другого, четвертый на костылѣ или костыляхъ, пятой какъ кошка выдвигаетъ ногу за ногой, какъ будто изъ чамодана, шестой раскачивается идучи, какъ будто бы его тащили то въ одну, то въ другую сторону. И эти люди не изъ бѣднаго званія, а часто хорошо одѣтыя дамы и хорошенькія дѣвушки.

23-е.

Сегодня я ходилъ со Словаками пить молоко на одну изъ горъ, окружающихъ Брѣтиславу съ сѣвера. Вечеръ былъ чудесный; луна по срединѣ неба, съ горы внизъ огромный видъ на Дунай и за-Дунайскую безконечную равнину. Человѣкъ до 40 молодыхъ людей стали кругомъ, и давай пѣть, а лѣса по горамъ вторили ихъ пѣсни. Что за пѣсни! Музыканту не знать ихъ грѣхъ; а я, не музыкантъ, слушая нѣкоторыя, не могъ удержаться отъ слезъ.

24-е. Дѣвина.

Такихъ развалинъ я еще не видалъ, или по крайней мѣрѣ давно уже не видалъ. Подо мною, саженьяхъ можетъ быть въ 150, съ запада на востокъ течетъ Дунай, а съ сѣвера впадаетъ въ него Морава; воды Дуная чисто голубыя; воды Моравы желто-мутны; Дунай перерѣзываетъ ихъ, но онѣ, еще долго не мѣшаясь съ водами Дуная, текутъ у лѣваго берега сами собою. На стрѣлкѣ возвышается утесистая гранитная гора—первая ступень Карпатовъ—двумя вершинами, на нихъ развалины замка Дѣвина (что перековеркано Нѣмцами въ Töben), а за горою на Дунаѣ мѣстечко того же имени. На самомъ верху—отъ зданія осталась тутъ одна терраса—сѣжу на камнѣ, пишу и люблюсь видомъ. Эта вершина вся одна скала, на которую трудно бы и взобраться, если бы не нависшія стѣны; уцѣлѣло тутъ не многое: ниже террасы уцѣлѣли стѣны какой то залы; еще ниже на конической скалѣ стоитъ часовенька, готовая, кажется, каждую минуту упасть въ Мораву, и между тѣмъ сохранившая на себѣ остатки бѣлыхъ и красныхъ трехугольниковъ, которыми была раскрашена; съ другой стороны, ниже, стѣны двухъяруснаго дома, подлѣ нихъ колодезь, въ глубинѣ котораго видна дверь, безъ сомнѣнія имѣющая сообщеніе съ внутренностью скалы; посреди скалы дверь въ скалу и отсюда переходы подскальныя. На другой вершинѣ тоже группа развалинъ и ниже